

ФАШИЗМ И АНТИДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ В ЕВРОПЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

ФАШИЗМ И АНТИДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ В ЕВРОПЕ

Начало 20-х годов—1945 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1981

В книге советскими и польскими историками исследуется типология фашистских режимов, раскрываются их общие черты и особенности, а также сущность и эволюция автократических режимов, установленных в большинстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период. Показаны деструктивные последствия агрессивной политики Германии и Италии против стран этого региона. Значительное внимание уделяется вопросам антифашистской борьбы в странах региона.

Редколлегия:

**Я. Жарновский, И. И. Костюшко, И. В. Михутина,
Ф. Рышка, Г. С. Филатов**

ВВЕДЕНИЕ

Среди актуальных вопросов современной историографии важное место занимает проблематика истории фашизма и других форм буржуазной политической реакции, обусловленных общим кризисом капитализма. Исследование этой проблематики имеет не только научное, но и политическое значение, так как позволяет раскрыть предпосылки, сущность и своеобразие фашистских и других реакционных режимов авторитарного типа, существовавших в ряде стран Европы до конца второй мировой войны и существующих в настоящее время в некоторых странах мира.

Имея это в виду, Институт славяноведения и балканистики АН СССР и Институт истории Польской Академии наук предприняли совместные исследования по проблеме «Фашизм и антидемократические режимы в Европе в 1918—1945 гг.». Первые итоги их работы были рассмотрены на симпозиуме, состоявшемся в Варшаве (его материалы опубликованы в издании «Дзее найновше», 1978, № 1). О результатах дальнейшей совместной разработки этой проблемы дает представление предлагаемый вниманию читателя сборник статей, подготовленный на основе материалов коллоквиума, проведенного Институтom славяноведения и балканистики АН СССР в 1978 г. В помещенных в сборнике статьях советских и польских историков освещаются в сравнительном плане общие черты и особенности фашистских и других реакционных режимов и рассматривается борьба народных масс против реакции и фашизма в странах Европы в указанный период.

Фашизм (как идейное течение, политическое движение и форма государственности) и другие формы буржуазной политической реакции, возникающие в период общего кризиса капитализма, являются следствием усиливающихся противоречий империализма, реакцией монополистического капитала на процесс революционного обновления мира. Они обуславливаются общим кризисом капитализма, порождаемым противоречиями, имманентными самому капитализму на его монополистической стадии развития.

Общий кризис капитализма начался в годы первой мировой войны, когда в результате взрыва межимпериалистических противоречий возник всемирный революционный кризис, увенчавшийся победой социалистической революции в России.

Общий кризис капитализма означает кризис капиталистической системы в целом, революционный процесс ее разложения и распада. Он охватывает всю мировую систему капитализма, его экономику, внутреннюю и внешнюю политику, идеологию и культуру.

Одной из основных черт общего кризиса капитализма является раскол мира на две противоположные социальные системы и борьба между ними, в ходе которой усиливаются позиции социализма и ослабляются устои капитализма. С победой Великой Октябрьской социалистической революции стали действовать новые закономерности мирового развития, влияние социализма на мировой исторический процесс непрерывно возрастало; вместе с тем капитализм перестал быть всеохватывающей мировой системой, сузились его сфера и влияние, углубились свойственные ему противоречия, происходило разложение капитализма.

Другая основная черта общего кризиса капитализма заключается в обострении внутренних противоречий империализма, в развитии государственно-монополистического капитализма, в усилении неустойчивости и загнивания капитализма в сфере экономики, политики и идеологии. В экономике капитализма усиливаются тенденции монополизации производства и обмена. При этом монополия, являясь коллективной формой капиталистической собственности, обуславливает некоторые изменения свойств капитализма. Она подрывает индивидуальное капиталистическое предпринимательство, изменяет характер конкуренции и обмена, приводит к сдвигам в форме стоимости. Противоречие между монополистическим регулированием и частными интересами усиливает разрушительность капиталистической стихии, проявляющейся во всеобщей конкуренции, в сохранении массы средних и мелких предпринимателей, в распаде отдельных монополий и в широких масштабах спекуляции.

Капитализм не может в полной мере использовать производительные силы. При тенденции монополии к техническому застою происходит рост производства в отдельных отраслях и странах, сменяющийся упадком, что уси-

ливаает диспропорции, неравномерность и противоречия в развитии капиталистической экономики. Соединение противостоящих друг другу монополий и свободной конкуренции, изменение процессов производства и обмена углубляют основное экономическое противоречие капитализма — противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения продуктов. В результате происходит экономическое и политическое ослабление капитализма. В таких условиях монополистическая буржуазия старается использовать и использует государственную власть для преодоления кризисного состояния и сохранения своего господства. Это приводит к перерастанию монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, при котором силы государства и монополий соединяются в один механизм. Характерными чертами государственно-монополистического капитализма являются сращивание государственного аппарата с аппаратом монополий, передача государством некоторых функций монополиям, государственные капиталовложения в частное производство, правительственные заказы и закупки, развитие государственной капиталистической собственности, государственное регулирование экономики и содействие внешнеэкономической экспансии монополий. Государственно-монополистический капитализм углубляет старые и порождает новые противоречия в системе империализма.

Общий кризис капитализма резко обостряет социальные противоречия — усиливаются эксплуатация пролетариата, разорение крестьян и ремесленников, расслоение буржуазии. Это вызывает растущее сопротивление со стороны эксплуатируемых и угнетаемых масс. Классовая борьба трудящихся против буржуазии и помещиков приобретает все более широкий размах и острые формы. Нарастают противоречия между монополистической и немонополистической буржуазией. Усиливается освободительное движение национально угнетенных народов. В этих условиях монополистическая буржуазия, стремясь сохранить свое господство, идет на некоторые уступки трудящимся, проводит политику социального маневрирования или в обстановке острых классовых противоречий, будучи непосредственно связанной с милитаризмом, переходит к авторитарным формам управления, становится на путь крайней политической реакции вплоть до установления фашистской диктатуры. В политическом отношении это означа-

ет кризис буржуазной демократии, отказ от демократических прав и свобод, господство реакционных, диктаторских и фашистских режимов.

Третью основную черту общего кризиса капитализма составляет кризис колониальной системы. Этот кризис опосредованно сказывается и на положении стран, которые, не имея колоний, сами находились в экономической и политической зависимости от крупных колониальных держав.

Начавшийся в годы первой мировой войны и завершившийся в 1923 г. первый период общего кризиса капитализма характеризовался мощным подъемом революционного и освободительного движения, образованием и упрочением социалистической системы, ослаблением мирового капитализма. В этот период устанавливается фашистская диктатура в Италии и возникают фашистские движения в других странах. Второй период общего кризиса капитализма, охватывающий 1924—1928 гг., определяется временной, относительной и частичной стабилизацией капитализма, спадом революционного движения, некоторым ростом производства и товарного обращения, дальнейшим укреплением социалистического государства и усилением его международного значения. Третий период общего кризиса капитализма охватывал предвоенное десятилетие. Это — годы мирового экономического кризиса, хозяйственной депрессии, сопровождавшиеся большими экономическими и политическими потрясениями, резко обострившими все противоречия капитализма. Вместе с тем это были годы ускоренного развития Советской страны, построения в ней социализма.

В условиях усиленной классово и политической борьбы в капиталистическом мире фашизм переходит в наступление. В 1933 г. в Германии утверждается диктатура нацистов, в 1936 г. франкисты в Испании поднимают мятеж против республиканского строя.

В сборнике статей освещаются важные вопросы истории фашизма в Италии, Германии и Испании: типология фашистских режимов, внутренняя организация и правовая система фашистского государства, особенности итальянского фашизма и испанской франкистской государственности, соотношение фашизма и национализма в итальянском варианте.

Основные черты общего кризиса капитализма и связанные с ним социально-экономические и политические

тенденции в большей или меньшей мере проявились и в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. В первый период общего кризиса капитализма благодаря Октябрьской революции и происшедших под ее воздействием революций в Германии и Австро-Венгрии народы Польши, Чехословакии и Югославии обрели национальную независимость. Это создало более благоприятные условия для их национального развития, роста классового сознания трудящихся и активизации их революционной борьбы. Новые черты стала приобретать классовая борьба пролетариата. В 1918 г. возникли компартии в Польше, Венгрии, Греции, в 1919 г. — в Болгарии и Югославии, в 1921 г. — в Румынии и Чехословакии. В 1919 г. были провозглашены Венгерская и Словацкая Советские республики, которые, однако, не смогли устоять перед напором внутренней и внешней реакции. В 1919 г. была запрещена деятельность компартии в Польше, в 1920 г. — в Югославии, в том же году устанавливается хортистский режим в Венгрии. Широкое стачечное движение пролетариата, массовые политические выступления трудящихся, их солидарность с Советской Россией, Силезские восстания и Краковское восстание в 1923 г. в Польше, переворот в Греции (1922 г.), Июньское и Сентябрьское восстания 1923 г. в Болгарии, политические кризисы и экономические потрясения составляют дополнительные черты этого периода, характеризующегося в целом громадным революционным подъемом в этих странах. Господствующим классам удается подавить или ослабить революционное движение, затормозить процесс крушения капитализма.

Во втором периоде общего кризиса капитализма в ряде стран региона усиливается наступление реакции: в Болгарии утверждается военно-фашистский режим (с 1926 г. наступает некоторое его ослабление); в Румынии в 1924 г. запрещается деятельность компартии (с 1926 г. восстанавливаются некоторые демократические свободы); в мае 1926 г. в Польше устанавливается санационный режим; в Чехословакии и Югославии ограничиваются демократические права и свободы.

В предвоенное десятилетие в странах Центральной и Юго-Восточной Европы значительное развитие получает государственно-монополистический капитализм. При этом в условиях относительно слабо развитой экономической структуры и ее зависимости от иностранного капитала государственно-монополистический капитализм резко уг-

лубляет социальные противоречия. Стремясь сохранить свое господство, монополистическая буржуазия усиливает политическую реакцию, переходит к диктаторским формам правления. Активизируются разного рода фашистские движения. В 1929 г. в Югославии устанавливается королевская диктатура; в 1934 г. в Болгарии — военно-фашистская диктатура, которая вскоре перерастает в монархо-фашистскую диктатуру; в 1936 г. в Греции — фашистская диктатура Метаксаса; в Венгрии правительство Гёмбеша стремится ввести тоталитарный режим; в Румынии в 1938 г. утверждается королевская диктатура; усиливаются реакционные тенденции в Польше (конституция 1935 г., новый избирательный закон); ограничиваются демократические права в Чехословакии. Внутренняя обстановка в этих странах осложняется межгосударственными противоречиями, усиливающейся угрозой фашистской агрессии, новой мировой войны.

В сборнике большое внимание уделяется вопросам политического устройства и борьбы народных масс против наступления реакции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, в частности рассматривается специфика социально-политической структуры в этих странах, раскрываются особенности болгарского фашизма, сущность политической системы в Венгрии, политика польского национального государства в отношении народных масс, черты фашистского оккупационного режима и кризис фашистской системы на завершающем этапе второй мировой войны, антифашистская борьба различных классов и слоев населения. Наряду с этим рассматриваются и историографические аспекты проблемы.

Г. С. ФИЛАТОВ

ТИПОЛОГИЯ ФАШИСТСКИХ РЕЖИМОВ И ОСОБЕННОСТИ ИТАЛЬЯНСКОГО ФАШИЗМА

Борьба с фашизмом всегда занимала важное место в деятельности международного рабочего движения и демократических сил. В решениях Берлинской конференции коммунистических и рабочих партий Европы 1976 г. подчеркивалась необходимость искоренения фашизма, предотвращения его возрождения в открытой или завуалированной форме, борьбы против фашистских и неонацистских организаций и групп¹. Решение этих задач требует внимательного изучения истории возникновения фашистского движения, методов идеологической обработки фашистами населения, связей фашистских диктатур с ведущими группировками правящего класса и империалистической политикой крупного капитала.

За годы, прошедшие после окончания второй мировой войны, по этим вопросам накоплен огромный документальный и исследовательский материал, раскрыты многие факторы, приведшие к появлению на исторической арене фашистских государств. Правда, до сих пор объектами исследования были преимущественно отдельные разновидности фашизма.

Советская историография имеет значительные достижения в изучении разновидностей фашизма. Исходя из главного признака фашизма как открытой террористической диктатуры правящего класса, советские историки наибольшее внимание уделяли германскому фашизму, которому посвящено подавляющее число работ, вышедших в СССР в послевоенные годы. Однако актуальной остается задача изучения фашизма во всех его разновидностях, что особенно важно в настоящее время, когда неонацизм трансформируется, появляется подчас в неожиданных формах.

В недавно вышедшей монографии «История фашизма в Западной Европе» [М.: Наука, 1977] содержится первая попытка дать сравнительный анализ фашистских режимов и движений в Европе между двумя мировыми вой-

нами. В этой книге выделяется главный критерий для типологии государственно оформившегося фашизма [с. 605]. Таким критерием считается степень концентрации власти в руках фашистской верхушки и сросшихся с ней экстремистских фракций монополистического капитала. Этот вывод вытекает из известного определения фашизма, выработанного Коминтерном. На первый план здесь ставятся отношения между фашистской верхушкой и стоящими за ее спиной фракциями монополистического капитала, с одной стороны, и государством и гражданским обществом — с другой.

Фашизм был сложным явлением, включавшим идеологические, политические, экономические, социально-психологические и другие аспекты жизни наций. Глубокий анализ этих аспектов имеет очень важное значение для разоблачения построений буржуазной историографии.

В советской историографии сущность фашизма как специфического метода осуществления классового господства наиболее реакционных элементов монополистического капитала по преимуществу раскрывалась в политической и социально-экономической сферах. Исследование социальной психологии, культуры и морали позволяет глубже и полнее раскрыть сущность фашизма и вскрыть несостоятельность буржуазных социально-психологических концепций, которые за последнее время явно оживились. Сторонники этих концепций возрождают в различных формах взгляды Г. Раушнинга и Б. Кроче, изображавших фашизм как прорыв на историческую сцену групп авантюристов, воспользовавшихся забвением духовных ценностей и психологической дезориентацией населения. Политическая направленность подобных теорий заключается в том, что вина за расшатывание традиционных устоев государственности и распространение пренебрежительного отношения к моральным ценностям возлагаются не только на мировую войну, но и на революционные события прошлого и нынешнего веков. Такая социально-психологическая трактовка фашизма по сути дела снимает вопрос о роли прогрессивных сил в разгроме фашизма: его ликвидация рассматривается как возврат к нормальному состоянию общества в результате освобождения людей от коллективного психоза.

Главный методологический порок схем буржуазных историков, признающих общность фашистских режимов, заключается в произвольном определении признаков фа-

шизма. Чаще всего эти признаки ограничиваются областью идеологии. Западногерманский историк Э. Нольте выделяет шесть основных черт фашизма: антимарксизм, антилиберализм, принцип фюрерства, наличие военизированных подразделений в партии, антиконсервативная тенденция, тотальные притязания. Некоторые историки доводят число признаков до 12, другие — сокращают их до 3—4. Однако во всех случаях обращают на себя внимание произвольное смешение существенных и второстепенных признаков, отказ или нежелание выделить главный признак или главные черты.

В буржуазной историографии проявляется также стремление вообще уклониться от обобщающего определения фашизма, прикрываясь теорией «национальных фашизмов». Представители этого направления историографии утверждают, что каждая страна имела свой собственный фашизм и между фашизмом в отдельных странах было больше различий, чем сходства. При этом классической моделью объявляется германский или итальянский фашизм, а выяснение общих социально-политических корней фашизма подменяется рассуждениями о национальных особенностях немцев или итальянцев.

В отличие от буржуазных политических деятелей и историков марксисты уже в начале 20-х годов указывали, что фашизм, порожденный общим кризисом капитализма, — явление международное. Когда фашистская чума стала расползаться по Европе, это утверждение стало историческим предвидением. Однако лишены всякого основания упреки в том, что марксисты повсюду видели и видят единообразный фашизм. Социально-политическая основа фашизма была единой для всех стран, но в различных странах он обладал специфическими особенностями.

Марксистские исследователи помнят слова Г. Димитрова о необходимости конкретного изучения и учета своеобразия развития фашизма и различных форм фашистской диктатуры в отдельных странах и на различных этапах². Эти различия зависели в первую очередь от уровня экономического развития страны, социальной структуры населения, исторических традиций, масштабов империалистических притязаний господствующих классов, степени воздействия фашистской идеологии, способности фашистских организаций дисциплинировать население, силы сопротивления диктатуре со стороны авангарда рабочего класса и ряда других факторов.

В наши дни, когда неофашисты пытаются укорениться в национальной жизни ряда стран, актуален вопрос о том, как зарождался фашизм и как он сумел прийти к власти. Ссылки буржуазных историков на особый психологический климат, созданный первой мировой войной, мало что проясняют, ибо фашисты всегда действовали в конкретной политической обстановке и имели дело с реальными социальными и политическими силами.

Между двумя мировыми войнами фашистские движения возникали в ряде стран Европы, однако ни в Англии, ни во Франции они не смогли приблизиться к власти. Наиболее благоприятными для них оказались условия в странах, вступивших позднее на путь капиталистического развития. В Германии и Италии быстрое развитие капитализма сопровождалось ломкой старых социально-экономических структур, что создавало напряженную обстановку для широких слоев населения и особенно обостряло классовую борьбу. Буржуазия этих стран поздно вступила в борьбу за раздел мира, и неутоленные империалистические аппетиты способствовали распространению шовинизма. Господствующие классы в Германии и Италии не обладали таким опытом в проведении гибкой политики в отношении рабочего класса, который имела буржуазия в тех странах, где переход от феодализма к капитализму произошел раньше, и буржуазно-демократические институты в Германии и Италии не имели длительных традиций и достаточно широкой базы.

Таким образом, уже в специфических чертах генезиса капитализма и империализма в Италии и Германии содержались предпосылки широких классовых столкновений. Однако эти исторические предпосылки сами по себе не могли обусловить появление фашистских режимов. Их утверждение проходило в упорной социальной и политической борьбе, исход которой зависел от многих объективных и субъективных факторов.

Непосредственным толчком к возникновению фашизма послужили обострение классовой борьбы и рост революционного движения под влиянием Октябрьской революции. Именно в этих условиях на сцене появились фашистские движения, которые с первых же дней сделали своим знаменем яростный антикоммунизм. Главным оружием политической борьбы фашистов стал террор, направленный против организаций рабочего класса. Однако одним террором фашисты никогда не достигли бы своих

целей. Сделав главным принципом своей пропаганды бесстыдную демагогию, фашисты оказались способными вводить в заблуждение определенные слои населения и использовать массовое движение в антинародных целях. Они выдвигали в высшей степени радикальные лозунги: обещали освободить и оздоровить национальную жизнь, обвиняли рабочие партии в «классовом эгоизме» и провозглашали себя выразителями интересов всей нации. История убедительно показала, чего стоили все эти лживые лозунги.

Однако фашисты сумели гораздо энергичнее и успешнее использовать в своих интересах социальную демагогию, чем это делали старые буржуазные партии. Для защиты интересов крупного капитала им удалось создать партии, глубоко отличавшиеся от существовавших до того времени. Это не были обычные буржуазные партии, занятые главным образом собиранием голосов на выборах в парламент. Разветвленный организационный аппарат, военизация и партийная дисциплина сочетались с созданием у рядовых членов иллюзии участия в обновлении общества. В отличие от лидеров старых партий, которые происходили, как правило, из высших слоев общества, фашистские вожди были выходцами из низов и при каждом удобном случае кричали о своей близости к народу. В изучении методов создания и функционирования фашистских партий состоит одно из важных направлений познания фашизма, его способов воздействия на массы. В частности, это должно помочь борьбе с современным неофашизмом, ибо при всем его стремлении выглядеть «обновленным» во всех основных чертах он является лишь эпигонством старого фашизма. При исследовании истории фашистских режимов особое значение имеют две проблемы — это отношения между фашизмом и массами и отношения между фашизмом и правящим классом.

Фашистам никогда не удалось бы достигнуть успеха без мощной поддержки руководящих групп правящего класса. Документально доказано, что некоторые банки и промышленные монополии финансировали фашистов с самого начала. Однако союз крупного капитала с фашистами сложился далеко не сразу и не был столь гармоническим, как это иногда представляется. Решающую поддержку фашистам монополии стали оказывать лишь тогда, когда убедились, что в новых условиях именно фашисты способны лучше других служить их целям. Характерно,

что в Германии, буржуазия которой имела перед глазами пример Италии, этот процесс протекал значительно быстрее.

Непосредственную поддержку фашистам при захвате власти оказали представители государственного аппарата, полиции и армии. Велика также ответственность за приход к власти фашистов руководителей буржуазных партий, в том числе и называвших себя антифашистскими. Как известно, деятели буржуазно-либерального толка часто надеялись, что после расправы с революционным движением фашизм сойдет с политической арены и освободит им место.

История прихода фашистов к власти изучена в отдельных странах довольно основательно. Значительные трудности встречаются в изучении взаимоотношений между фашизмом и крупным капиталом на последующих этапах.

В настоящее время мало кто из буржуазных историков полностью отрицает эту связь. Чаще встречается концепция примата политики над экономикой, суть которой сводится к тому, что промышленники, помогая фашистам, в то же время наряду со всеми испытывали гнет фашистской диктатуры.

Действительно, «капитаны индустрии» редко занимали видные посты в фашистских партиях. Но это было выгодно обеим сторонам — фашистским законам легче было ругать анонимных «плутократов», а крупные промышленники и аграрии избегали непосредственного участия в наиболее одиозных акциях фашистского режима. Дальновидные представители капитала отнюдь не исключали перспективу ухода фашистов с политической арены и предпочитали действовать за кулисами. Для воздействия на выбор решающих направлений политики фашистских государств у них всегда было достаточно средств.

Буржуазные историки, возражая против марксистской трактовки вопроса о взаимоотношениях крупного капитала и фашизма, пытаются представить фашистские движения как бунт средних слоев и пишут даже, что фашистские режимы отражали стремление мелкобуржуазной массы к политической власти. Марксисты не отрицают, что массовую базу фашистских режимов составляла в первую очередь мелкая буржуазия. Однако никто еще из буржуазных историков не доказал и не сможет доказать, что фашистские режимы отражали и защищали интересы мелкой буржуазии.

Что касается отношения рабочего класса к фашизму, то буржуазные историки часто готовы признать, что эта социальная категория оказалась наименее восприимчивой к фашистской пропаганде. Общеизвестно также, что самыми непримиримыми борцами против фашистских режимов были коммунисты. Ведущую роль рабочего класса в борьбе с фашизмом следует особо подчеркнуть, ибо буржуазные историки часто идентифицируют моральное неприятие фашизма с активной борьбой против него. Поэтому еще одно важное методологическое требование, которого следует придерживаться при изучении фашизма, — это рассмотрение его в комплексе с антифашистской борьбой. При этом не остается места для попыток поставить на одну доску пассивный моральный протест против фашизма и решительную героическую борьбу коммунистов с фашизмом.

Наиболее полное развитие все черты фашистской диктатуры получили в фашистской Германии. Страх крупной буржуазии перед массовым рабочим движением, перерастание ее империалистических устремлений в притязание на мировое господство — все это способствовало проникновению фашизма в национальную жизнь и формированию тотальной фашистской диктатуры. Нацистская партия в процессе срачивания с государственно-бюрократической организацией подчинила ее себе и стала полновластным хозяином в стране. В Германии имелись наиболее благоприятные возможности для трансформации национальной экономики в материально-техническую основу экспансионистской внешней политики.

Хотя итальянский фашизм пришел к власти раньше германского, ему удалось достичь меньшей степени концентрации власти. Монополистические объединения в Италии были слабее германских и представляли меньше возможностей для создания мощной военной машины. Итальянская фашистская партия не сумела полностью подчинить себе милитаристскую верхушку и ликвидировать монархию. Номинально главой государства в Италии всегда оставался король. Степень влияния идеологии и организационной структуры фашистской партии на гражданское общество в Италии была также меньшей, чем в Германии.

Все это сказалось на судьбе фашистских режимов в двух странах. В то время как итальянские монархические и военные круги с помощью фашистских иерархов легко

совершили дворцовый переворот и в 1943 г. убрали Муссолини, верхушечный заговор 1944 г. в Германии, преследовавший те же цели, потерпел провал.

Но если германский фашизм пошел в своей внутренней логике развития гораздо дальше итальянского, то итальянский фашизм имеет право первородства. Это был первый фашистский режим, который «прокладывал дорогу» и у которого, как об этом говорил Гитлер, он многому научился. Приоритет итальянского фашизма в захвате власти обусловил многие его особенности и характерные черты. Прежде всего — это его медленное становление как государственного режима. Придя к власти в 1922 г., итальянский фашизм лишь в 1929 г. в общих чертах обрел форму государственного устройства. Если германский фашизм менее чем через четыре года после захвата власти был готов осуществлять свою политику военной силы, то Муссолини понадобилось для этого более сорока лет.

Придя к власти, итальянские фашисты по сути дела не имели сколько-нибудь законченной программы политической и административной реформы государства. Бросается в глаза одно важное обстоятельство: не затрагивая главные столпы государства (монархия, армия, церковь), фашисты стремились как бы «привить» «фашистскую революцию», как они ее называли, к старому «стволу легальности». Организационными каналами, через которые шел процесс этой «прививки», стали «большой фашистский совет», который все больше ограничивал законодательные функции парламента, и «добровольная милиция национальной безопасности», призванная внести «фашистский дух» в армию. Таким образом, итальянский фашизм впервые добавил к традиционным органам государства свои собственные организации, постепенно включая их в государственный аппарат. Однако итальянский опыт в этом отношении не был столь успешным — Гитлер провел его гораздо масштабнее и последовательнее.

Свои главные задачи в экономической и социальной областях итальянские фашисты обещали выполнить путем создания «корпоративного государства». Основные принципы корпоративной политики были изложены в так называемой «хартии труда», опубликованной в 1926 г., однако их претворение в жизнь началось значительно позднее. Профсоюзные организации стали преобразовываться в отраслевые корпорации промышленности, сель-

ского хозяйства, торговли и т. д. (всего было создано 22 корпорации, объединившие предпринимателей и лиц наемного труда). Были образованы министерство корпораций и Национальный совет корпораций, а палата депутатов была переименована в палату фашизма и корпораций. Таким образом, формально корпоративное государство было построено. Корпорации изображались организациями, которые были призваны покончить с классовыми конфликтами и тем самым разрешить социальные проблемы. Некоторые апологеты корпоративизма в то время писали даже, что «мощной воспитательной работой» корпорации вообще ликвидируют классы как таковые.

Однако действительность была далеко не такой, какой изображали ее фашистские пропагандисты. Так называемый классовый мир поддерживался мощным полицейским аппаратом. Что касается разрешения трудовых конфликтов «мирным» путем, то даже официальные документы корпораций свидетельствуют, что таким образом разрешался ничтожно малый процент споров между предпринимателями и рабочими.

По утверждениям фашистской пропаганды, корпоративный строй знаменовал собой не только «социальную революцию», но и установление «нового типа» руководства экономической жизнью, способного «преодолеть» антитезу либеральной свободы и социалистической централизации. Государству при этом отводилась роль арбитра, который, не занимаясь непосредственно производительной деятельностью, руководит и направляет ее. На деле все без исключения представители крупных капиталистических объединений и их доверенные лица как «крупные специалисты» занимали ключевые посты в корпоративных органах. Кроме того, промышленники сохранили свое профессиональное объединение — конфедерацию промышленников, проявлявшую гораздо больше оперативности, чем громоздкий и неповоротливый корпоративный аппарат.

Слабость итальянского фашизма сказывалась и в области внешней политики. Поставив фашизм у власти, итальянская крупная буржуазия надеялась с его помощью успешнее осуществить свои империалистические цели. Однако лишь в 1936 г. Муссолини провел первую захватническую акцию крупного масштаба, напав на Эфиопию. С захватом Эфиопии к титулу итальянского короля был добавлен титул императора, а Муссолини присвоил

себе звание первого маршала империи. Однако к большой войне, к которой так стремились итальянские милитаристы, Италия оказалась плохо подготовленной, настолько плохо, что когда 1 сентября 1939 г. Гитлер напал на Польшу, Муссолини воздержался от вступления в мировую войну. Это было сюрпризом для многих, в том числе и для Гитлера.

После вступления в войну итальянская армия терпела ряд поражений. Итальянский фашизм оказался банкротом не только в военной и экономической областях, но и в области социальной политики.

Важнейшим фактором, побудившим итальянскую верхушку пойти на заговор против Муссолини и совершить государственный переворот, были выступления рабочих Северной Италии в марте 1943 г. Впервые в истории фашизма в разгар войны трудящиеся крупнейших предприятий прекратили работу и открыто потребовали покончить с войной и фашизмом. Итальянская верхушка понимала, что усиление борьбы трудящихся может не только опрокинуть фашизм, но и поколебать позиции всего правящего класса. Этим, в частности, объясняется тот факт, что в заговоре приняли участие монархические круги и представители фашистской верхушки, а за их спиной стояли высшие круги католической иерархии и крупные монополисты. Таким образом, бесславный крах режима Муссолини задолго до окончания второй мировой войны явился результатом органической слабости, присущей этой разновидности фашизма.

¹ За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс. К итогам конференции коммунистических и рабочих партий Европы. Берлин, 29—30 июня 1976 г. М.: Политиздат, 1976, с. 39.

² Димитров Г. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1957, т. 1, с. 456.

ОРГАНИЗАЦИЯ ФАШИСТСКОГО ГОСУДАРСТВА

1.1. Государство по своей сущности является организацией, т. е. его основополагающей чертой является существование зависимостей формального и институционального характера, которые, собственно, и создают организацию. Основная зависимость в государстве определяется сущностью власти, которая отражает социально-экономический строй и служит выражением классового характера организации.

Применительно к этой цели формируется и сама *организация*. Это понятие более широкое, чем «форма», так как охватывает не только совокупность действующих формально государственных институтов, но и упомянутую взаимозависимость между государственными институтами, а также зависимость между ними и обществом, разделенным на классы, слои и другие макрогруппы (например, по вероисповеданию), выступающие как субъект воздействия. Так, например (о чем подробнее будет сказано ниже), такой группой можно считать армию (офицерский корпус) или бюрократию (корпус государственных служащих). Особое место принадлежит фашистской партии в связи с ее положением в государственной организации.

Учитывая внутреннюю структуру организации, удобнее будет пользоваться термином «государственная система», помня при этом, что «система», понимаемая исторически, в духе исторического материализма, обладает следующими признаками: 1) складывается из определенных элементов; 2) между элементами существует по крайней мере одна поддающаяся определению зависимость; 3) некоторые зависимости влекут за собой другие; 4) определенный комплекс зависимостей в настоящее время влечет за собой определенный комплекс (один из возможных разнообразных комплексов) в будущем. Это определение системы относится и к фашистской системе.

1.2. Фашистская система не может быть в наших рассуждениях абстрактной моделью государства. Ее атрибуты можно определить путем анализа фашистских систем, существовавших: в Италии (в период правления национальной фашистской партии); в Германии (в годы правления национал-социалистской немецкой рабочей пар-

тии — НСДАП); в Испании (в период правления партии Испанская традиционалистская фаланга и хунты национал-синдикалистского наступления — ХОНС). Я специально называю здесь партийно-фашистские формации, а не имена диктаторов, ибо имею в виду различия между «авторитарной» системой и «фашистской» системой, о которых я писал в другом месте (в книге «Государство чрезвычайного положения»¹). Авторитарные системы, которые стремились приблизиться к фашистской модели (сначала к итальянской, позже к германской) и применяли похожие или аналогичные методы управления, не отличались от фашистских по своей классовой цели, но отличались от них массовой базой движения (партии) и в связи с этим — частично программными тезисами и групповыми интересами, закамуфлированными социальными лозунгами. Авторитарные и фашистские системы объединяла резкая враждебность к марксизму, прежде всего к коммунистическим партиям, к революционному движению и революционным левым силам крестьянства, выступавшим в союзе с коммунистическими партиями. Степень этой враждебности зависела от силы революционных партий и группировок, от этого также зависело и разнообразие применяемых методов (преследования судебные и внесудебные, полицейский террор, ограничения гражданских свобод, запрет революционных рабочих и крестьянских партий). Определенную роль играли также мировоззрение и идейные связи авторитарной правящей группы, например союз с церковью, с консервативной партией, с монархией, если таковая существовала (Болгария, Югославия, Венгрия, Румыния), а также территориальные притязания (Румыния, Польша). В целом авторитарные системы были характерны скорее для отсталых, аграрных стран (исключение составляет Австрия), где массовые партии фашистского типа, базирующиеся главным образом на городском населении — мелкой буржуазии, интеллигенции, безработных, не имели шансов на количественный рост («Железная гвардия» в Румынии, Лагерь национального единства в Польше). Мы исходим из того, что «фашистские системы» были порождением «фашистских движений», все же движения имели массовый характер, за исключением Испании, где можно видеть комбинацию авторитарной и фашистской систем с преобладанием первой — с 1937 г., с образования Испанской традиционалистской фаланги. В Испании «военная

эпопея» привела к объединению (относительно добровольному) весьма различных групп: фашистов и «национальных синдикалистов» с традиционалистами — анахроничным монархистско-религиозным движением. В атмосфере «крестового похода» против прогрессивных сил: коммунистов, социалистов и анархистов — фашисты стремились укрепить свое влияние в массах.

1.3. Особое значение имеет национализм как важная часть буржуазной идеологии. Национализм расистского типа, наиболее ярко выраженный в программе НСДАП, имел различный характер и разную степень проявления в фашистских движениях. Везде были националистические предпосылки, прежде чем они конкретизировались в программных требованиях. Однако не везде они приобретали форму расизма, хотя и в авторитарных системах (Венгрия с 1938 г., Румыния) проявлялся расизм. Очевидно, следует выделить действия сателлитарных правительств (Словакия, Хорватия) в отношении третьего рейха, ибо там большее значение имели установки правительства рейха, чем собственная идеология.

Национализм отнюдь не ограничивался внутренними вопросами. Национальный эгоизм и признание превосходства собственной нации над другими служило обоснованием завоеваний, угнетения завоеванных наций вплоть до их истребления, четко определенного в гитлеровской программе. С этой точки зрения германский фашизм представлял собой особую разновидность. Однако крайний национализм в сочетании с враждебностью и презрением к другим нациям легко обнаруживается в других программах и в практике фашистских государств. Обстоятельством, недооцениваемым историками на Западе (например, Нольте, Карстенс, Де Феличе), были действия, связанные с колониальным опытом. Изучение истории войны, которую итальянское государство вело против Абиссинии, весьма поучительно. Гитлеровские установки применительно к завоеванным народам на Востоке напоминали отношение колонизаторов к населению Африки (понятия: «держава-патрон», «гражданин опекаемой территории», означающие зависимость иного рода, чем «гражданство» и происходящие из колониального словаря).

1.4. К числу основных черт системы, вытекавших из идеологии и закрепленных в публичных институтах (государства и фашистской партии), принадлежали культ насилия и апофеоз войны. Фашизм создал конструкцию

«объективного врага», т. е. такого, который обладает неустрашимыми чертами и которого следует просто уничтожить. Это не только касалось евреев (уничтожение которых согласно программе НСДАП и установкам гитлеровского государства, должно было произойти быстро, почти путем единовременного акта), но относилось ко всем группам, которым приписывались черты враждебности. Крайним примером был «приказ о комиссарах», изданный в армии Гитлера после нападения на Советский Союз, однако в несколько «смягченном» виде это можно обнаружить в концепции «врага вообще» во всех фашистских системах. Таким образом, «тотальность» следует интерпретировать как идеологическую директиву фашизма («государство есть тоталитарное» — Муссолини в 1929 г.). Тотальность лучше всего объясняется как «экстенсификация враждебности». «Враждебность» согласно фашистской идее проявляется везде, в различных видах общественной активности: в экономике, культуре, науке. Враг может, таким образом, утратить отчетливые очертания, ибо его ищут в любой части общественной сферы. Мир оказывается разделенным на две разграниченные враждебностью части: «мы», а также те, кто подчиняется фашизму (при этом подчинение является конъюнктурным); «враги», по отношению к которым предусматривается возможность полного уничтожения. Следовательно, фашизм можно считать крайней формой империализма, которую знает история. Немецкий гитлеризм — напомним еще раз — представляет собой крайность, но так понимаемую «тотальность» можно найти в каждом фашизме, а следовательно, и в каждой фашистской системе. Фашистская система в своей моральной основе антигуманна. Обращаясь к категории «объективного врага», она предусматривала массовые преступления.

2.1. В официальном изложении своей собственной истории — это встречается как в итальянских, так и в германских интерпретациях — фашистами употребляются понятия «революция» и прилагательное «революционный». Такое определение особенно настойчиво повторялось в гитлеровской пропаганде, когда говорилось о «национальной революции», которая связывалась с датой 30 января 1933 г., как и в фашистской Италии подчеркивалась дата «похода на Рим». На самом деле с точки зрения принципов законности установление фашистского правления в обеих странах произошло таким путем, который исключал

какую бы то ни было «революционность» и не имел ничего общего с государственным переворотом. И Муссолини и Гитлер становятся главами правительств в соответствии с действующим законодательством, на основании принятых органами власти решений (т. е. назначения главами правительств). Заслуживает внимания, что ни в Италии не был отменен конституционный закон (конституция Карла Альберта 1848 г. с внесенными позже изменениями), ни в Германии не был отменен основной закон 1919 г., именуемый «веймарской конституцией». Изменения уже были проведены в рамках системы, т. е. попросту фашистским правительством, но без формальной отмены конституции как целого. Был сохранен в своей основе государственный строй: монархия в Италии, республика в Германии (с сохранением традиционного названия «германский рейх»). Исключением была Испания, где была уничтожена республика, отменена конституция 1932 г. и восстановлена монархическая форма правления, но без монарха. Пример Испании не является единственным доводом, что внешняя форма государственного устройства потеряла значение и была сохранена ради традиции, которой либо следовали консервативные круги (как в Италии и в Испании), либо она укоренилась сама, будучи просто удобной для новых правителей (Гитлер был противником монархии). Тем не менее и в Италии («хартия труда», 1937 г.) и в Германии (цикл законов 1935 г. о гражданстве рейха и защите расы и др.) были признаны *suī generis* «конституционными» некоторые фашистские законы; это, в частности, определенно подтверждалось в уголовном законодательстве рейха, точнее — в постановлениях к пресловутому § 90 уголовного кодекса под «защитой конституции» подразумевалось осуществление упомянутых гитлеровских законов.

2.2. Ключевым же вопросом является исследование процесса захвата и упрочения власти. «Революционность» этого процесса (захвата власти) была пропагандистским приемом в отношении масс. Ему сопутствовала антикапиталистическая фразеология, правда, все более затупевывавшаяся. Некоторые изменения в трудовом законодательстве, а также значительное сокращение безработицы (в Германии происшедшее очень быстро) должны были как бы подтвердить это обстоятельство.

По существу же дело заключалось не в «захвате», а в «принятии» власти, ибо процесс развивался при том

же самом социально-государственном устройстве. Однако изменение формы правления и в Германии и в Италии отражало не только тактику фашистских лидеров и ловкость их партийных верхушек. И Муссолини и Гитлер были в вынужденном положении, ибо ни в Германии, ни в Италии фашистские партии не получили такого большинства (это касается не только результатов выборов, но и влияния на общество), которое позволило бы им не искать союзников — среди правых буржуазных партий, а также центра. В Испании вообще не могло быть речи о каком-либо большинстве, ибо «Фаланга» Хосе Антонио Примо де Ривера и «ХОНС» Онесимо Редондо, вместе взятые, вообще не могли рассчитывать на места в парламенте даже в период «черного двухлетия» (1933—1935 гг.). Объединяющим фактором был страх буржуазии перед революционным рабочим движением. Он проявился даже в кругах «левой» буржуазии (Португалия), считавшей диктатуру и ликвидацию парламентской системы наименьшим злом.

2.3. Это явление можно проследить на фоне изменений в следующей фазе упрочения власти, характеризовавшейся причудливой комбинацией вынужденной законности и применяемого грубого насилия. Весьма важные моменты — это принятие законов о чрезвычайных полномочиях правительства, ликвидировавших или ограничивавших права парламента (в Италии — избирательный закон от 13 декабря 1923 г., в Германии — закон о чрезвычайных полномочиях от 23 марта 1933 г.). С этого момента подрывается буржуазная парламентская демократия, уступая место исполнительной власти, руководимой фашистскими партиями.

Но и это происходит не сразу. В Италии операция утверждения фашистской власти продолжается почти три года; хронологической вехой является закон о «главе правительства» от 24 декабря 1925 г. В Германии можно заметить два этапа. Первый заканчивается так называемым путчем Рэма и соединением в руках Гитлера функций главы правительства и главы государства (декларация от 2 августа 1934 г.), второй связан с изменениями в армии (4 февраля 1938 г.) и принятием Гитлером на себя функции верховного главнокомандующего вооруженных сил, которые с этого времени готовятся к войне с удвоенной силой. В обоих случаях важным является разрыв с прежними союзниками — главным образом с кон-

серваторами. С этого времени фашисты правят сами и сами проводят реорганизацию аппарата управления.

2.4. Иначе этот процесс происходит в Испании. Ему сопутствует война, которая облегчает генеральской хунте, несмотря на внезапную смерть ее главы (генерала Санхурхо), централизацию власти на военной основе. Сначала правит хунта из трех человек, затем один Франко. Небольшая фашистская партия, лишенная лидеров (погибают Хосе Антонио, Онесимо Редондо, Ледесма Рамос), сначала становится военной организацией, затем поставляет кадры для бюрократии. Система, создававшаяся «сверху», принимает, однако, главные принципы государственной доктрины «Фаланги». Происходит ликвидация парламентаризма и всех республиканских политических институтов, запрет политических партий, кроме Испанской традиционалистской фаланги, которая на основании «унификационного» декрета от 19 апреля 1937 г., провозглашенного в Саламанке, становится «огосударствленной». «Огосударствление» партии здесь пошло дальше, чем в Италии и Германии. В Италии на уровень государственного органа был возведен «большой фашистский совет» (1929 г.), атрибутами государственных органов были наделены также секции национальной фашистской партии в провинциях. В Германии такого рода реформа была проведена только во время войны (гауляйтер НСДАП как глава всей администрации на оккупированных территориях, позже, в 1944 г., как «комиссар обороны рейха»). Были «огосударствлены» разведывательные службы СС (СД), позже, во время войны, все военизированные отряды СС, которые как бы поглотили полицию. Тем не менее в гитлеровской Германии была сохранена видимость разграничения между государством и НСДАП (Гитлер управлял через отдельные органы: канцелярию рейха в Берлине и канцелярию НСДАП в Мюнхене). В Испании «Фаланга» (позже «Движение») стала по существу органом государства на уровне министерства.

2.5. Особая проблема — это роль «вождя». Зловещая индивидуальность Гитлера, Муссолини, а также Франко и Салазара, их беспощадность и жестокость, перенимаемые их последователями в «сателлитарных» государствах (например, Павелич или Хориа Сима), но также и их несомненный талант в демагогии и в умении использовать слабые стороны противника, обусловили то, что значительная часть литературы, главным образом на Западе,

склоняется к «персоналистическому» толкованию фашизма. Об этом свидетельствует огромное количество биографий (хотя бы Гитлера), написанных нередко серьезными академическими учеными. Несомненно, индивидуальность «вождя» отражалась на организации государства, в котором принципом была непогрешимость («дуче всегда прав» — лозунг пропаганды в Италии), выводимая из различных харизматических черт. Но и организация государства как бы возносила личность «вождя», за которым признавалась вся полнота законодательных функций в государстве, против которых любой смертный был бессилен. Однако сохранялось самоуправство, результатом которого было смешение и перекрещивание компетенций. Особенно яркий пример — это «управление уполномоченных» в Германии, опиравшееся на принцип «вождизма» («решения сверху вниз, ответственность — снизу вверх», говорилось в «Майн кампф» Гитлера). Вероятно, было два источника, служивших примерами для подражания, введенные в фашистском государстве до абсурда: пример папской непогрешимости (так обозначенный в политическом трактате Ж. де Местра «О папе») в католической церкви и образец военной иерархии, наиболее полно претворенный в прусской армии. Поскольку фашизм ориентировался на войну, организация государства копировала организацию армии. Проявляется диалектическое изменение положения, описанного в свое время Ф. Энгельсом: армия воспроизводила черты общества; общество, организованное в фашистское государство, становится отражением армии. Государственное решение оказывается выше нормы права, решение же принимает характер приказа. Его черты — это быстрота и безапелляционность, что особенно ярко проявилось в действиях фашистских государств на международной арене в конце 30-х годов.

2.6. Очень много места в литературе уделяется органам подавления и террора, на западе даже появились теории, что они были якобы «государством в государстве». На самом деле они были частью — в своем роде очень важной, но только частью системы. Фашизм не придумал репрессий, террора, варварства, он только придал им новые масштабы. Но прежде чем это сделал — и до крайности довел в Германии, он ввел специфическую систему устрашения. Общество должно было иметь общее представление о средствах репрессий, но скрывались детали и были созданы простые и в то же время неясные принципы от-

ветственности. Было известно о преследовании коммунистов, но не известно, какая степень связей или симпатии к ним подлежит наказанию. Система внесудебных преследований (ссылка, концентрационные лагеря), прежде чем превратиться в систему массового уничтожения, когда еще действовала в целях преследования подлинных и мнимых противников, занимала очень важное место в государственной организации, была главным «производителем страха», выражала произвол и безрассудность власти, уравнивала людей перед лицом тирании, служила особенно важным методом управления.

3.1. Наконец, как особую проблему следует выделить участие государственной организации во внеэкономическом принуждении и экономической эксплуатации трудящихся классов. Что касается первой проблемы, то нужно вернуться к «огосударствлению» общественной жизни и ее институционализации. «Огосударствление» рабочих организаций в соответствии с доктриной корпоративизма (в Италии, Испании, Португалии), не последовательное и не доведенное до конца, сначала означало ликвидацию каких бы то ни было средств защиты рабочего класса. В Германии этот вопрос был решен несколько иначе, но более последовательно. Созданные гитлеровские организации («Германский трудовой фронт» и «Сила через радость») были по существу органами государства с той разницей, что финансировались не из его бюджета, а из кармана рабочих. «Германский трудовой фронт» грабительно присвоил себе имущество немецких профсоюзов и продолжал в принудительном порядке собирать взносы, кроме прочих, и в пользу НСДАП, для чего к рабочим применялось принуждение. Одновременно предприниматели были наделены дополнительной властью на производственных предприятиях (над персоналом), распространявшейся не только на производственные вопросы. Предприниматель (например, в качестве «бетрибсфюрера» — руководителя предприятия) обладал репрессивной властью: имел право, а позже был обязан уведомлять полицию о случаях «непослушания» или других действиях рабочих, которые считал вредными. Эти принципы были многократно ужесточены применительно к иностранным рабочим, находившимся во время войны на принудительных работах в Германии. Репрессивная власть предпринимателя действовала официально и без камуфляжа (например, применение телесных наказаний).

3.2. На западе распространяется мнение, будто фашизм — это касается главным образом гитлеровской Германии — способствовал «модернизации» экономики. По существу это заключалось в репрессивном государственном вмешательстве (например, организация труда, введенная Шпеером в Германии в 1942 г. в военной промышленности), результатом которого мог стать рост производительности труда — путем рационализации, централизованного управления, ликвидации начал патернализма на небольших предприятиях, заимствования опыта американского капитализма. Однако это область истории экономики. Государственная организация, безусловно, действовала этому «процессу», но не «заменила» капиталистических организаций (монополистических объединений: концернов, холдингов, банков).

3.3. Эта последняя проблема выдвигает на повестку дня ключевой вопрос. Существует взгляд, правильный в своей основе, что в фашистском государстве как бы сталкивались две концепции: «нормативного государства» и «прерогативного государства». Это последнее, как показано выше (пункт 2.5), решительно брало верх. Тем не менее, однако, «нормативное государство», т. е. система (подсистема), регулируемая нормами права, должна была быть до определенных границ сохранена, так как была необходима для капиталистического обращения (особенно для оборота капиталов), а также в отношениях с другими капиталистическими странами. Это малоизвестная страница истории, но данный вопрос заслуживает рассмотрения.

¹ Ryszka F. Państwo stanu wyjątkowego. Rzecz o systemie państwa i prawa Trzeciej Rzeszy. Wrocław: Ossolineum, 1974, rozdz. 4.

ФАШИЗМ И НАЦИОНАЛИЗМ (итальянский вариант)

Связь между фашизмом и национализмом прослеживается по многим направлениям. Если обратиться, например, к итальянскому фашизму, то можно отметить ряд весьма существенных черт его идеологической преемственности с национализмом.

В основе национализма как идеологии прежде всего лежит абстрактная концепция нации. Нация рассматривается как некий абсолют, а не как единый диалектический организм, состоящий из разнообразных конкретных элементов нравственного, социального, политического и экономического порядка. Нация рассматривается как метафизическая, трансцендентная, неизменная и натуралистическая сущность, что, естественно, исключает всякую политическую и социальную борьбу внутри самой нации и логически ведет к противопоставлению национализма либерализму, демократии и социализму. Так, лидер итальянских националистов Энрико Коррадини писал: «Как в теории, так и на практике итальянский национализм всегда был антилиберальным, антидемократическим, антипарламентарным и антимаасонским»¹.

Теоретические постулаты национализма, подхваченные и развитые впоследствии фашизмом, нашли свое наиболее яркое выражение в докладе Альфредо Рокко и Филиппа Карли на III съезде Итальянской националистической ассоциации в мае 1914 г. «Национализм,— читаем мы в этом докладе,— утверждает свою несовместимость с экономическим индивидуализмом, он должен вести непримиримую борьбу против экономики индивидуалистической, либеральной и социалистической, против утилитаризма, материализма, интернационализма. Неверно, что индивид — конечная цель всякой социальной деятельности и что общество — лишь сумма индивидов. Национализм подчеркивает роль и значение Государства (с большой буквы!). Индивид существует в нации, являясь по отношению к ней элементом бесконечно малым и преходящим, он должен рассматриваться как ее орган и инструмент»².

Национализм — антисоциалистичен, он отвергает теорию классовой борьбы, заменяя ее теорией борьбы между

нациями за место под солнцем. Согласно определению того же Коррадини, «национализм есть попытка передвинуть проблемы национальной жизни из области политики внутренней в область политики внешней»³. Невольно вспоминается рассказ Диодора Сицилийского о том, что, когда к Дамофилу из Эны пришли его голые рабы и попросили у него одежды, он посоветовал им грабить путешественников.

Война и империализм — это альфа и омега национализма. «Националистом,— писал Коррадини,— можно стать только одним путем — империалистическим. Средство? То же, что и всегда: война. Итальянский национализм всегда прославлял мораль человека-солдата, стремясь установить в Италии культ воинственной морали»⁴. И на I конгрессе националистов Коррадини высказывался по этому же вопросу следующим образом: «Подобно тому как социализм разъяснял пролетариату значение классовой борьбы, мы должны разъяснить Италии значение международной борьбы. Но международная борьба — это же война? Ну что же, пусть война. И пусть национализм пробудит в Италии жажду победоносной войны...»⁵.

Если обратиться от этих исходных постулатов национализма к фашизму, то идея нации также становится у него главной и определяющей. Эту идею фашисты использовали, чтобы освободить себя от всех сдерживающих начал морального порядка. На упреки в беззаконии у фашистов был всегда приготовлен трафаретный ответ: «Мы это делаем в интересах нации».

Фашизм использовал национальный пафос и веру масс, увлеченных его лозунгами. Идея нации позволяла фашистам, по их же словам, «превзойти те антитезы, которые разъедали других». Весьма показательны в этом отношении споры о монархии и республике, которые происходили в рядах фашистов еще до их прихода к власти. Муссолини апеллировал тогда к «Италии», как к категории, снимающей разногласия. «Никто не может зарекаться,— говорил он,— что дело Италии непременно связано с судьбой монархии, как это утверждают националисты, или с судьбой республики, как этого хотят республиканцы»⁶.

Идея нации была стержневым пунктом программы, принятой фашистской партией в ноябре 1921 г. Не классы, а нации являются господствующей формой социальной организации в современном мире. «Нация,— подчеркивалось в фашистской программе,— это не просто сумма

индивидов, живущих в определенное время и на определенной территории. Нация является организмом, содержащим в себе бесконечные ряды прошлых, настоящих и будущих поколений. Отдельный индивид в этой исторической папоре является лишь преходящим моментом». Отсюда выводится категорический императив: все интересы — личные (индивиды) и групповые (семья, корпорация, класс и т. д.) — должны подчиняться высшим интересам нации. Отсюда же и фашистская концепция государства: «Государство является юридическим воплощением нации. Политические институты являются эффективными лишь постольку, поскольку национальные ценности находят там свое выражение и защиту». В разделе, посвященном внутренней политике, указывалось: «Необходимо восстановить престиж национального государства, которое не должно быть индифферентным перед лицом борьбы и стремлений отдельных групп общества к своему господству, что ослабляет государство в целом. Государство должно быть защитником и пропагандистом национальных традиций, чувств и воли» ⁷.

Эта идея нации в ее противопоставлении идее классов и классовой борьбы находит еще более определенное выражение в программе, принятой на съезде фашистских профсоюзов в январе 1922 г. Характерно также, что на этом съезде было принято решение об объявлении дня основания Рима, 21 апреля, итальянским праздником труда ⁸. Национальная традиция здесь противопоставлялась интернациональной традиции, выраженной в праздновании 1 Мая как дня международной солидарности трудящихся.

Преимущество фашизма с национализмом нашла свое выражение и в характерном для них обоих антилиберализме. «Либерализм,— читаем мы в «Доктрине фашизма»,— отрицал государство в интересах отдельного индивида; фашизм утверждает государство как единую реальность индивида». И далее: «Кто говорит либерализм, тот говорит индивид, кто говорит фашизм, тот говорит государство...» ⁹.

Фашизм подхватывает и развивает антидемократическую струю национализма. Согласно фашистской теории государство обладает абсолютным и первоначальным суверенитетом, не порожденным голосованием граждан. На смену арифметике, говорили фашисты, приходит высшая математика. Когда-то, в эпоху гражданской войны в Рос-

сии, кадетская партия выдвигала тезис о том, что государственная власть должна опираться не на общественный стовор, а на общественное признание. Именно так смотрели на вопрос и фашисты.

Как и национализм, фашизм принципиально антисоциалистичен и отвергает теорию классовой борьбы. Но главная линия преемственности между национализмом и фашизмом — империализм.

Тема империализма получила свое теоретическое развитие в «Доктрине фашизма», в которой указывалось: «Для фашизма стремление к империи, т. е. к национальному распространению, является жизненным проявлением. Обратное, т. е. „сидение дома“, — это признак упадка»¹⁰.

Однако, отмечая все это — связь между фашизмом и национализмом, нередко упускают из виду весьма существенное различие между ними. Фашизм мыслит себя не только и не столько в категориях «нации», сколько в категориях «новой цивилизации», если не в мировом, то уж по крайней мере в европейском масштабе. А в этих категориях узкий национализм как бы преодолевался в таких выходящих за рамки отдельной нации понятиях, как «европеизм» или «расизм».

Во всяком случае, коль скоро речь идет об итальянском фашизме, можно говорить о наличии в нем двух тенденций. Одна из них — националистическая, связанная главным образом с периодом трансформации фашизма в правящую партию, с созданием фашистской государственности. Другая — «универсалистская», восходящая в основном к периоду «первоначального фашизма», к периоду фашизма как движения еще до прихода его к власти, к порожденной им в этот период довольно своеобразной «революционной мифологии».

Мотивы «универсального фашизма» содержались, с одной стороны, в самом противопоставлении фашизма «миру демократии и либерализма XIX века». Они содержались, с другой стороны, в противопоставлении фашизма как авангарда «западной цивилизации» большевизму «как продукту восточной цивилизации».

Идея об универсальности фашистского опыта получает свое развитие на международном конгрессе в Риме, состоявшемся в ноябре 1932 г. Правда, с внешней стороны этот конгресс носил сугубо научный характер. Он был организован Итальянской Академией. Тема конгресса — «Духовные причины европейского кризиса и ценности

европейской цивилизации в настоящем и будущем». Однако проводился этот конгресс в рамках празднования десятой годовщины прихода фашизма к власти и это придавало ему с самого начала ярко выраженный профашистский характер, хотя среди его участников были и лица, которые впоследствии станут антифашистами. Но не забудем, что это был еще только 1932 г., что фашизм не пришел еще к власти в Германии, что имена присутствовавших на конгрессе А. Розенберга и Г. Геринга не ассоциировались еще с массовыми убийствами, а популяризация фашизма была сконцентрирована главным образом на проблеме создания корпоративного государства как опыта «универсального» значения. Именно об этом говорилось в выступлениях большинства участников конгресса.

В свете проблемы «универсального фашизма» обращают на себя внимание попытки некоторых интеллектуалов создать фашистский интернационал. Попытки в этом направлении были связаны со ставкой на молодежь и имели за собой авторитет министра корпораций Джузеппе Боттаи. С этой довольно колоритной фигурой в фашистском руководстве связывали свои надежды многие из тех, кого относили к наследникам «подлинного революционного фашизма». Это был как бы тлеющий уголек того самого «революционного мифа», который кружил иной раз головы людей, не отдававших себе до конца отчета в необратимости процесса поглощения фашизма национализмом. Это был как бы еще один участок внутренней борьбы первоначального фашизма с национализмом, о которой писал Пальмиро Тольятти¹¹. Только на этот раз те, кто выступал в роли наследников первоначального фашизма, явно разочарованные направлением его развития внутри страны, обратили свои взоры на международную арену. Они сделали ставку ни много ни мало как на «мировую фашистскую революцию», главной движущей силой которой должна была стать молодежь. При этом идея «мировой фашистской революции» связывалась с идеей «революционного обновления фашизма» внутри самой Италии. Это должно было поднять «новую волну» фашизма, которая обрушится на политику компромиссов, оппортунизма, приспособленчества и т. д. Одним словом, псевдо-революционной риторики и иллюзий было более чем достаточно.

Но это уже было время, когда центр тяжести международного фашизма начинал перемещаться в Германию. Характерно, что на международном конгрессе в Риме в ноябре 1932 г. представители германского национал-социализма попытались заключить итальянский опыт в сугубо национальные рамки, подрывая тем самым идею о его универсальном значении.

С приходом фашизма к власти в Германии в январе 1933 г. идея об «универсальности римского опыта» потонула уже не только на теоретический, но и на практический заслон. Практика германского фашизма была во многом отлична от итальянского. И, учитывая вес и значение страны, в которой она осуществлялась, можно было предположить, что противодействие «универсализации римского опыта» будет возрастать. В свете этого противоборства двух тенденций следует рассматривать создание в июне 1933 г. Комитетов действия за универсализацию Рима (Каур). Эти комитеты были созданы по личной инициативе Муссолини, который преследовал также цель координировать всю деятельность в этом направлении.

Образование Каур означало теперь уже официальный отход Муссолини от его же утверждений о том, что «фашизм — это не товар для экспорта». Именно как «товар для экспорта», причем с маркой «сделано в Италии», рекламировался фашизм в рамках деятельности за «универсализацию римского опыта». И именно здесь был наиболее острый угол схождения национализма и фашистского универсализма. Более того, именно здесь оказался тот неизбежный всегда пункт, где идеология сталкивается с политикой, с реальными политическими интересами. В данном случае речь шла о конфликте Италии и Германии — двух идеологически родственных режимов — на международной арене.

Поводом для этого конфликта, разразившегося в 1934 г., оказалась Австрия. Муссолини склонен был считать эту страну сферой непосредственных государственных интересов Италии, а, учитывая характер режима канцлера Дольфуса, также и сферой идеологического влияния итальянского фашизма. Поэтому, когда после убийства Дольфуса в июле 1934 г. фашистская Германия пыталась осуществить аннексию Австрии, итальянские войска были сконцентрированы на австрийской границе, создав непосредственную угрозу конфронтации между двумя фашистскими государствами. И в то же время фашистская Гер-

мания вынуждена была временно отказаться от своих агрессивных планов в отношении Австрии.

Надо полагать, что в известной мере отголоском этого конфликта было отсутствие представителей Германии на международном фашистском конгрессе в Монтре (Швейцария). Этот конгресс был организован Каур в декабре 1934 г. На нем присутствовали делегаты почти из 30 стран. Все они представляли группы, которые Каур мог изобразить как слагаемые единого движения в направлении к «универсализации римского опыта». Препятствием на этом пути была, однако, не только позиция Германии. Тенденции фашистского универсализма и национализма столкнулись на этом конгрессе, можно сказать, лоб в лоб.

Но эта попытка создать фашистский интернационал на базе идеологии корпоративизма и культа молодежи потерпела крах. И это случилось прежде всего из-за несовместимости фашистского интернационализма и национализма. Трудно представить себе понятие более нескладное и внутренне противоречивое, чем «фашистский интернационал»: нечто вроде «союза эгоистов» в известной концепции Макса Штирнера.

В более широком плане это было то самое столкновение идеологии с политикой, из которого последняя, выступая под флагом национальных интересов, выходит, как правило, победителем. Весьма показательно, что Италия в это время сближается на международной арене не с родственным ей фашистским режимом в Германии, а с Францией, общественная система которой не вызывала у фашистов никаких симпатий. Решающим здесь оказались совпадение итальянских и французских интересов по вопросу об Австрии и то, что Лаваль, стоявший тогда во главе французского правительства, обещал поддержать колониальные притязания Италии в Африке. Политические переговоры завершились подписанием франко-итальянского соглашения в январе 1935 г. Причем одновременно была достигнута секретная договоренность о совместных военных мероприятиях двух стран в случае действий Германии против Австрии или в Рейнской области. Более того, к наметившемуся таким образом союзу между Италией и Францией, направленному фактически против Германии, присоединилась вскоре и Англия. В апреле 1935 г. состоялась конференция трех этих держав в Стрезе, на которой они подтвердили гарантии независимости Австрии и осудили отказ Германии от политики разоружения.

Национализм становится фактором, подрывающим идеологическое единство фашистских государств и в период второй мировой войны. Оба фашистских государства — Германия и Италия — преследовали в этой войне свои цели, которые зачастую не совпадали и даже противоречили друг другу. Это может показаться странным, но Муссолини даже радовался сообщениям о неудачах германской армии на Восточном фронте. Но наряду с этим у него начинают проскальзывать и тревожные нотки, ибо он понимает, что в конечном счете на советско-германском фронте решается и его судьба¹².

Но национализм вступил в противоречие не только с идеологией международного фашизма, но и с фашизмом внутри страны. Причем если в первом случае он выступал под флагом «национальной политики», противопоставленной идеологии, то во втором — именно как идеология. Чтобы понять это, следует, по-видимому, отрешиться от несколько стилизованного образа фашиста, фанатично преданного «фашистской идее». И это прежде всего потому, что «фашистской идее» как таковой не было. Была «доктрина фашизма», была «фашистская теория корпоративизма», была «фашистская теория государства и права», была, наконец, «идея нации». Вот эта последняя, в ее сугубо националистическом понимании, и была положена в основу всей фашистской идеологии, доктрины или теории. На заре фашизма эта идея была облечена в сугубо прагматические одежды¹³.

В конечном счете все возникающие в таких случаях противоречия снимались в националистической формуле об «интересах нации», которая являлась своего рода моральным абсолютом, точкой, от которой ведется отсчет в чисто политической плоскости. И даже после того, как фашизм оформил «свою» идеологию, «свою» доктрину, «свою» теорию, «свой» режим, отправной точкой всей фашистской логики оставалась все та же националистическая идея об «интересах нации».

Таким образом, отношения между фашизмом и национализмом оказываются более сложными, чем это явствует из общих схем и определений. И это при том, что мы касались отношений между ними в рамках самого фашизма. Что же касается национализма, оказавшегося по ту сторону фашизма, — а был и такой, — то здесь проблема предстает перед нами еще более сложной. Но это уже предмет особого разговора, выходящего за рамки данной статьи.

- ¹ Il libro d'Italia (Nel Decennale della Vittoria), edito dall'Istituto Fascista di Cultura. Milano, 1929, p. 19.
- ² *Arias J.* L'economia nazionale corporativa. Firenze, 1931, p. 10—11.
- ³ *Corradini E.* Il nazionalismo italiano. Firenze, 1914, p. 61.
- ⁴ Il libro d'Italia. Roma, 1929, p. 16.
- ⁵ Il nazionalismo italiano. Atti del Congresso di Firenze. Firenze, 1911, p. 34.
- ⁶ Popolo d'Italia, 26.V.1921.
- ⁷ *Chiurco G.* Storia della rivoluzione fascista. Firenze, 1929, vol. III, p. 582—583.
- ⁸ Ibid., p. 34.
- ⁹ *Mussolini B.* La dottrina del fascismo. Milano: Ed. Goepli, 1935, p. 16.
- ¹⁰ Ibid., p. 38.
- ¹¹ *Тольягги П.* Лекции о фашизме. М.: Политиздат, 1974, с. 45.
- ¹² Цит. по: *Овсянник П.* Конец режима Муссолини. М.: Политиздат, 1965, с. 8.
- ¹³ *Алапри П.* Происхождение фашизма. М.: Изд-во иностр. лит., 1961, с. 57.

К. ИОНЦА

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА ФАШИСТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Предметом рассмотрения является прежде всего третий рейх (1933—1945 гг.). Правовые институты, образовавшиеся в период «правового государства», в основном сохранились в третьем рейхе в своей прежней форме, хотя их содержание подверглось некоторым изменениям применительно к самой жестокой стадии развития капиталистической формации. Критерием действенности существовавшего до тех пор права был прежде всего «интерес коллектива», т. е. категория политическая. В псевдонаучной терминологии юристов третьего рейха, опиравшихся на «откровения» Гитлера, право обладало действенной силой только тогда, когда оно могло быть отождествлено с нормами морали национал-социалистов. Это должно было привести к релятивизации отношения между прежней сферой традиционного частного права и публичным правом, а также к расширению сферы публичного права. С указанной выше оговоркой не так много изменений произошло в области гражданского имущественного права. Некоторые исключения были сделаны в законодательстве, касавшемся вопроса о наследуемых усадьбах, в брачном

и семейном праве, а также в связанном с ним законодательстве об охране здоровья потомства (комплекс законов под названием *Erbgesundheitsgesetz*).

Зловещие функции приобретало уголовное право, опиравшееся на многочисленные политические решения. Одним из них была разработка принципов фашистской морали, опиравшихся на обширную систему карательных санкций. В результате стирались границы между правом и моралью, причем право становилось показателем морали.

В фашистском государстве право основывалось на идеологии национал-социалистов (в Германии) и движении Муссолини (в Италии). Можно утверждать, что источником правовых концепций стала идеология фашистских партий, точнее — программы партий и высказывания партийных руководителей.

Концепции права в третьем рейхе опирались на идеологию национал-социалистов, разработанную в 20-х годах XX в. В Германии, до того как власть перешла в 1933 г. в руки гитлеровской партии, фактически не существовала нацистская теория права, хотя предводители гитлеровского движения выражали свои взгляды в этой области в связи с критической оценкой устройства веймарской республики. Критика нацистских теоретиков была направлена против его юридическо-философских и юридическо-политических основ, которым противопоставлялась весьма неопределенная система права, опиравшаяся на теорию расизма. Теоретик Г. Николаи принял категорию «расы» как центральное понятие гитлеровской правовой науки¹.

Одновременно предполагалось заменить римское право новым «всеобщим немецким правом» (*Gemeinrecht*, пункт 19 программы гитлеровской партии). Это право якобы должно было служить интересам народа («*Volkstum*»), проживающего в границах рейха, его общественному строю, а также развитию его «расовой субстанции». Нетрудно заметить в этом определении новую функцию права, сводящуюся к отрицанию принципа равенства каждого гражданина перед законом и замене его неравным обращением с гражданами.

Фашистская доктрина отвергала конструкцию государства, принятую юристами-позитивистами, и, лишая государство атрибута суверенности, наделяла его «вождя»². (Ламмерс и Франк приписывали вождю «высший

суверенитет рейха» и отождествляли его с «единым источником всякого права». Шмидт добавлял, что суверенной власти в руках «вождя» не может стеснять никакой правопорядок.)

Можно утверждать, что переход власти к фашистским партиям (Германия, Италия) углубил кризис буржуазной законности. В Германии уже до 1933 г. «Notverordnungen» подрывал парламентскую демократию. Первые законодательные акты правительства канцлера Гитлера формально немногим отличались от актов последних канцлеров веймарской республики. Однако уже в распоряжении о защите нации и государства, изданном после поджога гитлеровцами здания рейхстага (28 февраля 1933 г.), под видом защиты от действий, якобы угрожавших государству, были отменены основные гражданские права, зафиксированные в конституции (личная свобода, тайна переписки, свобода организаций, свобода слова, неприкосновенность собственности). Правительство получило даже право издавать конституционные законы. Примером широкой интерпретации этого распоряжения было применение «превентивного ареста» как по отношению к коммунистам, так и к другим категориям «врагов» (Freund — Feind — Theorie). Несколькими актами отменялись конституционное право на свободное выражение мыслей и свобода организации, были распущены политические партии и профессиональные союзы. Положения конституции, гарантирующие право собственности, подрывали нормативные акты, позволяющие конфисковать имущество по политическим причинам (26 мая 1933 г.).

В течение двух—трех лет с момента прихода к власти национал-социалистов вмешательство законодателя создавало во всех областях общественной, экономической, культурной и политической жизни новое правовое положение. Были уничтожены принципы буржуазного правового государства, которые провозглашала конституция. Был подорван принцип легальности действий администрации, а закон о юридической силе административных актов (3 июля 1934 г.) разрешал министрам признавать обратную силу различных распоряжений, изданных в ходе осуществления политики так называемой унификации (Gleichschaltung).

Нарушали принцип *Lex verito non agit* постановления о службе должностных лиц, которые с обратной силой закона устанавливали приоритет провинциальных зако-

пов перед законодательством рейха, а затем уполномочивали провинциальных законодателей выдавать нормативные акты, имеющие обратное действие. В том числе было отменено административное судопроизводство. Изменения, произведенные в уголовном праве, еще более углубляли кризис права, но об этом будет сказано ниже.

Концепции и решения *de lege ferenda* при фашизме были жалкими и теряли свое значение в сравнении с решениями, принятыми «вождем» и его партией. Функционеры аппарата фашистской партии и правосудия занимали позицию, характеризующуюся следующим: а) отрицанием либерального политико-правового порядка; б) признанием концепции расово очищенной нации и упрощением ее правопорядка; в) признанием политической гегемонии фашистской партии; г) экспонированием роли «вождя». Из политической концепции единства немецкой нации, выраженной в триединой формуле — «государство, движение и нация», были выведены основные понятия права, принцип «вождизма» (*Führertum*) и принцип равенства.

Буржуазное гражданское право должно было быть заменено «народным кодексом». По концепции Г. Франка, в нем нужно было отказаться от наследия римского права и наслоений других правовых систем и выводить его истоки из германского права. В нем предполагалось определить понятие «семьи», «свободы заключения соглашений», «права собственности», «брака», «права наследования» и т. д. Согласно Гедеманну, кодекс должен был касаться всех «принадлежащих к великогерманскому рейху» в духе нюрнбергских законов 1935 г., но не распространялся на лиц «чуждой крови» и иностранцев. Проект кодекса предполагал неравенство перед правом, санкционированное ранее «арийскими» статьями нюрнбергских законов. Приговором уголовного суда гражданин мог быть лишен своего правового статуса, если он оказался «недостойным принимать полное участие в правовой жизни», иначе говоря, он низводился до положения врага. «Народный кодекс» не был оглашен до конца существования третьего рейха, однако множество предложений, поступивших в ходе редакционной работы, свидетельствует о направлении, по которому следовало фашистское законодательство, и показывает, как далеко оно должно было отойти от буржуазной правовой системы, являющейся наследием французской и английской революций.

Фашистские концепции личного права нашли полное отражение в так называемом нюрнбергском законодательстве третьего рейха (значительно меньше — в законодательстве фашистской Италии), далее — в законе о гражданстве рейха, а также в законе об охране немецкой крови (15 сентября 1935 г.). Закон о гражданстве делил граждан на две категории, причем гражданами *sensu stricto* были лица «немецкой крови или родственной ей», которые своим поведением доказывают, что «сознательно будут служить нации и рейху». Законодательство о защите немецкой крови подтвердило основы политики дискриминации расово чуждых элементов. Правовая норма и сопутствующее ей принуждение привели к полному отстранению от нормальной жизни еврейского населения. Подобные дискриминационные нормы были введены по отношению к польскому населению (25 сентября 1941 г.).

Нюрнбергские законы создавали фундамент права о браке. Некоторые его предпосылки нашли свое отражение в законе о стерилизации (14 июля 1933 г.) и в судебной практике, а также в законодательных нормах об охране потомства немецкой нации (18 октября 1936 г.). Право о браке (6 июля 1938 г.), по официальному обоснованию, «было первым шагом на пути создания единого великогерманского права о браке и семье». В нем содержалось утверждение, что брачное право перестает быть контрактом, что оно является правовым устройством, созданным для поддержания биологической непрерывности немецкой нации. Понятия крови и расы легли в основу ограничений при вступлении в брак, причем постановления § 4 закона ссылались на нюрнбергский закон. Чистота расы была условием вступления в брак. Несколько последующих нормативных актов исключали и даже предусматривали наказание за вступление в брак лиц «немецкой крови» или родственной ей с лицами «чуждой крови». Такие постановления касались не только евреев, но и всех национальностей, признанных принадлежащими к пизшей расе, прежде всего славян (во время войны).

Наследственное право (31 августа 1938 г.) содержало концепцию «здорового национального чувства». Его предписания считали недействительным изъявление последней воли, если при этом нарушались интересы семьи и национального единства, понятые в духе «здорового национального чувства». Случаи нарушения «здорового национального чувства» были подробно перечислены в обосно-

вании закона и в интерпретационном распоряжении министра юстиции. Ни в каком случае наследство не могло переходить от «арийцев» к евреям. Предписания закона о наследовании согласно гитлеровской политике явно ограничивали право распоряжаться собственным имуществом. Примечательно, что в особых распоряжениях административных властей вопросы наследования у евреев регулировались таким образом, что все имущество евреев после их смерти поступало в государственную казну. Во время войны на «территориях, присоединенных к рейху», польское население, не принявшее «немецкой национальной карты», лишалось имущества и по отношению к нему постановления наследственного права были беспредметны.

Представляется, что из концепции личного права вытекали некоторые аналогии для формирования фашистского права наций (международного права), также законов, касающихся национальных меньшинств. Правовая доктрина третьего рейха приняла новый термин — «право о национальных группах» (*Volksgruppen recht*), отказавшись от традиционного понятия «меньшинство». Гитлеровской политике агрессии должно было служить положение о «международноправовом упорядочении большого пространства при одновременном невмешательстве других держав». Утверждалось, что международное право как право наций (*ius gentium*) является «конкретным порядком», персонально установленным принадлежностью к нации и государству. Одновременно каждый порядок оседлых народов, сосуществующих и уважающих друг друга, составляет также территориально конкретный «порядок пространства».

Правовая доктрина гитлеровской Германии выдвигала тезис, исключавший ассимиляцию, денационализацию немецких национальных групп, проживающих в других странах. В соответствии с принятым принципом приоритета политики над правом это положение подкреплялось заявлением Гитлера, сделанным 20 февраля 1938 г. в парламенте, и нацистской «национальной идеей», из которой вытекало якобы «немецкое право опеки над немецкими национальными группами иной государственной принадлежности». Эта политическая концепция была возведена в ранг нового международно-правового принципа, исключающего возможность ассимиляции инациональных групп. Из этого следовала претензия распространить опеку на немецкие «национальные группы», проживающие

в Семиградье, на Волге, в Балтийских странах и т. д. Этим также правовая доктрина оправдывала гитлеровскую агрессию против Чехословакии и Польши. В связи с политическими решениями об «упорядочении пространства» уже в 1939 г. Германская академия права отказалась от намерения кодифицировать «право о национальных группах».

Фашистская теория государства и права выдвинула на первое место расизм, и им вскоре было пропитано все законодательство третьего рейха. При соблюдении видимости законности монополистический капитал отнимал при помощи ряда нормативных актов имущество у целых групп населения, признанных объективными врагами, в первую очередь у евреев. В годы второй мировой войны крупные монополии в своей практике «ариизации» уже полностью отказались от создания видимости законности (в частности, по отношению к полякам).

Дискриминационные акты «ариизации» до 1939 г. имели целью установить контроль государства над имуществом евреев, изъять у них средства производства, хотя понятие «отчуждение» не употреблялось. Этой цели служили экономические сделки, при которых использовалось положение евреев, ограничения в торговле и правах, опирающиеся на административные распоряжения, а также акты о ликвидации имущественного состояния «неарийцев». Варварское распоряжение от 12 ноября 1938 г., налагавшее на все еврейское население в Германии контрибуцию размером в 1 млрд. марок, положило начало волне дискриминационных актов. Затем «неарийцам» было запрещено заниматься розничной торговлей, занимать руководящие должности, покупать недвижимое имущество, иметь дело с обращением драгоценностей и т. д. «Ариизационное» законодательство было введено на территории Австрии и Чехии немедленно после нападения и захвата этих земель. На территории Польши секретное распоряжение Гитлера от 7 октября 1939 г. положило начало акции экспроприации поляков.

«Ариизация» должна была начаться во имя «немецкого национального единства», с целью устранения объективного врага. Фактически, однако, процесс «ариизации» происходил в интересах крупного частного и государственно-монополистического капитала. «Благо нации», во имя которого проводилась «ариизация», фактически было благом верхушки фашистских главарей, ибо промышлен-

но-финансовая олигархия в фашистских государствах срасталась с руководящей верхушкой фашистской партии.

Особая роль в фашистском праве принадлежала уголовному праву. Исходя из расистских установок, уголовное право безусловно должно было применяться и в таких вопросах, которые раньше относились только к сфере морали. Для определения роли уголовного права существенным было признание: существования «национальной общности», якобы связанной узами крови и расы, а также субъективным чувством принадлежности к этой общности; принципа вождизма и тем самым указаний «вождя», которые таким образом становились нормой поведения. Законодатель исходил из того, что на члена «национальной общности» следует налагать обязанности, а права последнего недействительны. Основной обязанностью считалось повиновение, а уголовное право должно было осуществлять функцию регулятора общественной морали.

С первых месяцев после прихода к власти фашистов расширялись общие принципы уголовной ответственности и так называемые судебские меры наказания, ужесточались принципы специальных превентивных мер и увеличивалось количество фактических состояний, ведущих к небытовой пенализации жизни.

Началом в системе фашистской репрессивно-превентивной политики было распоряжение о защите нации и рейха 28 февраля 1933 г. (так называемый *Lex van der Lubbe*), вводившее смертную казнь за преступления, которые в момент их совершения карались меньшей мерой наказания. Следующие законодательные акты от 20 декабря 1934 г. должны были обеспечить особую защиту государственных учреждений и фашистской партии. Новелла к уголовному кодексу от 28 июня 1935 г. допускала возможность уголовного преследования за деяния, не предусмотренные нормативными актами, т. е. применение аналогии. Аналогия преступности деяния выходила за рамки правовой системы, обращаясь «к здоровому национальному чувству». Судья должен был установить, было ли в составе преступления нарушение основ политической доктрины фашистов.

Новеллизация нескольких фактических положений кодекса свидетельствует о непосредственном вмешательстве «вождя» в правосудие. На это указывают предписания об охране немецкой крови и чести (15 сентября 1935 г.),

а также законы о борьбе с экономическим саботажем и т. д.

В ходе подготовительных работ к изданию нового уголовного кодекса были сформулированы положения, которые легли в основу «уголовного права военного времени». Еще до войны строгость уголовного законодательства не оставляла сомнений, что дело идет к применению таких средств, которые полностью устранят преступность. Уже проекты «уголовного права военного времени» были направлены на создание системы эффективной защиты «внутреннего фронта» — системы, охраняющей «единство национальной общности». Усиление уголовных санкций, расширение перечня деяний, за которые угрожалось уголовное наказание, и, наконец, упрощение карательной процедуры — это лишь некоторые важнейшие средства борьбы с «деструктивными» действиями или «предательством» вождя.

Распоряжение об особом уголовном праве в период войны от 17 августа 1938 г. свидетельствовало о том, что фашистское государство закончило этап подготовки к войне и приспособило всю правовую систему к военным условиям. Смертной казнью каралось так называемое «разлагающее влияние на обороноспособность». Это должно было обеспечить мобилизацию и ликвидировать проявления пораженческих настроений. Очередные акты о чрезвычайных мерах в области радиовещания, о военной экономике и, прежде всего, о врагах нации (5 сентября 1939 г.) составляли ядро уголовного права военного времени. В них допускалось применение наказаний, выходящих за границы законности, если этого требовало «здоровое национальное чувство». Среди прочих выделялось своими исключительно суровыми наказаниями распоряжение об обеспечении обороноспособности немецкой нации от 25 сентября 1939 г. Несколько позже (6 мая 1940 г.) было разрешено распространить действие уголовных законов на оккупированные страны, на преследование граждан покоренных стран через суд оккупантов и на подавление таким образом движения сопротивления (хотя этим занимались и другие оккупационные органы).

В годы войны фашистские законодатели не стеснялись требованиями законности. Примечательным является факт, что даже суды, которые должны творчески развивать мысль законодателя, также перестали считаться с требованиями законности. Широкие возможности свобод-

ной оценки преступных деяний создавали новеллы к уголовным кодексам от 4 сентября 1941 г., от 5 мая 1944 г., от 25 августа 1944 г., содержащим формулировки об охране национальной общности и обеспечении тотальных военных усилий.

Особой формой надстройки уголовного права военного времени являлось специальное уголовное право для поляков и евреев (распоряжение об уголовном судопроизводстве для поляков и евреев на присоединенных восточных территориях от 4 декабря 1941 г., содержащее дискриминационные основы политики на землях, присоединенных к Германии). В этом преступном нормативном акте были перечеркнуты, в частности, принципы противоречивости и равенства сторон в уголовном процессе, введено наказание ссылкой в концентрационные лагеря как исключительной формы лишения свободы; в нем предусматривалось также наказание без суда и следствия. Осуществление этого преступного акта поручалось специальным судам.

Общее судоустройство после установления фашистской диктатуры подверглось в принципе незначительным изменениям. Новым явлением было, однако, введение специальных судов (21 марта 1933 г.), которые должны были осуществлять уголовное преследование за политические преступления. Немного позже (24 апреля 1934 г.) верховный суд рейха (Reichsgericht) был лишен права рассмотрения дел о государственной измене в пользу вновь образованного национального трибунала (Volksgerichtshof). Компетенции специальных судов были расширены, что привело к значительному ограничению деятельности обычных судов. Это были суды одной инстанции, а положение обвиняемого было очень неблагоприятным в связи с ограничением доказательной стадии процесса, возможности защиты и отсутствия права обжалования. С расширением гитлеровской агрессии специальные суды были учреждены и на аннексированных территориях (в Австрии, Чехословакии и Польше). Специальным судам было поручено осуществление особого уголовного права для поляков и евреев на территории, присоединенной к рейху, а некоторым из них поручалось судить лиц, вывезенных в Германию в рамках акции «Ночь и мгла».

Преобразованиям подверглась судебная администрация, упрощалась судебная процедура. В области процедуры обжалования характерным было систематическое огра-

ничение допустимости юридических мер. Упрощение и модификация судебной процедуры должны были ускорить наказание.

Со временем политическая полиция стала конкурировать с правосудием в области репрессий по отношению к политическим противникам. С 1933 г. применялся превентивный арест как внесудебное средство преследования «общественных вредителей».

Политическая доктрина фашистов в области судебной практики особенно глубоко проникала в гражданское право. Реформы судебной процедуры и перестройка аппарата правосудия позволяют утверждать, что в этой области процесс фашизации зашел особенно далеко.

В процессе перестройки судоустройства значительную роль сыграла концепция «народного судьи» (которым чаще всего был высокий деятель фашистской партии). Концепция «здорового национального чувства» предполагала возможность отступления от буквы закона во время разбирательства и замены его мнением судьи. Судья решал, дают ли предпосылки политического характера повод для наказания, если законом оно не предусмотрено.

¹ *Nikolai H.* Die rassengesetzliche Rechtslehre. Grundzüge einer nationalsozialistischen Rechtsphilosophie. München: Verlag F. Eher GmbH, 1933, 2 Auflage.

² *Schmitt C.* Staat, Bewegung, Volk. Die Dreigliederung der politischen Einheit. Hamburg: Hanseatischer Verlag, 1933.

С. П. ПОЖАРСКАЯ

ФРАНКИЗМ КАК ИСПАНСКАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ ФАШИСТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Франкизм как форма государственности, как система власти по замыслу его основателей призван был выполнять те же функции, что и прочие разновидности фашизма, — прежде всего обеспечить при помощи комплекса специфических мер укрепление пошатнувшейся в условиях общего кризиса капитализма социально-политической структуры в конечном счете в интересах наиболее реакционных элементов монополистического капитала (в испанском случае — и землевладельческой олигархии) и создать для этих фракций господствующих классов на-

дежную гарантию безопасности от грядущих потрясений. Этим объясняется и наличие у франкизма общих черт с прочими разновидностями фашистской государственности; как и последние, франкизм создавался путем разрушения устоев прежней государственности (Второй республики), основанной на признании всеобщих выборов как источника верховной власти, на признании принципов парламентаризма. Франкизму, как и всем фашистским государственным системам, была свойственна концентрация власти вплоть до упразднения самого принципа разделения властей; франкизм, как и другие фашистские системы, основывался на терроре, возведенном в степень государственной политики, и т. д.¹ Но были и отличия, обусловленные особенностями исторического процесса.

В канун второй мировой войны видный советский ученый А. Е. Кудрявцев заметил: «История испанского народа чрезвычайно своеобразна, и подходить к ней с той меркой, с какой мы подходим к истории других стран Западной Европы, во многих случаях прямо невозможно. Всякому, кто хочет изучить и понять это своеобразие, необходимо в первую очередь отрешиться от устоявшихся шаблонов и схем»². Это замечание общего характера следует иметь в виду и при анализе комплекса черт, определявших специфику франкизма как одной из форм фашистской государственности, поскольку эта специфика в известной мере была обусловлена особенностями исторического процесса страны, ее далеким и близким прошлым.

К таким особенностям прежде всего следует отнести авторитарную тенденцию как одно из основных слагаемых всего исторически обусловленного комплекса испанской политической культуры. И хотя у истоков испанской государственности, 500-летие которой исполнилось в 1979 г., этатизму как реальная альтернатива противостояли такие компоненты гражданского общества, как политическая самодеятельность, широкий демократизм и гражданское самосознание, воспитанные, говоря словами Б. Кржевского, «исторической действительностью на протяжении веков, посвященных освободительным войнам реконкисты»³, в дальнейшем авторитарная тенденция, несмотря на сопротивление масс, укрепилась на века. В глазах народа эта тенденция наиболее зримо воплощалась во всевластных фаворитах-временщиках. К. Маркс в работе «Революционная Испания», написанной в 1854 г., отметил, что «восстания в Испании такое же древнее явление, как

и власть придворных фаворитов, против которых они обычно бывают направлены»⁴. Однако даже бурный XIX век с его пятью буржуазными революциями не закончил с авторитарной тенденцией. Достаточно вспомнить правление Фердинанда VII, диктатуру генерала Нарваэса, а в XX в. предтечу фашизма—диктатуру М. Примо де Ривера. Эфемерность парламентских институтов в эпоху реставрированной монархии, созданной на развалинах Первой республики в 1874 г. и просуществовавшей до апреля 1931 г., не создавала достаточно благоприятной почвы для укоренения ростков демократии и развития традиций гражданского общества.

Испанским революциям XIX в., по словам К. Маркса, «удалось совершить полный переворот в старом общественном строе»⁵. Но старое не ушло бесследно, оно стало источником постоянных потрясений, порождая время от времени кризис всего испанского общества. Поскольку процесс буржуазно-демократических преобразований, прерываемый длительными периодами реакции, не был завершен, к началу XX в. сохранились латифундии и землевладельческая олигархия продолжала играть доминирующую роль в государстве. Не только государственный аппарат, высшая церковная иерархия и армейская верхушка, но даже и финансовая олигархия пополнялись, как правило, выходцами из этого социального слоя — носителями и хранителями консервативных традиций.

В эпоху общего кризиса капитализма, когда перед эксплуататорскими классами остро встал вопрос о выборе политической стратегии, в Испании этот выбор пал на авторитарные методы удержания своего господства. Те фракции испанской буржуазии, для которых был приемлемым и даже предпочтительным реформаторский путь, как оказалось, не имели в 20—30-х годах прочных экономических и политических позиций. Профессор Севильского университета социалист А. Ласо заметил, что «начиная с триумфа Ленина часть испанской буржуазии стала с растущей симпатией относиться к возможности установления в стране режима твердой руки, дабы отдалить от себя опасность взятия власти пролетариатом»⁶.

Авторитарная тенденция в испанской государственности была прервана апрельской революцией 1931 г. Однако утверждению политической культуры демократического типа упорное сопротивление оказали экономически господствующая элита, материальная база которой

не была затронута даже в годы республики, и тяготевшие к авторитаризму церковная иерархия и армейская верхушка. В этой атмосфере воспрянули и такие активные протагонисты авторитаризма, как традиционалисты-карлисты, ведущие свое происхождение еще со времен гражданских войн XIX в., получившие свое название по имени претендента на престол дон Карлоса и представлявшие наиболее архаическую струю во всем потоке правых, для которых даже парламентская монархия представлялась неприемлемой. Приход Гитлера к власти пробудил интерес правых к фашизму, хотя такая отечественная разновидность фашизма, как фалангизм, и не сразу ими был признан⁷.

Провал попыток правых использовать механизм парламентских институтов для ликвидации республики⁸ способствовал утверждению в их среде авторитарной тенденции, практическим воплощением которой и явился мятеж 18 июля 1936 г., положивший начало гражданской войне.

Гражданская война началась всего лишь через пять лет после свержения монархии и шесть лет спустя после падения военно-монархической диктатуры Primo de Rivera. Еще были живы, не утратили своего престижа и своего духовного и политического воздействия на консервативные элементы общества идеологи и лидеры времен монархии и диктатуры. Реставрация монархии была для многих из них самой желанной целью, близость и возможность которой не вызывала сомнений. Достижение этой цели связывалось с разгромом левых сил, основу которых составляли Коммунистическая партия, Социалистическая рабочая партия, Всеобщий союз трудящихся, Национальная конфедерация труда и другие демократические организации. После 18 февраля 1936 г. сокрушение Народного фронта стало ближайшей целью не только фалангистов, но и тех течений консерваторов, которые добивались реставрации монархии.

Поскольку блок так пазываемых националистов, противостоявший республиканцам, объединял многие консервативные элементы, то и режим, возникший на руинах республики, опирался, помимо фаланги, на монархистов (традиционалистов и сторонников Альфонса XIII), генералитет и епископат. В результате традиционалистско-консервативная тенденция в идеологии и практической политике франкизма искривляла линию «классического фашизма», вытекавшую из программы и догм фаланги.

Еще до начала гражданской войны специфической особенностью испанского фашизма была известная гетерогенность, что было связано как с многоукладностью социально-экономической структуры, так и с особенностями ее исторического процесса последних десятилетий. Эта гетерогенность проявлялась прежде всего в том, что наряду с Испанской фалангой и ХОНС некоторые идеи, родственные идеологическому комплексу западноевропейского фашизма, содержались в программах и находили отражение в практике таких группировок, как «Национальный блок» Кальво Сотело и «Молодежь народного действия», примыкавшей к католической СЭДА⁹ (Испанская конфедерация автономных правых), где такие идеи мирно уживались с воззрениями консервативного характера.

Но и у ранних идеологов испанского фашизма, начиная с Р. Маэсту¹⁰, система оценок «традиционных испанских ценностей» передко шла в русле консервативной мысли. Недаром журнал «Испанское действие», издатели которого не скрывали своих монархических симпатий, восторженно откликнулся на речь Х. А. Примо де Риверы 29 октября 1933 г. на собрании в театре «Комедия», ставшем первой акцией Испанской фаланги. По свидетельству «ветеранов» фаланги, самому основателю испанского фашизма, маркизу и сыну генерала-диктатора в бытность его в Берлине в мае 1934 г. не понравились ни язык (имеется в виду стиль пропаганды), ни те элементы в идеологии и практике нацизма, которые он назвал «дурно демагогичными»¹¹.

Что же касается армии — этого краеугольного камня в фундаменте франкизма, то, как заметил известный испанский прогрессивный историк Туньон де Лара, верхушка офицерства, испытывая энтузиазм перед милитаризмом Гитлера и Муссолини, «полностью игнорировала демагогический аспект их программ»¹². Это замечание относится к 1935 г. В дальнейшем существенных сдвигов в позиции офицерства не произошло. Следует к тому же иметь в виду, что воинствующий национализм франкистов, граничивший с ксенофобией, также был своего рода фильтром, задерживавшим некоторые элементы «опыта» зарубежных форм фашизма.

Непримиримую позицию в отношении установления тесных связей с Германией в «духовной» сфере занимала католическая иерархия, усматривавшая в них возможный канал для проникновения в Испанию духа протес-

тантства и «язычества». В основном усилиями католической иерархии была сорвана ратификация договора о создании основы для развития «более тесной духовной и культурной связи» между рейхом и «повой Испанией», подписанного 24 января 1939 г. в Бургосе франкистским министром иностранных дел графом Г. Хорданом и германским послом Э. Шторером¹³. Особенности становления режима, а также комплекс внешних факторов (среди которых следует отметить прежде всего такие, как: обусловленное официальным неучастием в войне положение «между блоками»; весьма отчетливо, начиная с конца 1942 г., обозначавшаяся тенденция быть приемлемым для западных союзников; а главное, то обстоятельство, что режим выжил после военного разгрома Германии и Италии и продолжал существовать в Европе, свободной, кроме Пиринейского полуострова, от фашизма) во многом предопределили специфику франкизма как фашистской формы государственности и обусловили пути его эволюции.

Самой характерной чертой фашистской государственности в Испании была крайняя персонализация власти, каудилизм. Внешним отражением этой черты было само наименование режима по фамилии диктатора — «франкизм». «Единственная идея, которая была у Франсиско Франко в его общественной жизни, заключалась во Франсиско Франко. Это был фундаментальный закон жизни Франсиско Франко»¹⁴. Такое несколько парадоксальное по форме определение либерального историка С. Мадариаги, дано им в тот день, когда он впервые после 40-летнего отсутствия вступил на родную землю, по существу не отличается от того, которое несколькими месяцами позже дал в интервью журналу «Дер Шпигель» бывший министр франкистской и постфранкистской поры, а ныне лидер правой так называемой демократической коалиции М. Фрага Иррибарне: «Франкизм... означает физическое присутствие генерала Франко»¹⁵.

Национальный суверенитет был узурпирован Франко еще в ходе гражданской войны, и эта узурпация была закреплена в декретах и законах, большинство из которых было подписано самим каудильо. Как сформулировал это своеобразное положение находившийся в оппозиции к существующему режиму Х. Сатрустеги, Франко в соответствии с законом олицетворял «национальный суверенитет»¹⁶. Преодолев сопротивление соперников и получив

пост главнокомандующего, Франко уже 29 сентября 1936 г. добился принятия такой формулировки декрета, которая практически означала выдачу ему мандата не только на верховную военную, но и на гражданскую власть: «Звание генералиссимуса влечет за собой на время войны и функцию главы правительства»¹⁷. Два дня спустя, 1 октября 1936 г., самочинно возведя себя в ранг «главы государства», Франко подписал свой первый декрет «О концентрации власти в персоне главы государства». Известный исследователь истории гражданской войны в Испании английский профессор Х. Томас определил этот акт как «настоящий государственный переворот»¹⁸.

19 апреля 1937 г. Франко стал национальным шефом Испанской традиционалистской фаланги и ХОНС, образованной в результате слияния, как об этом говорилось в декрете, в «единый политический организм национального характера» Испанской фаланги и ХОНС и карлистов-традиционалистов. Статут фаланги от 4 августа 1939 г. объявил Франко ответственным только перед «богом и историей». Четыре дня спустя новый декрет подтвердил передачу Франко всей полноты законодательной, исполнительной и судебной власти. За ним были закреплены ничем не ограниченные полномочия в определении юридических норм; он назначал членов кабинета министров, который сам возглавлял, утверждал декреты и законы. С согласия Франко назначались гражданские губернаторы провинций, все высшие чиновники, генералы и даже епископы¹⁹. В этом отношении весьма показательным замечанием генерала Аранды, сделанное им в беседе с полковником германского генерального штаба Крамером 5 июня 1939 г. о том, что «Франко и на внутриполитической арене приходится все делать самому. Давно назначенные им министры ничем себя не проявляют», и он, Аранда, «вообще не думает, чтобы кто-либо из испанцев знал, кто же именно является министром»²⁰.

Издаваемые в течение последующих 39 лет законы и декреты, касающиеся прерогатив Франко, лишь детализировали, но никогда не ограничивали его всевластие, хотя с конца 40-х годов и делались попытки доказать, что режим прошел эволюцию от первоначальной «абсолютной диктатуры», когда вся власть и все права «сосредоточивались в персоне победителя крусады», к представительной монархии²¹. Полемизируя с этой версией, известный левый католический писатель и философ Х. Арангурен за-

метил, что «после разгрома держав «оси» каудилизм не исчез совсем, а отошел на второй план, а на авансцену была выдвинута идея перемен и та роль, которую в этих переменах играл глава государства»²².

Но какие бы перемены ни происходили в стране, до самой своей смерти Франко оставался диктатором Испании. Тот же самый закон об ответственности, объявивший Испанию «католическим, социальным и представительным государством, которое в соответствии со своей традицией провозглашает себя конституированным как королевство» (ст. 1), на который в подтверждение тезиса об отказе от принципа фюрерства (испанское — каудильяхе) ссылались те, кто хотел бы убедить страну и мир в трансформации диктатуры в нечто принципиально иное, устанавливал, что верховное руководство государством осуществляет «каудильо Испании и крестового похода, генералиссимус вооруженных сил, дон Франсиско Франко Баамонде» (ст. 2)²³. Органический закон государства 1967 г. вводил пост главы правительства, но практически разделения верховной власти не произошло, так как полномочия главы правительства закон рассматривал под углом зрения подчиненности полномочиям главы государства. Только в июне 1973 г. Франко решился на назначение главы правительства, да и то им оказался Л. Карреро Бланко, которого молва давно окрестила «серым преосвященством», тенью каудильо.

То, что, несмотря на все модификации, вызванные необходимостью приспособления к обстоятельствам внешнего и внутреннего порядка, диктатура рухнула только со смертью своего основателя, объясняет наряду с другими факторами и известную индифферентность, которую стали проявлять с течением времени основные силы антифранкистской оппозиции к будущей форме государства — монархической или республиканской, так как на первом плане оказалась дилемма — диктатура или демократия. Не придавал этому принципиального значения в течение длительного времени и сам диктатор. Заявив в одной из своих первых программных речей 19 января 1937 г., что Испания должна стать «католическим государством», Франко на десять лет оставил вопрос открытым. И только в 1947 г., пытаясь придать «респектабельность» режиму в глазах Запада в надежде, что это удержит отход от режима его консервативного крыла — монархистов, деятельность которых с конца второй мировой войны порой

принимала оппозиционный характер, Франко внес «определенность» относительно государственной формы Испании.

К особенностям франкизма как фашистской государственной системы следует отнести и то положение, которое занимала в ней фаланга. В цитированной выше беседе Аранды с Крамером испанский генерал заметил, что «у Германии было то преимущество, что национал-социалистская партия прошла организационный период еще до захвата власти... В Испании же прежде всего потребовалось сосредоточить все силы на разгроме красных»²⁴. Как видно Аранда, подобно многим из окружения Франко, Испанскую фалангу в том виде, в котором она существовала до мятежа, не считал возможным даже сопоставить с национал-социалистской партией, поскольку слабость партии Примо де Ривера была очевидной — она не смогла даже обеспечить выбора в кортесы в феврале 1936 г. своего вождя. Но дело даже не в том, что «организационный период» партии для окружения Франко начался 19 апреля 1937 г., когда декретом об унификации, подписанным Франко, была создана Испанская традиционалистская фаланга и ХОНС, а в том, что тогда же Франко недвусмысленно дал понять, что речь идет не о передаче власти фаланге, а о подчинении ее государству²⁵. Сам Франко, как это явствует из его выступления, опубликованного на страницах «АВС» 19 июля 1937 г., основную миссию фаланги видел в прочном объединении всех сил «новой Испании», в том числе и тех, кого он назвал «нейтральной массой, не испытывавшей до этого времени привязанности к какой-либо партии».

Фаланга претендовала на то, чтобы ее установления были единственным компасом духовной ориентации общества. Этой цели служили: закон о печати от 22 апреля 1938 г., названный современниками «законом Серрано Суньера», который тогда был министром внутренних дел²⁶; передача служб прессы, радио, кино и театров в ведение вице-секретариата народного просвещения и пропаганды фаланги, созданного декретом 22 ноября 1941 г.; университетский закон от 31 июля 1943 г., по которому университеты должны были «приспособить свою просветительскую деятельность к программе фалангистского движения»²⁷.

Однако высокий удельный вес консервативно-традиционалистских элементов в блоке «победителей», влияние

церковной иерархии, предложившей «концепцию крусады (крестового похода)», прочно вошедшую в идеологический арсенал франкизма, воззрения самого Франко и его окружения, хотя и возлагавших большие надежды на фалангу в будущем, но тем не менее полагавших, что «пока только католическая церковь является в какой-то мере объединяющей связью»²⁸, не дали фаланге в полной мере осуществить монополию на идеологическое руководство. Первым франкистским министром просвещения стал П. Саенс Родригес, а с 1939 по 1951 г. этот пост неизменно занимал Х. Ибаньес Мартин — оба монархисты и ревностные католики. В школу было «возвращено распятие», т. е. восстановлено обязательное религиозное образование. Частные школы, как правило, находились в руках религиозных орденов. Книги, пресса и зрелища должны были не только соответствовать принципам «национального движения», но и не противоречить католической доктрине. После 1945 г. многие монархисты безнаказанно и самочинно вышли из фаланги, но только 28 июня 1967 г. был принят закон, по которому религиозные верования перестали быть «предлогом для неравенства испанцев перед законом»²⁹.

Наряду с Институтом политических исследований, этим, по определению С. Пейна, «мозговым трестом» фаланги, основателем и директором которого был фалангист «первого дня» А. Гарсиа Вальдекаес³⁰, в 1939 г. был создан Высший совет научных исследований. Президентом этого совета с 1939 по 1965 г. бессменно был Ибаньес Мартин, а генеральным секретарем на протяжении многих лет — Хосе Мария Альбареда, занимавший высокое положение в «Опус деи», полусекретной элитарной организации из представителей светского правового католицизма.

Как заметил признанный в Испании специалист по истории политической мысли Х.-К. Майнер, в идеологической ориентации основного органа Института политических исследований журнала «Ла ревиста де эстудиос политикос» прослеживался «явный интерес к всестороннему обоснованию своей враждебности к либерализму и восхвалению тоталитаризма»³¹. Миссию Высшего совета научных исследований Р. Кальво Серер, один из основателей журнала «Арбор», официального органа этого Совета с 1945 г., видел в утверждении католицизма как динамичной доктрины, «призванной рехристианизировать культу-

ру, обязанную ему своим рождением»³². Опираясь в рамках авторитарной тенденции, идеологи обоих центров прилагали немалые усилия для совмещения католической доктрины государства, конструируемой на основе идей М. Менендеса и Пелайо³³, с «новейшими» построениями европейского фашизма.

Большой удельный вес клерикально-монархических элементов в блоке «победителей» обусловил своеобразный консервативный «плюрализм» как принцип формирования правительственных кабинетов начиная с первого, созданного в Бургосе 30 января 1938 г. В этот кабинет вошли: три представителя фаланги (в недавнем прошлом Серрано Суньер был членом СЭДА, а граф Родесно — карлистом); два монархиста; три военных; три эксперта, не имевших определенной партийной принадлежности. В кабинет, созданный 9 августа 1939 г., где также всего три поста принадлежали фалангистам, вошел член «Католического действия» Х. Ибаньес Мартин. Со временем «католическое присутствие» усилилось — в первых правительствах начиная с июля 1945 г. — за счет представителей «Католического действия», а с 1957 по 1974 г. — за счет представителей «Опус деи». Весь послевоенный период портфель министра иностранных дел находился у католиков — с 1945 по 1957 г. у А. Мартина Артахо, с 1957 по 1969 г. — у Ф. Кастиэлья (оба — члены «Католического действия»), с 1969 по 1974 г. — у Г. Лопес Браво и Л. Лопес Родо (оба были членами «Опус деи») ³⁴.

На протяжении почти всего первого десятилетия существования режима чуть ли не любой из компонентов пестрого конгломерата «победителей» в свое время отдал дань попыткам добиться перевеса над всеми прочими. Но Франко, по мнению Р. Тамамеса, обладал «большим умением поддерживать равновесие между группами, которые его поддерживали и поддерживают, изолируя в каждый момент потенциальных лидеров тех или иных сил, имевших тенденцию превратиться в выдающиеся политические фигуры, способные нарушить равновесие системы»³⁵.

Пресекая любые центробежные тенденции среди тех, кто составлял опору режима, Франко вместе с тем применял разнообразные меры, чтобы прочно удерживать все эти компоненты в системе на отведенной каждому строго определенной ступеньке иерархической лестницы. Однако, выступая арбитром в возникавших конфликтах, он ока-

зывал, как правило, поддержку консервативным элементом.

Еще в большей степени, чем правительственные кабинеты, иерархию таких ведомств, как министерства финансов, промышленности и торговли, иностранных дел и юстиции, не говоря уже о верхушке армии, в первые годы существования режима заполняли деятели времен монархии и диктатуры, финансовые дельцы и бизнесмены. После разгрома европейских держав «оси» во имя выживания режима и приспособления его к условиям послевоенного мира тенденция к замещению высшей административной иерархии монархистами и деятелями таких групп, как «Католическое действие», «Католическая ассоциация пропагандистов» и «Опус деи», усилилась. И в то время как штаты «вертикальных синдикатов», объявленных «хартией труда» (1938 г.) первым из фундаментальных франкистских законов, «краеугольным камнем Новой Испании», равно как и провинциальная и местная администрация и иерархия такого государственно-монополистического новообразования, вдохновлявшегося идеями автаркии, как и Институт национальной индустрии, замещались преимущественно фалангистами, в верхних сферах власти они никогда не преобладали: из 114 министров, сменившихся с 1938 по 1975 г., фалангистами были 20, не считая профалангистски настроенных генералов.

По мере эрозии режима представительство фаланги уменьшалось. В 1956 г., по подсчетам Л. Арресе (в то время генеральный секретарь фаланги), фалангисты, продолжавшие считать себя таковыми, занимали 2 из 16 мест в правительстве, 1 из 17 заместителей министров, 18 из 50 гражданских губернаторов, 8 из 50 президентов провинциальных депутаций, 65 из 151 члена Национального совета фаланги, 137 из 575 депутатов кортесов, 133 из 738 провинциальных депутатов, 766 из 9155 мэров, 2226 из 55 960 муниципальных советников³⁶.

К особенностям франкизма как государственной системы следует отнести и наличие кортесов, созданных в шестую годовщину мятежа, 17 июля 1942 г., не предусмотренных до того, как уже отмечалось в советской историографии, ни одним программным документом фаланги³⁷. Кортесы были корпоративным органом, состоявшим из прокураторов, являвшихся таковыми в силу занимаемой должности, назначаемых главой государства

или выбираемых корпорациями, провинциальными депутациями и муниципалитетами. Кортесы не ущемляли всевластия Франко, и их создание не означало восстановления принципа разделения властей, так как их задача заключалась «в подготовке и разработке законов без ущерба для полномочий главы государства»³⁸.

Создание кортесов было своеобразной реакцией на изменение соотношения внешнеполитического «баланса сил». Как заметил Р. Тамамес, «начало упадка сил „оси“ побуждало приступить к политической институализации режима для создания большей представительности»³⁹. Но вместе с тем созданием кортесов руководители режима пытались консолидировать правящий лагерь, не допустить отхода от режима его консервативного крыла — монархистов, не отвергавших принципа парламентаризма. Еще в речи 17 июля 1941 г. на торжественном заседании Национального совета фаланги, посвященном пятой годовщине мятежа, том самом, где Франко объявил «неизбежным уничтожение русского коммунизма» и поносил «плутократические демократии», он обрушился не только на «красных материалистов», но и на «легкомысленную буржуазию и аристократию»⁴⁰. Летом 1942 г., после того как принц Хуан де Бурбон, сын умершего в феврале 1941 г. Альфонса XIII, заявил о своем праве на престол, деятельность монархистов стала принимать порой оппозиционный оттенок.

Деятели франкистского режима, видя своих главных врагов в тех, кто противостоял им по другую сторону траншей гражданской войны и кто, на языке официальных идеологов, в течение долгого времени пазывался «Апти-Испанией», другими словами, в коммунистах и социалистах, организованном рабочем движении, во всех тех, кто причислял себя к республиканцам, в деятелях науки, культуры и просвещения, для которых фашизм был неприемлем, всегда проявляли известную терпимость к словам и делам консервативной оппозиции. Эта терпимость стала возрастать после 1945 г., обусловив в известной мере то, что те элементы гражданского общества, которые возникли и консолидировались в недрах режима в последнее десятилетие его существования, имели по преимуществу монархо-клерикальную окраску. И в то время как коммунисты, социалисты и демократические профсоюзы получили легальный статус только спустя несколько месяцев после смерти Франко, оппозиционные консерва-

тивные группировки еще до краха режима уже существовали де-факто, расширив к тому же возможность пропагандировать свои идеи после принятия закона о печати 1966 г.⁴¹, что отразилось в какой-то мере на высших сферах власти, утвердившейся в стране после того, как режим рухнул со смертью своего основателя.

В течение всего периода существования франкизма как его руководители и официальные идеологи, так и его противники в стране и за рубежом не только многократно давали определение режиму, но и делали попытки определить его место среди других фашистских систем. Для самого Франко в начале мятежа эталоном будущего был фашизм. Как видно из его заявления корреспонденту телеграфного агентства салазаровской Португалии 10 августа 1936 г., он полагал, что «Испания будет управляться па основе корпоративной системы, сходной с той, которая установлена в Португалии, Италии и Германии»⁴². В разгар второй мировой войны, как явствует из его речи 17 июля 1942 г., он также не отделял свой режим от родственных ему систем в Германии и Италии, когда заявлял, что «в Европе существует только один опасный враг — коммунизм, и только одна система, способная его победить — тоталитарный режим»⁴³.

После коренного перелома в ходе войны, начало которому было положено под Сталинградом, руководители режима начали вносить коррективы в данные ранее определения. Первыми такие коррективы стали делать руководители внешней политики Испании и профессиональные дипломаты в процессе общения с представителями США и Англии. «Хотя Испания и не является демократической страной типа Соединенных Штатов, она — не тоталитарная, типа Германии, и нацистские доктрины ее отталкивают», — уверял министр иностранных дел монархист граф Г. Хордана посла США К. Хейса 10 мая 1943 г.⁴⁴ Месяц спустя Х. Карденас, посол Испании в Вашингтоне, в меморандуме от имени испанского правительства утверждал: «Испанский режим не является ни фашистским, ни нацистским, он — испанский. Он основан на испанских традициях и его сущность — христианский католицизм... Правительство имеет авторитарный характер из-за гражданской и мировой войны»⁴⁵. В ноябре 1944 г., когда исход войны окончательно определился, в таком же духе заговорил и сам диктатор. В интервью корреспонденту «Юнайтед пресс интернейшнл» 3 ноября

1944 г. он заявил, что, поскольку идеологические принципы режима концентрировались на понятиях бог, родина и справедливость, «Испания не могла быть связана идеологически ни с кем, кто отрицает католицизм как принцип». Сам он дал определение Испании как государству «органической демократии»⁴⁶. После разгрома европейских держав «оси» термин «фашизм» был исключен из официального словаря режима. В ноте министра иностранных дел Испании временному поверенному в делах США в Мадриде в связи со сделанным американской делегацией на Генеральной Ассамблее ООН в декабре 1946 г. заявлением, в котором испанское правительство определялось как «фашистское», говорилось: «Испанский народ отвергает определение „фашистский“..., так как никогда не был связан с тоталитарными системами»⁴⁷. Принимая во внимание процесс эрозии режима, значительно разрушившего здание франкизма к моменту смерти его основателя, большинство исследователей прибегают, как правило, к термину «авторитарный».

Американский исследователь Х. Линц, участник международного семинара, посвященного политическим и социальным проблемам Испании XX в., состоявшегося уже после ликвидации франкизма, отнес последний к авторитарным режимам и дал им такое определение: «Авторитарные режимы являются политическими системами с ограниченным политическим непредставительным плюрализмом, без единой разработанной и направляющей идеологии (но со специфической системой взглядов), при которых отсутствовала политическая мобилизация интенсивная или экстенсивная... и в которых лидер (или, возможно, узкая группа) осуществляют власть в пределах ограничений, формально недостаточно уточненных, но в действительности достаточно предсказуемых»⁴⁸. Это определение можно было бы принять при внесении известных уточнений.

Политический «плюрализм» франкизма всегда был жестко очерчен: к власти допускались только те, кто признавал необходимость упразднения парламентских институтов. Политические компоненты этого плюрализма (как правило, консервативные) имели антилиберальную окраску. «Специфическая система взглядов» франкизма, обусловленная утверждением режима у власти в результате поражения республики, при всей ее эклектичности была «моноплитна» в одном — в создании предпосылок для

того, чтобы не допустить идейной реконкисты испанского общества, возрождения свободы и демократии. Режим неоднократно пытался прибегнуть к «мобилизации» масс, разжигая националистические страсти, особенно в период 1945—1951 гг., однако эти попытки не увенчались успехом и от них пришлось отказаться. Что же касается «ограничений» власти диктатора, то они исходили не от институтов франкизма, а от тех, кто в конце концов способствовал краху режима.

- ¹ Подробнее см.: История фашизма в Западной Европе. М.: Наука, 1978; *Tamates R.* La Republica.— La Era de Franco. Madrid: Alfaguara, S. A., 1976.
- ² *Кудрявцев А. Е.* Основные проблемы изучения средневековой Испании.— В кн.: Культура Испании. М.: Изд-во АН СССР, 1940, с. 21.
- ³ *Кржевский Б.* В кн.: Культура Испании. М.: Изд-во АН СССР, 1940, с. 212.
- ⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 10, с. 425.
- ⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 28, с. 336.
- ⁶ *Lazo A.* La revolucion rusa en el diario ABC de la época. Sevilla: Publicaciones de la Universidad de Sevilla, 1974, p. 145—146.
- ⁷ Подробнее см.: История фашизма в Западной Европе, с. 300—301.
- ⁸ Там же, с. 310—311.
- ⁹ Там же, с. 307—308.
- ¹⁰ *Maetzu R.* Defensa de la Hispanidad. Madrid, 1934.
- ¹¹ *Payne S.* Falange. A History of Spanish Fascism. Stanford: Stanford University Press, 1962, p. 19.
- ¹² По мнению американского историка Д. Пуццо, «испанская национальная спесь... была вскормлена сравнительной изоляцией Испании от основных течений европейской жизни» (*Puzzo D.* Spain and the Great Powers. 1936—1941. New York, 1962, p. 296).
- ¹³ Documents on German Foreign Policy. 1918—1945. Series D. London, 1950—1964, vol. III, p. 821—826, 843.
- ¹⁴ Cambio, 1976, 2, 16.II.
- ¹⁵ Der Spiegel, 29.XI 1976.
- ¹⁶ Cuadernos para el dialogo, 1975, N 147.
- ¹⁷ Цит. по: *Tuñon de Lara M.* La España del siglo XX. Paris: Libreria española, 1973, p. 483.
- ¹⁸ *Thomas H.* History of the Spanish Civil War. New York: Harper, 1961, p. 54.
- ¹⁹ El Nuevo Estado Español. Veinticinco Años de Movimiento Nacional. 1936—1961. Madrid: Ed. Instituto de Estudios Politicos, 1961, p. 203.
- ²⁰ Документы министерства иностранных дел Германии. М.: Госполитиздат, 1946, вып. III. Германская политика в Испании (1936—1943), с. 67.
- ²¹ *La Cosa de Y.* [псевдоним Carrero Blanco L.]. España ante el mundo. Proceso de im aislamiento. Madrid: Idea, 1950, p. 395.
- ²² *Aranguren J.* La cruz de la monarquia española. Madrid, 1974, p. 119.

- 23 Конституции буржуазных государств Европы. М.: Мысль, 1957, с. 521.
- 24 Документы министерства иностранных дел Германии, с. 57—58.
- 25 *Nellessen B.* Die Verbotene Revolution. Hamburg, 1963, S. 152—154; *Payne S.* Franco's Spain. New York: Thomas Y. Crowell Company, 1967, p. 21—22.
- 26 Подробнее см.: *Tamames R.* Op. cit., p. 590, 591.
- 27 *Informaciones*, 1.VIII 1943.
- 28 Документы министерства иностранных дел Германии, с. 64.
- 29 Цит. по: *Tamames R.* Op. cit., p. 598.
- 30 Подробнее см.: *Diaz E.* Pensamiento español 1939—1973. Madrid: Ed. Cuadernos para el dialogo, S. A., 1974, p. 30—36.
- 31 *Mainer J.* Historia literaria de una vocacion politica (1930—1950).— In: *Falange y Literatura*. Barcelona, 1971, p. 59.
- 32 Интервью газете «АВС» в 1951 г. Цит. по: *Tamames R.* Op. cit., p. 581; Подробнее о журнале «Arbor» см.: *Diaz E.* Op. cit., p. 37—45. Первым редактором «Арбора», основанного в 1943 г., был августинец У. Лопес Ортис.
- 33 М. Менендес-и-Пелайо был избран Советом в качестве патрона истории и философии.
- 34 О составе испанских кабинетов периода франкизма см.: Испания 1918—1972. Исторический очерк. М.: Наука, 1975; *Tamames R.* Op. cit., p. 495—529.
- 35 *Tamames R.* Op. cit., p. 361—362.
- 36 *Payne S.* Op. cit., p. 259—260.
- 37 См.: История фашизма в Западной Европе, с. 334.
- 38 Конституции буржуазных государств Европы, с. 508—513.
- 39 *Tamames R.* Op. cit., p. 476.
- 40 *Foreign Relations of the United States*. Washington: Department of State, 1947, vol. II, p. 908—910.
- 41 Этот закон упразднил некоторые жесткие цензурные ограничения, введенные в разгар гражданской войны, оставив тем не менее в силе запрещение левой прессы. Подробнее см.: *Fernandez Areal M.* La Libertad de prensa en España (1938—1971). Madrid: Ed. Cuadernos para el dialogo, 1971.
- 42 *Documents on German Foreign Policy*. 1918—1945. Series D, p. 224.
- 43 Цит. по: *Volkischer Beobachter*, 19.VII 1942.
- 44 *Hayes C.* Wartime Mission to Spain. 1942—1945. New York, 1945, p. 130—131.
- 45 *Foreign Relations of the United States*, 1943, vol. II, p. 611.
- 46 Цит. по: *New York Times*, 4.XI 1944.
- 47 Цит. по: *Diaz-Plaja G.* Historia documental de España. Madrid; Barcelona: Ed. Plaza y janés, 1973, p. 562—563.
- 48 *Linz J.* Una teoria del régimen autoritario. El caso de España en politica y sociedad en el España del siglo XX.— In: *Politica y sociedad en la España del siglo XX*. Madrid, 1978, p. 212. Сходную характеристику франкизму дает и французский исследователь Г. Эрме. См.: *Hermet G.* L'Espagne de Franco. Paris: Colin, 1974, p. 246—247.

ПРОБЛЕМА ФАШИЗМА В ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

1. *Международная историография фашизма.* Проблема фашизма относится к тем историческим вопросам, которые — и это вполне закономерно — продолжают вызывать политические страсти. Прежде всего мы имеем дело с явлением не только историческим, некоторые его формы сохранились до сегодняшнего дня в несколько измененном виде. К тому же нет уверенности, что фашизм не может возникнуть в будущем хотя бы в ином, чем прежде, внешнем облики. Наконец, период апогея фашизма в 30—40-х годах XX в. не так далек от нас, чтобы рассмотрение этого вопроса не касалось сил, политических направлений и отдельных лиц, и сегодня еще остающихся на политической арене. Если в текущих политических дискуссиях оправдано употребление слова «фашизм» как эпитета, то в научном исследовании этого явления необходимы понятия, сформулированные на основе точного определения.

Литература по вопросам фашизма и отдельных его проявлений насчитывает в настоящее время несколько тысяч наименований. В связи с этим делаются попытки упорядочить ее, к числу которых можно отнести работу Р. де Феличе «*Le interpretazioni del fascismo*»¹. Эту работу нельзя считать последним словом в данной области, она вызывает ряд сомнений. Существует также немало и других классификаций историографии фашизма, равно как и типологий самого фашизма². Между тем изучение истории фашизма постоянно развивается, обогащаясь монографическими работами. К наиболее интересным из них относятся труды советских историков, которые имеют значительные достижения в области изучения итальянского, испанского и германского фашизма, а также фашизма в других странах. Исследования советских ученых за последнее десятилетие получили значительное развитие. Мы ограничимся упоминанием о вкладе в изучение итальянского фашизма таких исследователей, как Б. Р. Лопухов, который в 1969 г. издал работу «Фашизм и рабочее движение в Италии», Г. С. Филатов — его книга о крахе итальянского фашизма недавно переведена в Польше,

Ц. Кин. Есть фундаментальные работы по истории фашизма и в других странах.

Дальнейшее развитие историографии фашизма зависит от того, сможет ли она убедительным образом показать взаимодействие различных сфер, аспектов и сторон явления, именуемого фашизмом, связать их органически, а не просто признать значение каждого из них, отказавшись от общего объяснения, как это, по-видимому, сделал Р. де Феличе. Следует надеяться, что историография будет приближаться к этой цели, а историческая наука социалистических стран сыграет в этом очень важную роль.

2. *Этапы развития историографии фашизма в Польше.* Представления польского народа о фашизме чрезвычайно богаты, так как он стал одной из первых жертв фашистской экспансии, в орбите которой оставался продолжительное время и поплатился за нее тяжелыми жертвами. В начальный период после освобождения прежде всего подводились итоги гитлеровских, или, как чаще говорилось тогда, немецких преступлений; понятия «фашизм» и «борьба» против него употребляли прежде всего коммунисты и социалисты. Рубеж 40—50-х годов стал в Польше началом подъема марксистско-ленинской историографии. В этот период понятие «фашизм» начали употреблять очень широко. Это понятие относилось не только к национал-социалистскому режиму в Германии и режиму Муссолини в Италии, но практически им определялось большинство политических систем в Европе, в том числе в Польше после 1926 г. Специальных исследований, однако, в этой области не велось, дело ограничивалось общими формулами. С конца 60-х годов в связи с началом нового этапа развития польской историографии, который принес обильные плоды в виде многочисленных исследований по новейшей истории, вопросы фашизма стали предметом специальных исследований.

В то время обозначились уже главные точки зрения в дискуссии о фашизме в мировой историографии, кроме того, опыт польского народа определил польским историкам поле действия, более связанное с собственной историей. Поэтому общая проблематика фашизма не вызвала широкого интереса. Этой проблематики польские историки касались прежде всего в связи с изучением гитлеровской Германии и ее политики. С таких исследований начал также профессор Ф. Рышка, в работах которого, и прежде всего в книге «Государство чрезвычайного по-

ложения»³, наиболее широко рассматриваются проблема гитлеровского фашизма и его характерные черты. Освещение различных проблем истории Германии способствовало формулировке суждений о различных аспектах фашизма в целом. Польские историки столкнулись с проблемой фашизма также в связи с политическими событиями межвоенного периода в самой Польше. Правда, еще не создан труд, специально посвященный фашизму в Польше, но исследование главных политических направлений, а также истории межвоенного двадцатилетия поставило на повестку дня вопрос о степени его влияния. От общих формул 50-х годов осуществляется переход к конкретным исследованиям. В дискуссиях 60—70-х годов преобладало мнение, что «санационный» режим создал своеобразную структуру, не идентичную с фашизмом, но тяготеющую в его сторону. Однако эти вопросы продолжают вызывать споры, кроме того, исследование двух главных политических течений имущих классов — политических лагерей пилсудчиков и эндеков — ведется еще недостаточно, а именно в этих течениях мы склонны искать элементы фашизма. Литература по истории этих течений постепенно увеличивается, а к концу 70-х годов — ускоренными темпами⁴.

Исследования, проводимые в последние годы в Польше еще в одной области, также связаны с проблематикой фашизма. Это — изучение истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы межвоенного периода, прежде всего их политической эволюции. В этих исследованиях мы ставим перед собой вопросы об отношении диктаторских режимов в рассматриваемых странах к фашизму, о чертах этих режимов⁵.

Исследования и дискуссии по вопросам фашизма концентрируются в основном в Институте истории ПАН, а также во Вроцлавском университете, работы которого по этой проблематике публикуются в специальном серийном издании⁶.

3. *Общие вопросы фашизма и проблема так называемых авторитарных режимов.* Ведущее место в изучении общей проблематики фашизма занимает профессор Ф. Рышка. Взяв исходной точкой правовой аспект, он, однако, не ограничился только этим. Рассматривая его в своей работе «Государство чрезвычайного положения», он показал фашистское государство во всех его разнородных проявлениях и действиях, а не только государственно-

правовые конструкции. Ф. Рышка показывает фашистское государство — главным образом национал-социалистское, как прерогативное государство, опиравшееся на принцип решений, исходивших от фашистского вождя, не стесненного никакими юридическими и моральными нормами, за исключением им самим формулированных целей. На практике такая система предполагала передачу части этих абсолютных и неограниченных полномочий в низы, местным «вождям». Широкое представление о европейском фашизме, впрочем противоречивое и спорное, Ф. Рышка дал в обширном докладе на сессии во Вроцлаве в 1974 г.⁷, стремясь с помощью сравнительного метода внести свой вклад в изучение генезиса, локализации и признаков фашистских движений и режимов.

Интересная дискуссия по докладу Ф. Рышки позволила представить различные точки зрения по вопросу определения понятия «фашизм» и его границ. Следует также упомянуть о польско-советском симпозиуме, проходившем в Институте истории ПАН в декабре 1975 г., на котором не только обсуждались германская и итальянская модели фашизма, но и затрагивался вопрос о характере других диктаторских режимов в Европе⁸.

На упомянутых и многих других научных встречах в последние годы обсуждалась типология фашистских режимов в межвоенный период и во время второй мировой войны. Этим вопросом занимался профессор Ф. Рышка, разработку его ведет также отдел Института истории ПАН, который занимается историей Центральной и Юго-Восточной Европы в 1918—1939 гг. Результатом работы этого коллектива была книга⁹, в которую вошли материалы научной конференции, состоявшейся в 1971 г. В центре внимания здесь оказалась характеристика диктатур, которые были установлены почти во всех странах рассматриваемого региона в межвоенный период, и их отношение к фашизму. В результате дискуссии сложилось мнение, которое усматривает в этих диктатурах новую — в сравнении с парламентскими режимами — форму власти кругов имущих классов и государственной бюрократии, задачей которых была прежде всего борьба с левыми силами и вместе с тем устранение конкурентов, которые непосредственно вдохновлялись примером германских национал-социалистов и итальянских фашистов. Отсюда различия между этими режимами и «классическими» фашистскими режимами. Диктатуры не смогли ввести «тотальный» ре-

жим, подобный германскому или итальянскому, но во многом старались ему подражать. Они не смогли «сравняться» с «тотальными» режимами прежде всего из-за своей слабости, отсутствия опоры в массах, и сопротивления масс. Многие вопросы остаются здесь спорными, особенно вопрос о связи политической эволюции в европейских странах в межвоенный период с уровнем социально-экономического развития отдельных стран. Например: связаны ли различия между западноевропейскими парламентарно-демократическими странами, «классическим» фашизмом в Германии и Италии и содержащими фашистские элементы диктатурами в странах Центральной и Юго-Восточной Европы с тремя разными уровнями экономического развития? Какова была роль соперничества между фашистскими партиями типа партии Национально-радикальный лагерь в Польше, «Железной гвардии» в Румынии и т. д. и правящими кругами? Во всяком случае элементы фашизма отчетливо проявлялись в диктаторских режимах в Польше, Румынии, Прибалтийских странах, в Болгарии и в некотором смысле можно говорить о разной степени интенсивности одного и того же явления во всех режимах, которые своим рождением обязаны кризису либеральной демократии. Однако, соглашаясь с тезисом о такой непрерывности, необходимо одновременно четко отличать своеобразные и неповторимые в других случаях черты германского фашизма — гитлеризма, представлявшего для мира гораздо большую угрозу, чем все другие вместе взятые фашистские режимы и движения, которые, впрочем, развивались под его (и итальянским) влиянием¹⁰.

4. *Фашизм в Польше.* Из вышесказанного следуют также предпосылки для оценки режима диктатуры в Польше в 1926—1939 гг. и для определения фашистских элементов в этом режиме, во всем политическом лагере пилсудчиков, а также в так называемом национальном лагере. Дискуссии на тему «„Санация“ и фашизм», имевшие целью уточнение прежних слишком общих и упрощенных тезисов, начались уже на рубеже 50—60-х годов, однако не все они нашли отражение в печати, другие же были опубликованы только в общественно-литературных журналах. Заслуживают внимания в этом плане съезды польских историков в 1958, 1964, 1969, 1974 гг., а также дискуссии в связи с подготовкой к печати обобщенных изданий, особенно IV тома академического издания «История

Польши». Состояние польской историографии 70-х годов в определенном смысле отражают три различные по характеру работы (популярные издания или учебные пособия): Г. Зелиньского, Ю. Бушко, А. Чубиньского¹¹.

В книге Г. Зелиньского особенно ясно представлена весьма распространенная среди польских историков точка зрения, что «ей [т. е. «санационной» диктатуре] не удалось превратить Польшу в государство явно фашистского профиля... установленная в Польше система, правда, обнаруживала ряд сходств, но также и существенных отклонений, и половинчатость». Таким образом, Польша — одна из составных частей явления, которое мы стараемся исследовать в масштабе всей Центральной и Юго-Восточной Европы. Это не означает, что упускается из виду процесс фашизации, ускорившийся в 30-х годах, особенно в период деятельности так называемого Лагеря национального единства, а также фашизации «национального лагеря» и возникавших в нем чисто фашистских групп типа партии Национально-радикальный лагерь. Вокруг этих вопросов продолжают вестись оживленные споры. Во всяком случае, на повестке дня остается обстоятельная разработка темы: фашизм в Польше. Во многом это зависит от состояния международной историографии фашизма, но в первую очередь от изучения важных для нашей темы проблем истории идеологии в Польше межвоенного периода и во время второй мировой войны, а также социальной базы отдельных политических партий.

Эта задача может быть решена путем сравнительных исследований, в которых будут принимать участие историки европейских социалистических стран. В свою очередь польская историография могла бы внести в проводимые исследования свой вклад и поспособствовать лучшему пониманию явления, именуемого фашизмом.

¹¹ *De Felice R.* Le interpretazioni del fascismo. Bari: Laterza, 1969. Перевод на польский язык (Warszawa: Czytelnik, 1976).

² См. рецензию на польское издание книги Р. де Феличе в: *Kwartalnik Historyczny*, 1977, № 3. См. также: *Лопухов Б. Р.* История фашистского режима в Италии. М.: Наука, 1977, с. 275—295.

³ *Ryszka F.* Państwo stanu wyjątkowego. I wyd. Wrocław: Ossolineum, 1964; II wyd., zmienione, 1974.

⁴ *Terej J. J.* Rzeczywistość i polityka. Warszawa: Książka i Wiedza, 1971; Tegoż. Idee, mity, realia. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1971; *Garlicki A.* U źródeł obozu belwederskiego. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1978; Tegoż. Przewrót majowy. Warszawa: Czytelnik, 1978.

- ⁵ См., например: *Dyktatury w Europie Srodkowo-Wschodniej / Praca zbiorowa pod red. J. Zarnowskiego*. Wrocław: Ossolineum, 1973.
- ⁶ *Studia nad faszyzmem i zbrodniami hitlerowskimi.*— *Acta Universitatis Wratislaviensis*, 1974, N 222; 1975, 281; 1977, 366. Особого внимания заслуживает последний выпуск, в который вошли материалы международной конференции на тему «Фашизм — теория и практика в Европе (1922—1945)». Редактор серии К. Йонца.
- ⁷ *Faszyzm — teoria i praktyka w Europie (1922—1945). Studia nad faszyzmem i zbrodniami hitlerowskimi.*— *Acta Universitatis Wratislaviensis*, N 366, s. 9—67.
- ⁸ *Dzieje Najnowsze*, 1978, N 1.
- ⁹ *Dyktatury w Europie Srodkowo-Wschodniej*.
- ¹⁰ Эти вопросы затрагивались в моем выступлении на Международной конференции в Варшаве «Центральная Европа и вторая мировая война». См.: *Dzieje Najnowsze*, 1974, N 1/2, s. 217.
- ¹¹ *Zieliński H. Historia Polski 1864—1939*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1971; *Buszko J. Historia Polski 1864—1948*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1978; *Dzieje Polski / Pod red. J. Topolskiego*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1975, część VI (A. Czubiński).

А. АЙНЕНКЕЛЬ

ФАШИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ В ПЕРИОД МЕЖДУ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

Начну с двух вводных замечаний. Первое касается границ интересующего нас региона, второе — того, какой смысл я вкладываю в понятие «политическое устройство». Границы региона, называемого Центральной Европой, трудно определить однозначно. Здесь принимаются следующие границы: на востоке это будет граница между Советским Союзом и соседними с ним в то время капиталистическими государствами Европы; на юге линия раздела будет проходить вдоль границ Болгарии и Югославии с Грецией и Турцией; на западе — по границе Венгрии, Чехословакии и Польши с Австрией и Германией; и, наконец, на севере этой границей будет Балтийское море.

Второй вопрос — понятие «политическое устройство». Предметом анализа здесь будут государства эксплуататорского типа, государства, в которых экономическая позиция имущих классов обуславливает их политическую

власть. Классовый характер этих государств на протяжении всего рассматриваемого периода оставался неизменным. Зато происходили существенные изменения в форме государства: в организации, компетенциях и способе деятельности государственного аппарата. С этим связан комплекс проблем, касающихся политических партий, объема гражданских прав и свобод и т. п.

До первой мировой войны на интересующей нас территории было три империи: российская, германская и австрийская. Это были конституционные монархии с сильной монархической властью, небольшими правами парламентов, особенно незначительными они были в России; в империи Романовых наиболее ограничены были также гражданские права и свободы. В трех реакционных империях сохранились существенные остатки феодального строя.

Наряду с социальным угнетением трудящихся каждое из этих государств, хотя по-разному и в разной степени, проводило политику угнетения подвластных им народов.

Государства — Румыния, Сербия, небольшая Черногория, наконец, формально независимая с 1912 г. Албания тоже были конституционными монархиями, в которых роль представительного органа была минимальной.

Первая мировая война, несмотря на свой империалистический характер, оживила надежды угнетенных народов на улучшение их положения.

Коренные изменения произошли лишь под влиянием событий в России. Свержение царизма, установление Советской власти, притягательная сила принципов социалистической политики по национальному вопросу даже для людей, далеких от революционного образа мыслей, глубокая перестройка устаревших социальных структур оказали сильное влияние на позиции и устремления народных масс и угнетенных народов, на взгляды и методы деятельности политических группировок и государственных деятелей.

Великая Октябрьская социалистическая революция в России вызвала цепную реакцию. Вспыхнули буржуазно-демократические революции в Германии и Австрии. В Венгрии началась социалистическая революция. Независимыми стали Польша, Чехословакия, Финляндия, Литва, Латвия, Эстония.

Образовавшиеся после войны государства, а также Германия стали парламентскими республиками, т. е. при-

няли наиболее прогрессивную при капитализме, как указывал В. И. Ленин, форму правления¹. Канули в прошлое мечты консервативных кругов имущих классов о восстановлении в этих государствах монархии. «Русская революция,— писал Томаш Масарик,— у нас и в других местах вызвала коренной поворот к республиканским настроениям»². Появились республиканские настроения в образовавшемся как монархия Королевстве сербов, хорватов и словенцев, позднее — Югославии, а также в побежденной монархической Болгарии.

В конечном счете в Центральной Европе образовались формы государства — парламентские республики и конституционные монархии; последнюю форму сохранили территориально расширившаяся после первой мировой войны Румыния, объединенная Югославия, Болгария, Венгрия. Как между республиками, так и между монархиями существовали значительные различия.

В Финляндии и Чехословакии сильной была власть президента; относительно слабее (при значительных правах парламента) она была в Польше. В Эстонии должность президента не была введена, правительство же было исполнительным комитетом парламента. Среди монархий Болгария в период правления Стамболийского находилась на пути укрепления власти правительства, в Югославии сравнительно большую роль играл в послевоенный период парламент, в Венгрии после подавления революции была установлена конституционная монархия, причем большие права получил регент Хорти.

Попытаемся в сжатом виде рассмотреть условия, в которых складывалось политическое устройство государств Центральной Европы после первой мировой войны.

Напомним еще раз о непосредственном воздействии Великого Октября. Из опасения, что трудящиеся в других странах последуют его примеру, имущие классы и их политические представители становились более склонными к уступкам. Влияние революции, политическая активность масс облегчали реформистским силам — социал-демократии и радикальным крестьянским группировкам — проведение в жизнь их политических требований. Парламентская республика, с одной стороны, была выражением своего рода идеологического соперничества с советской системой, а с другой — была призвана удовлетворить устремления обретавших независимость народов, показать им, что в буржуазно-демократическом государстве их по-

литические и социальные требования могут быть удовлетворены без ликвидации капиталистических производственных отношений революционным путем. Впрочем, в некоторых государствах, особенно в Прибалтике, республики были образованы в результате вооруженной борьбы против уже установленной там Советской власти.

Таким образом, буржуазная демократия была призвана служить политической системой, совпадавшей с той, какая существовала в победивших государствах коалиции. В этом также была одна из причин утверждения именно такой формы государственного устройства. Например, смягчение контрреволюционного террора в Венгрии в первый период правления Хорти объясняется стремлением ее правящих кругов добиться признания своей политической системы со стороны западных государств.

Чрезвычайно трудно сжато охарактеризовать политическую систему, существовавшую в отдельных государствах. Сравнительно успешно функционировала буржуазная парламентская демократия в Чехословакии, хотя и там она была существенно ограничена, что в значительной степени вытекало из националистической позиции чешской буржуазии. Почти во всех государствах революционное движение столкнулось с жестокими преследованиями, что принудило его участников уйти в подполье. С большей или меньшей силой проявлялись также социальные конфликты: выступления рабочих, крестьян, острые национальные противоречия. Сразу же после окончания войны возникли территориальные конфликты между многими государствами Центральной Европы. В то же время во многих из них проживали многочисленные национальные меньшинства, стремившиеся к национальному освобождению или по крайней мере к реальному равноправию. Все это влияло на функционирование политических систем, которые, как правило, были далеки от стабилизации.

Относительно быстро после окончания войны наступил кризис буржуазного парламентаризма. Одним из симптомов общего политического кризиса капиталистических государств стал фашизм как политическое движение и специфическая организация государства.

Развитие фашистских движений, «поход на Рим» Муссолини, а также спад волны массовых классовых битв в 1923 г. совпадают с нарастанием реакционности политических систем в интересующей нас части Европы.

Напомним хронологию основных событий. 1923 г. — правительство Цанкова в Болгарии. Год спустя в Албании Ахмед Зогу, свергнутый в результате переворота, произвел контрпереворот, получил по конституции 1925 г. почти диктаторские права, а в 1928 г. стал королем. В 1926 г. в Польше произошел майский переворот, послуживший началом периода так называемой сапации, а в декабре — переворот в Литве. В Югославии в начале 1929 г. король Александр захватил абсолютную власть, превратив путем своего рода переворота государство в централизованную монархию. Эта система, опиравшаяся на военную диктатуру, сменилась в 1931 г. формальным восстановлением конституционной формы правления, причем власть оставалась в руках короля и тесно взаимодействовавшей с ним военно-буржуазной сербской камарильи. В Венгрии в 1932 г. правление временно перешло в руки генерала Гёмбёша, осуществлявшего диктаторскую власть. После его смерти решающей фигурой в государственной власти снова стал регент Хорти. В Болгарии после существования в течение нескольких месяцев правительства генерала Кимона Георгиева центральной фигурой в системе власти стал царь, осуществлявший личную власть.

Почти одновременно была ликвидирована парламентская система в Эстонии и Латвии. До этого острый парламентский кризис разразился в Финляндии. Непосредственное влияние на события в этом районе оказал приход Гитлера к власти в Германии. В Эстонии в то время активизировалось фашистское движение так называемых вапсов, стремившееся захватить власть при поддержке внешних сил. Против него выступил правый руководитель Объединения аграриев Пятс, который, заняв должность премьер-министра (1933 г.), а затем президента, вместе с главнокомандующим армией Лайдонером ввел систему диктаторского правления. В 1934 г. произошел переворот в Латвии. Как и в Эстонии, его совершал премьер-министр находившегося у власти правительства, лидер партии Крестьянский союз Ульманис. Однако в отличие от Эстонии переворот Ульманиса в Латвии был направлен прямо против левых сил, в частности против сильной латвийской социал-демократии, в которой значительным влиянием пользовалось левое крыло, стремившееся к взаимодействию с нелегальной коммунистической партией.

Сравнительно долго в Румынии правительственные кабинеты назначались королем из числа буржуазных политиков двух партий: национал-либеральной и национал-крестьянской (царанисты). Правительство проводило выборы, которые должны были подтвердить принятые ранее решения. В 1938 г. король отошел от этой системы, введя форму личного правления. Это нашло формальное выражение в конституции. Произведя реакционный государственный переворот, король Кароль II выступил одновременно против фашистской «Железной гвардии», которая также стремилась захватить власть.

К 1938 г. лишь в Чехословакии и Финляндии сохранилась система буржуазной парламентской власти. В Чехословакии после прихода Гитлера к власти начался постепенный процесс фашизации сильного немецкого меньшинства. Пользовавшаяся в то время среди местных немцев большим влиянием Партия судетских немцев перешла в открытую оппозицию к республике. Однако это не привело к заметному ослаблению парламентской системы, потому что фракция коммунистов—депутатов парламента выступала в защиту республики. Окончательный удар по буржуазной демократии в Чехословакии нанес мюнхенский диктат.

В Финляндии со времени попытки фашистского путча, поднятого Лапуа, в правительственную коалицию вошла социал-демократическая партия; коммунистическая партия по-прежнему не могла действовать легально.

Для того чтобы охарактеризовать политическое устройство в государствах, которые отошли от буржуазной парламентской системы, стоит указать на следующие общие для них черты. Это процесс нарастания реакционности политических отношений в целом, выражавшийся как в фактическом, так и в формальном ограничении прав парламента, связанном с отчетливой тенденцией к уменьшению числа граждан, пользующихся пассивным и активным избирательным правом. Наряду с введением в положения о выборах различных цензов проявлялась тенденция к ограничению прав по национальным или расовым признакам. Эти тенденции, а также действия, направленные на ограничение политических прав на основе таких же признаков,—убедительное свидетельство подчинения расистским концепциям фашизма, что нашло, например, отражение в венгерском законодательстве. В некоторых государствах мы имеем дело также с явным

ограничением социальных прав и других завоеваний народных масс, достигнутых непосредственно после 1918 г.

В Прибалтийских государствах и в Румынии, а также на некоторое время в Югославии оппозиционные политические партии были распущены, в других государствах их деятельность была ограничена в большей или меньшей степени. Во всех государствах интересующего нас региона, за исключением Чехословакии, коммунистические партии не имели возможности легальной, свободной деятельности.

Однако вернемся к вопросу о парламенте. Здесь наблюдается процесс перестройки его — полностью или частично — на основе решений корпоративного типа. В этом мы вновь наблюдаем определенное влияние итальянской или португальской фашистских концепций. Институт референдума (даже там, где он до той поры был элементом непосредственной демократии) теперь стал декорацией, призванной служить лишь формальному выражению согласия граждан на уже принятое решение. Организатором государственной жизни зачастую становились партия или политический лагерь, занимающие юридически или фактически исключительное положение или в крайнем случае позицию привилегированной правящей силы, допускающей существование других политических группировок, но лишь в качестве дискриминируемой зачастую оппозиции. Политические противники часто подвергались при этом различного рода преследованиям.

Коренным образом изменилась позиция главы государства. Все чаще его место не только в структуре государственных органов, но и во всей политической системе определялось в соответствии с веберовской концепцией вождя. Это относится не только к государствам, во главе которых стоял президент, но и к монархам. Этим можно объяснить институт особых полномочий, так называемых прерогатив, приближающих президента в смысле компетенций к правам, которыми обладал монарх, причем в раннеконституционной монархии XIX в. Специфической чертой некоторых конституционных решений, например в Польше или Эстонии, было особое положение армии, которая ставилась выше, чем другие органы государства. Этим подчеркивалась роль армии в политической системе государства.

Если мы сравним политические системы рассматриваемых государств Центральной Европы с политической

системой третьего рейха или фашистской Италии, то увидим принципиальные различия как в их генезисе, так и в способе функционирования и в методах деятельности. Что касается генезиса, то следует указать на тот факт, что новые режимы возникали, как правило, в результате особого рода действий изнутри существовавшего аппарата власти, а точнее — его руководящего центра. Переворот производил сам монарх или глава правительства. Даже в наиболее далеком от этой схемы майском перевороте в Польше маршал Пилсудский на протяжении всего периода с момента возрождения государства принадлежал к этой элите. Участники переворота не располагали при этом, как правило (и это опять-таки иначе, чем в Польше), широкой массовой базой. Главными действующими лицами событий были избранные военные части и административный аппарат. В Польше, Румынии, Эстонии, Венгрии, в некоторой степени в Литве существовали сильные правые политические центры, нередко открыто руководствовавшиеся фашистской идеологией, против которых, по крайней мере в первой фазе, были направлены действия участников переворота. На протяжении всего периода действовали в качестве своего рода правой конкурентной силы в противовес правительствам, более, чем они, реакционные, более близкие итальянскому или гитлеровскому первообразу фашистские группы. Такая ситуация приводила зачастую к тому, что новые режимы, несмотря на свой реакционный характер, становились в силу вещей своего рода защитой перед явно и однозначно фашистскими концепциями и практикой. В связи с этим позицию главы государства нельзя сравнивать с ролью, какую играл «вождь» в фашистском государстве.

Эти различия, о которых идет речь, зависели как от внешних, так и от внутренних факторов. Несомненно, имели место опасения перед империализмом, аннекционизмом, столь характерными для германского фашизма. В связи с этим режимам, существовавшим в государствах Центральной Европы, значительно менее свойственны эти захватнические тенденции. В то же время из-за внутренней слабости этих режимов имущие классы не оказывали им такой открытой поддержки, как это имело место, например, в Германии. В свою очередь ввиду экономической слабости рассматриваемых государств правящие режимы имели значительно меньше возможностей, чем Германия и даже Италия, для демагогических дейст-

вий в социальной политике, способствовавших расширению их массовой базы. В результате этого под их влиянием оказалась значительно меньшая часть населения, продолжала также существовать база для действий организованной, пользовавшейся зачастую серьезным влиянием оппозиции. Кроме того, в некоторых странах имелись многочисленные национальные меньшинства или (как, например, в Югославии) другие национальности, кроме господствовавшей. Эти меньшинства зачастую имели большое экономическое влияние, составляли значительный слой среди имущих классов. В результате этого правящая группа располагала гораздо меньшими возможностями воздействия на население. Существовали независимые от нее политические силы, располагавшие собственной, хотя и подвергавшейся зачастую строгой цензуре печатью. Существовали различные общественные, хозяйственные, культурные организации, в большой степени независимые от администрации. Сохранялась в принципе прежняя правовая система, которая, несмотря на многочисленные нарушения ее, являлась существенной гарантией защиты личности (по крайней мере от самых явных нарушений права).

Государства, о которых идет речь, в отличие от Германии или Италии были вынуждены также считаться с международным общественным мнением.

Разумеется, как я уже сказал выше, и в то время, и в предыдущий период законы нарушались повсеместно, когда речь шла о борьбе с революционным движением. Классовый характер законодательства приводил также к тому (и это характерно для капиталистических отношений), что независимо от формы правления во всем «величии права» трудящиеся массы подвергались эксплуатации. Тем не менее наличие довольно сильного, несмотря на преследования, рабочего движения, его воздействие на массы ставило существенный барьер на пути тотализации существовавших политических отношений. Таким барьером были близость Советского Союза, его миролюбивая международная политика, мобилизовавшая рабочий класс, трудящееся крестьянство и сдерживавшая реакционные действия правящих групп, которым, впрочем, было далеко до внутренней консолидации. Этим вызваны явления довольно заметной политической дифференциации, которая отражалась как в деятельности парламентов, так и в практических действиях правящих

групп, в их компромиссных решениях, попытках привлечь на свою сторону противников, выступавших против существовавших режимов с правых позиций, или тех, которые выступали против них с реформистских позиций. Это положение отражалось также в тактике революционного движения. В некоторые моменты по тактическим соображениям оно оказывало временную поддержку некоторым из этих кругов, считая их меньшим злом или даже временными союзниками. Так было, например, в Польше во время майского переворота Пилсудского.

Напомним, как в свете вышеизложенного выглядело соотношение сил в Польше. Национальные меньшинства составляли чуть более третьей части всего населения Польши. В своей массе эти меньшинства не могли служить опорой правительства. Добавим, что поляки составляли всего половину имущих классов в государстве, а значительная часть польских собственников по традиции поддерживала правую, развивавшуюся в направлении тоталитаризма Национально-демократическую партию (эндеков).

Это правое крыло поддерживала значительная часть католического епископата и низшего духовенства. Правившему «санационному» лагерю приходилось не без труда добиваться расположения или по крайней мере нейтральности католической церкви.

Эндеки были массовой, хорошо организованной легальной политической партией, насчитывавшей около 200 тыс. членов. Она располагала примерно сотней собственных печатных органов, влиянием в хозяйственных объединениях, что давало ей значительные финансовые средства. Она воздействовала через сеть организаций на часть учителей, студентов, школьную молодежь, представителей свободных профессий: врачей, адвокатов, ремесленников и купцов; на часть крестьянства и даже рабочих. Поскольку она последовательно занимала антигерманскую позицию, ее поддерживала огромная часть населения западных воеводств, а демагогические лозунги полонизации промышленности и ремесла (среди ремесленников половину составляли неполяки) привлекали на ее сторону и средние слои населения. «Санации» пришлось добиваться расположения этих общественных групп. В связи с этим Лагерь национального единства³ выдвигал эндековские лозунги, что передвигало правящий лагерь еще более вправо. Часть «санации» начинала в свою очередь искать

союзников среди демократической оппозиции, некоторые группы открыто порвали с «санацией».

К этому надо добавить и внутреннюю борьбу в «санации» между так называемой группой полковников, сторонниками Э. Рыдза-Смиглого, и так называемой замковой группой — сторонниками президента И. Мосцицкого.

Демократическая оппозиция — это Крестьянская партия (около 200 тыс. членов), к которой примыкала насчитывавшая несколько десятков тысяч членов молодежная организация. Эта партия располагала значительным влиянием в органах крестьянского самоуправления. Она возглавила массовые политические акции — крестьянские забастовки. В такой забастовке, организованной в 1937 г. вместе с коммунистами, приняли участие до миллиона крестьян. Значительным влиянием пользовалась Польская социалистическая партия. Она насчитывала 50 тыс. членов и занимала ведущее положение в оппозиционных, так называемых классовых профсоюзах, которые объединяли до 300 тыс. членов. Каждый второй рабочий (член профсоюза) был членом этих организаций. В организуемых профсоюзами забастовках участвовало по несколько сотен тысяч рабочих в год. Значительной силой была Коммунистическая партия Польши. Ее полтора десятка тысяч членов поднимали на борьбу огромные массы рабочих и крестьян во всем государстве. Левые силы тоже имели свою сеть газет и еженедельников, пользовались влиянием в различных организациях. Они оказывали влияние на позицию интеллигенции.

В середине 30-х годов лозунг коммунистической партии «Борьба за народный фронт» привлекал сотни тысяч людей. Росло влияние левых сил среди интеллигенции и ученых, среди деятелей культуры. Правящий лагерь был вынужден идти на уступки. В 1936 г. была объявлена широкая амнистия для политических заключенных. В 1938 г. состоялись выборы в органы самоуправления. Оппозиция одержала в них серьезную победу. Во втором по величине городе Польши — Лодзи образовалось социалистическое городское управление. Дальнейшее развитие событий, процессов консолидации как правых, так и демократических левых сил было прервано нападением гитлеровской Германии на Польшу.

Резюмируя, следует отметить, что не хватает еще многих элементов для ответа на вопрос: как определить рассматриваемые здесь политические системы? Понятие «фа-

пистские режимы», применяемое часто в прошлом по отношению ко всем или же к преобладающему большинству этих капиталистических систем, весьма неточно, ибо оно не отражает различий, существовавших между отдельными из рассматриваемых государств, а также различий между ними и третьим рейхом или фашистской Италией, заглушает борьбу, которую вели народные массы, прогрессивные силы, революционное движение против реакционных, тоталитарных правящих групп. Сейчас все чаще системы, господствовавшие в рассматриваемый период в Центральной Европе, называют авторитарными. Этот термин, несмотря на то что он ближе всего подчеркивает специфику данного региона, его положение и отличия существовавших здесь государственных форм от «классических» фашистских режимов, нередко вызывает критическое отношение. Однако он уже приобрел право на существование в науке.

Я полагаю, что наиболее важным является сейчас изучение отдельных политических систем и их функционирования, соотношения классовых сил в них, а также проведение сравнительных исследований. Лишь это позволит нам выработать точное научное суждение и станет исходной научной точкой для обобщающей оценки этих исторических явлений.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 82.

² Masaryk T. S. Rewolucja światowa. Warszawa; Poznań, 1932, т. 3, с. 550.

³ Лагерь национального единства — политическая партия, образованная правящей группировкой в 1937 г.

М. С. ЯЖБОРОВСКАЯ

**ОСОБЕННОСТИ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ
И БОРЬБА РАБОЧЕГО КЛАССА
ПРОТИВ РЕАКЦИИ
В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В ПЕРИОД СТАБИЛИЗАЦИИ КАПИТАЛИЗМА
(1924—1928 гг.)**

Прежде чем заняться непосредственным анализом проблемы, следует определить региональную специфику исторического периода, предварив показ особенностей социально-политической структуры рассмотрением некоторых вопросов ее социально-экономической обусловленности.

Страны Центральной и Юго-Восточной Европы, в большинстве своем появившиеся на политической карте в послеоктябрьское пятилетие, входили в период частичной, временной стабилизации после завершения напряженных боев послеоктябрьского революционного пятилетия. На том этапе был решен ряд важных национальных, в том числе политических, задач, но в большинстве стран не удалось сколько-нибудь широко развернуть решение основных социально-экономических проблем. Социально-экономический облик региона по-прежнему определяли аграрные и аграрно-промышленные страны, не успевшие использовать благоприятные условия начатых преобразований для существенного рывка вперед. Собственно, всей исследуемой группе стран «второго эшелона» капитализма был свойствен тот общий тип основных закономерностей исторического процесса в капиталистическую эпоху, который позволяет применить к ней стадияльно-региональный метод исследования¹. Для этого типа исторического развития был характерен средний и ниже среднего удельный вес капиталистического способа производства в экономическом строе; при этом становление и развитие капиталистических отношений проходило в условиях их приспособления к существующей традиционной системе, без ее радикальной ломки, но путем встраивания в нее. Система становилась капиталистической, но оставалась многоукладной.

Этому способствовало и функционирование ее в рамках полуфеодальных систем трех монархий «черных орлов».

Дальнейшая капиталистическая перестройка социально-экономической системы в рамках национальных государств тормозилась, с одной стороны, устойчивым сохранением помещичьей собственности и традиционных форм принуждения, выступающих как «формально-капиталистические» (в Польше, Венгрии и Словакии размеры крупной помещичьей собственности практически почти не изменились), а с другой — зависимостью от иностранного монополистического капитала, который не только выкачивал часть прибавочной стоимости, но и способствовал консервации используемых им докапиталистических форм производства и при этом препятствовал созданию более развитых форм индивидуального производства, будучи заинтересован в обеспечении дешевой рабочей силы, в аграрно-сырьевой специализации, в определенной однобокости производства в регионе, в сохранении его отсталости. Кабальная зависимость от находившегося накануне мирового кризиса западного капитала не уменьшалась, а возрастала. Кроме Чехословакии и Венгрии, где австрийский (а в Словакии — также и венгерский) капитал был заменен местным, иностранный капитал везде превышал одну треть, а в ряде стран региона приближался к половине². Польское государство не смогло использовать предоставленное ему по Версальскому мирному договору (ст. 297) право выкупа принадлежавших немцам предприятий и выразило согласие на приток во многие отрасли экономики иностранного капитала (например, французского и американского) на ростовщических началах³.

Заторможенное развитие капитализма вглубь, сохранение узкого внутреннего рынка в свою очередь консервировало многоукладность экономики, усиливало диспропорции в развитии национального хозяйства, снижало эффективность общественного производства, препятствовало более широкому использованию трудовых ресурсов, влекло за собой свойственные всем странам региона замедленное увеличение занятости рабочей силы, выталкиваемой из сельского хозяйства, пауперизацию, миграции населения, типичную эмиграцию в поисках работы. Положение на рынке труда в течение всего периода стабилизации было напряженным. Во всех странах не удалось преодолеть резкого роста безработицы; хотя в Чехословакии и Польше она и проявляла тенденцию к понижению уровня, но

превратилась в структурную. В Болгарии число безработных в 1926—1929 гг. росло. Высокого уровня безработица достигла в Югославии, Венгрии, Румынии. Избыток рабочих рук в деревне носил хронический характер.

Экономическое истощение военных лет легло тяжелым бременем на национальное хозяйство всех стран и затрудняло преодоление различных трудностей в деле его налаживания. Темпы социально-экономического развития остались замедленными, а в ряде случаев еще более снизились. Стабилизация особенно наглядно проявляла здесь черты относительности, неустойчивости. Показателем этого было, например, то, что проблема достижения довоенного уровня промышленного и сельскохозяйственного производства часто оставалась нерешенной еще и в середине 20-х годов. В силу непоследовательности проведенных преобразований или восстановления прежнего порядка сохранилась значительная запутанность социальных отношений, стоявшая на пути общественного прогресса. В большинстве стран региона по-прежнему наслаивались друг на друга противоречия двух формаций — капиталистической и феодальной. Преобразование социальной структуры оставалось чрезвычайно замедленным. Те или иные слои и классы по-прежнему опирались на разные укладные формы, находившиеся на различных ступенях зрелости и часто слабо связанные друг с другом, а это означало структурную экономическую и социально-политическую неоднородность классов и социальных групп. Социальная неоднородность пролетариата, например, выражалась в том, что отдельные его группы принадлежали к разным укладам и разным по зрелости стадийным формам — от низших форм капиталистического производства до государственного-монополистического капитализма⁴. При этом рабочий, занятый у мелкого ремесленника, или сельскохозяйственный рабочий у помещика на деле оказывались не рабочими, эксплуатируемыми по-капиталистически, а лицами наемного труда докапиталистического типа.

Таким образом, пролетариат на деле играл разную социальную роль. Кроме того, дезинтеграция национальной экономики, ее производственно-отраслевая неоднородность вели к распыленности и изолированности отдельных отрядов пролетариата; сам пролетариат постоянно пополнялся за счет выходцев из других слоев и классов, вносящих в него свои социально-психологические модели.

Все эти моменты играли роль тормозящих факторов в процессе консолидации пролетариата как класса, определяли его своеобразный социально-политический облик.

Стабилизация, укрепление капиталистического строя происходили в условиях продолжавшегося становления и расширения экономических функций государства, увеличения его роли гаранта хозяйственного развития, что непосредственно вытекало из передачи ряда отраслей, ранее контролируемых господствующими классами угнетающих наций, в руки государственного аппарата. В целом государственно-монополистический капитализм достиг в этих странах определенного уровня развития, в той или иной мере сумев разрешить (как правило, за счет трудящихся) ряд определяющих задач социально-экономической стабилизации. Стабилизация капитализма означала в этих странах ожесточенное и фронтальное наступление испытывавшей смертельный ужас перед лицом реальной угрозы потери своего классового господства реакции на все социально-экономические и политические завоевания трудящихся. Достижения послеоктябрьского пятилетия (8-часовой рабочий день, социальные права, создание рабочих организаций, в ряде стран — Советов рабочих депутатов, фабкомов, рабочей милиции и т. д.) были быстро сведены на нет.

Стабилизация капитализма с точки зрения классификации общественных законов означала обеспечение беспрепятственного действия законов функционирования общества. Эти законы требуют воспроизводимости условий, обеспечивающих устойчивость системы, другими словами, необходимо гарантированное ее функционирование на достигнутой ступени развития общества, каковы бы ни были ее классовая структура и социально-экономический уровень. Восстановление и стабилизация капиталистической экономики при инертности социальной структуры, при сохранении социально-экономических основ на прежнем уровне и новых трудностях, в том числе интеграционного свойства, требовали определенных политических усилий, формирования политики, гарантирующей устойчивость общества в рамках капиталистического строя.

В области динамики политической структуры, функционирования политической системы в это время также проявились специфические, общие для всего региона тенденции и явления.

Уместно поставить вопрос о самом генезисе политической структуры стран региона. Десятилетиями исторически складывалась (а это длительный, глубокий процесс, который не поддается быстрой, одномоментной перестройке) соответствующая господствующей форме государства политическая культура, ее определенный тип.

О каком варианте политической культуры можно здесь говорить?

Специфика региона состояла в этой области в том, что рождение капитализма, долгое, трудное, которое в большинстве стран Запада сопровождалось втягиванием масс в политическую жизнь, созданием массовой политической культуры, здесь длительное время проходило в условиях функционирования в рамках режимов трех реакционных монархий, а частично и Турецкой Порты, а следовательно, лишения большей части населения всякого участия в политической системе и даже лишения всех или значительной части политических прав. Лишь кое-где политические права гарантировали участие в управлении или некоторый контроль над ним той или иной части имущих классов. Над политическим процессом в условиях военно-феодальных монархий постоянно тяготела незавершенность капиталистического преобразования общества и в социально-экономической, и в политической областях. Сохранение во вновь образованных независимых государствах многоукладности, незавершенности и неустойчивости социально-экономической структуры означало неустойчивость социальной базы, а также политического равновесия, изначальное распыление политических сил, специфическую организацию политической жизни и деятельности. В условиях узости социальной базы, значительной пассивности масс власть опиралась не на широкий спектр политически активных социальных сил, а на ту или иную возвышавшуюся группу представителей господствующих классов, к которой примыкали близкие социальные группы. Сами господствующие классы были политически слабы и раздроблены (консолидация этих классов запаздывала), свои политические позиции они стремились укреплять отнюдь не в опоре на буржуазную демократию и своими антидемократическими тенденциями только усиливали политическую неустойчивость.

Все многочисленные, в значительной мере недавно возникшие группировки и партии отличались расплывчатостью программ и неясностью политических целей, де-

централизованностью, борьбой конкурирующих клик и фракций. При отсутствии или слабости традиций легальной политической деятельности часто решающую для избирателей роль играли не политические программы, не раз излагаемые на недоступном уровне, а личные качества деятелей, их контактность, их фразеология⁵.

Если в годы послеоктябрьского революционного подъема все государства Центральной и Юго-Восточной Европы смогли ввести более демократические политические формы правления, то в период временной стабилизации этот процесс принял обратный ход. Это касалось и тех стран, которые сохранили или восстановили форму конституционной монархии довоенного периода (Болгария, Югославия, Румыния, Венгрия), и вновь образованных государств, где утвердились парламентские республики. В некоторых странах (Албания, Греция) республиканский строй вскоре уступил место монархии.

Свойственный межвоенному периоду кризис буржуазной парламентской демократии проявился в этой части Европы с особой силой. Повторим: политизация общества была здесь значительно ниже, чем в странах Западной Европы, хотя во всех странах существовали и имевшие свою историю политические партии (исключением являлась лишь Албания). Парламентаризм не имел, как правило, прочных традиций. Бурное — после длительного застоя — развитие политической жизни в условиях пестроты классовой структуры общества и непреодоленности специфики объединенных в новых границах территорий при наличии национальных меньшинств, при отсутствии устоявшихся традиций функционирования национальных политических механизмов вело к дробности сил на политической арене. Постоянная политическая нестабильность была связана, в частности, и с принципом пропорционального представительства в условиях специфического характера политической жизни. Для всего региона, как справедливо пишет Ф. Рышка, были характерны в высшей мере нестабилизированная политическая ситуация, множественность — часто эфемерных — политических группировок, неясность программ, отсутствие явно очерченной избирательной клинтуры, ограниченность или иллюзорность парламентской системы⁶. Правительства часто сменялись, престиж выборных органов падал. Политические кризисы способствовали дальнейшему ограничению парламентской демократии, деятельности оппозиционных партий.

Принятые на волне революционного подъема почти во всех странах региона либерально-демократические конституции на деле отнюдь не гарантировали подлинной демократии (собственно, для их последовательной реализации требовались годы и они в значительной мере остались нереализованными проектами демократической политической организации общества). Период частичной стабилизации был отмечен несоблюдением, нарушением их основных положений. Гражданские права и свободы всячески урезались даже в условиях отмены чрезвычайного положения: в Венгрии это происходило за счет специальных указов и постановлений о выборах, резко сузивших число избирателей; в Румынии (и не только там) — путем предвыборного террора и повсеместной фальсификации результатов выборов; во всех странах — за счет ограничения демократии в связи с фактическим неравноправием и травлей нацменьшинств. Тырновская конституция в Болгарии осталась только на бумаге. Практическое нарушение правозаконности, уменьшение числа граждан, пользующихся избирательным правом, различные ограничения демократических принципов, в том числе законодательной и контрольной функции парламента, ущемление политических прав и свобод, введение принципа открытого голосования, уменьшение роли самоуправления сужали социальную базу парламентской формы правления и способствовали развитию кризиса парламентской системы. Она оказалась прочной только в Финляндии и Чехословакии, где политизация населения была глубже и действовали массовые и сильные политические партии.

Движение вспять политических систем — закономерный процесс, обусловленный общемировым кризисом парламентской демократии, было выражением общего кризиса капитализма. Однако здесь выступают — и вполне закономерно — черты, свойственные именно данному региону.

Демократический взрыв в послеоктябрьский период и попытка ряда политических сил утвердить либерально-демократический вариант, ориентирующий на активное участие граждан в управлении, в функционировании политической системы, на соблюдение прав и свобод, контроля над правительством (другими словами, на использование политических механизмов и на социальные реформы в рамках капиталистического строя), не удалась не случайно. Коммунисты, представители коренных инте-

ресов рабочего класса, опираясь на законы общественного развития, были заинтересованы в последовательной демократизации, к которой вело историческое развитие при обнажавшейся остроте классовых противоречий, при невиданном ранее накале классовой борьбы. Но они почти везде были лишены возможности пользоваться механизмами демократии. Прочим демократическим силам, заинтересованным в сохранении буржуазной демократии, была свойственна парализующая их успех непоследовательность. Специфическим был и такой момент: в силу дробной и чрезвычайно запутанной социальной структуры и отсутствия политических традиций возникла самая неустойчивая из возможных политических систем, в которой ни одна партия или группа не имела прочного превосходства, и правила постоянно сменявшиеся коалиции. Это, как правило, была даже не система двух соперничающих блоков или двух ведущих партий, а конгломерат до конца не выкристаллизовавшихся политических образований, прагматизм и склонность к различным блокам и компромиссам которых отражали политическую неустойчивость тех или иных социальных групп и слоев.

В целом попытка прорвать сложившуюся политическую традицию, выйти за рамки методов правления, политической культуры, существовавших до 1918 г., оформить устойчивые государственные образования, институционализировать буржуазно-демократическую политическую систему, как мы теперь видим с дистанции пятидесяти лет, почти не удалась. Восторжествовал прежний, авторитарный тип буржуазной политической культуры, признающий идеалом сильную, неконтролируемую власть и отрицающий политические права и гражданские свободы. Далее очень важно выяснить, какой именно из вариантов данного типа, ибо это дает ответ на многие вопросы. Воспользуемся принятой в политических науках градацией⁷, согласно которой авторитарная разновидность этого типа исходит отнюдь не из активного участия масс в политической жизни, не из их политической мобилизации (хотя может пытаться предпринять ее), а идеологию использует прежде всего как инструмент подчинения, достижения пассивного послушания масс.

Такой вариант возможен и даже неизбежен, если нормы и ценности политики не стали достоянием масс или их значительной части (так как слабо использовались

для защиты классовых интересов буржуазии) и если преимущественно применялись методы прямого насилия. В этом случае население в массе своей политикой не интересуется, знает о ней мало и может иметь к ней прямо негативное отношение. Даже в некоторой степени проинформированное о тех или иных политических проблемах, оно остается аполитичным, равнодушно относясь к проблемам власти, функционирования политической системы и т. д. Такие явления и есть свидетельства низкого уровня политизации населения. А это и было отличительной чертой региона.

Второй вариант авторитарного режима — тоталитарный. Тоталитарная политическая культура, свойственная фашистскому и полуфашистскому режиму, сочетает культ фюрера, вождя, сильной власти с мобилизацией активного большинства граждан на участие в политической жизни, на определенных условиях, а именно диктуя им свою систему политических норм и ценностей. Эта политическая система есть существенная модификация, часто полностью меняющая существо прежних, ранее принятых норм и ценностей, вовлекающая массы при помощи специальных политических механизмов воздействия в русло той политики, которая при значительной напряженности классовой борьбы обеспечивает более тонкими, всеобъемлющими и подчиняющими политическими методами устойчивость функционирования капиталистического строя.

Вот этот-то тип и составляет существо политики фашизма.

Как мы видим, фашизм основательно утверждается при определенном уровне политического развития общества как специфическая форма обуздания высокой политической активности масс.

Для региона изучаемых стран Центральной и Юго-Восточной Европы была характерна недостаточная развитость гражданского общества, институтов представительной демократии, политических организаций, что гарантировало живучесть, преемственность авторитарных традиций. Подавляющее большинство граждан было отстранено от реального участия в политической жизни. В общественном сознании традиционно глубоко укоренились немирные, насильственные формы политической борьбы как важный элемент политической модели, что особенно наглядно проявлялось в преследовании компар-

тий, находящихся на нелегальном положении, в методах подавления всякой оппозиции. Под прикрытием формально демократических институтов ширилось прямое насилие как метод господства и управления, усиливались милитаризация и бюрократизация государственного механизма.

В период стабилизации 1924—1928 гг. тенденция к усилению позиций административно-бюрократического аппарата преобладала при всем разнообразии в темпах политического развития, в формах правления и методах их ломки. Различные группировки правых сил проповедовали необходимость «сильной власти», используя дезорганизацию экономики и политическую нестабильность для приписывания ответственности за негативные явления во внутренней жизни и неудачи на внешнеполитической арене (последствия поражений — в Венгрии и Болгарии, территориальные претензии и т. д.) на правившие в предшествующее пятилетие левые, либерально-демократические силы. Повсеместно эта тенденция реализовалась специфическим образом.

Политическую напряженность усугубляли внутренние межнациональные конфликты, ибо большинство новых или получивших новые границы государств региона на деле оказались национально неоднородными. Сразу встала проблема национальных меньшинств, территориальных претензий и пересмотра границ. Назревание национальных конфликтов отражалось, в частности, и в возраставших трудностях в области создания парламентского большинства.

Государственно-бюрократический аппарат с расширением своих функций все энергичнее вмешивался во все области политической жизни, обеспечивая в ней свой курс путем реорганизации форм правления, применения различных реакционных методов в духе концептрации политической власти в руках одного лица, усиления авторитарности режима.

В обстановке неурегулированности многих проблем, созданных военными потрясениями, испытывая значительные трудности на пути достижения стабилизации, господствующие классы ввиду слабости государственных и политических структур, их неспособности в течение нескольких лет решить сложные проблемы внутренней стабилизации все энергичнее обращались не только к традиционным бюрократическим методам правления, но и к расширению и укреплению аппарата насилия, к большей

опоре на армию. Армия сыграла особую роль в развернувшейся реорганизации системы власти в направлении установления авторитарных режимов. В предшествующее пятилетие она сформировалась как ударная сила контрреволюции. После утверждения версальской системы спорные вопросы продолжали решаться силой оружия. Сохранялись очаги различных конфликтов. Это влекло за собой продление введенного для борьбы с левыми силами военного положения, увеличение влияния армии, активизацию в ней правых, реваншистских и националистических группировок, рост ее веса в политической жизни. Особенно долго военное положение сохранялось в Румынии и Литве, что еще больше упрочивало позиции воинской элиты во внутренней жизни этих стран.

Большие армии, которым предписывалась роль исключительных гарантов национальной независимости и территориальной целостности, сохранялись почти во всех странах Центральной и Юго-Восточной Европы (кроме потерпевших поражение в войне). Милитаристские группировки, явные и тайные военные организации (болгарский «Военный союз», сербская «Белая рука» и др.) являлись весьма влиятельными группами давления. Вне зависимости от различного социального происхождения офицерского корпуса милитаристы, сыграв большую роль в обуздании революционной борьбы масс, проявляли тенденцию к активизации участия во внутренних делах и были фактором насильственной стабилизации положения, способные в любой момент пустить в ход механизмы подавления внутри страны и обеспечить свои интересы вовне. В монархических Болгарии, Румынии и Югославии армия была тесно связана с двором. С 1919 г. она контролировала положение в Венгрии, в 20-х годах — в Польше и т. д.

В попытках установить «твердую власть» милитаристы выдвигались на первое место, играя определяющую роль в создании авторитарных диктатур. Кроме кровавого режима адмирала Хорти, правившего в Венгрии в качестве регента с 1919 г., в 1925—1926 гг. возникли военно-авторитарные диктатуры генерала Пангалоса в Греции, маршала Пилсудского в Польше. В Румынии в том же направлении действовал неоднократно возглавлявший правительство генерал Авереску. Хотя в Чехословакии летом 1926 г. путч генерала Гайды не удался, в этой стране также усилились политические позиции правых сил

армии. В Югославии военная диктатура руководителя «Белой руки» генерала Живковича (январь 1929 г.) означала установление автократического правления («монархо-диктатуры») короля Александра.

Компенсируя слабость господствующих классов, государственного аппарата, армия путем перехода к военной диктатуре брала на себя ряд функций этого аппарата (и военную функцию, и функцию насилия), значительно активизируя их. Одновременно армия функционировала в качестве политического института (наряду с партиями или вместо них). Как самостоятельная и очень организованная политическая сила (но не имеющая определенного внутреннего политического лица — ориентации на те или иные политические партии, а также своей внешней политической базы) она обеспечивала эффективное вмешательство в государственную политику, четкую, единую политическую линию, преодолевавшую разброд и шатания хилого, неустойчивого, неэффективного при таком соотношении классовых и политических сил парламентаризма. Итак, армия оказывалась той силой, которая могла в незначительной степени преодолеть аморфность политической системы, неспособность выработать единую политическую программу, могущую обеспечить нормальное функционирование капиталистического общественного организма, пресечь углубление социальных конфликтов, дальнейшую радикализацию масс. Военный переворот был простейшим средством, которое в условиях региона позволяло решить важнейшие политические проблемы путем прямого подавления масс.

Международная обстановка после Локарнской конференции 1925 г. и рост реваншистских тенденций на международной арене усиливали напряженность в Центральной и Юго-Восточной Европе, являвшейся ареной неустанного соперничества крупных империалистических держав за влияние. Непрочность версальской системы способствовала поправлению политических режимов в этом регионе. Военно-авторитарные режимы, в которых решающую роль играли правые политики, энергично присваивавшие полноту власти и отгораживавшие от влияния на государственные дела широкие круги общественности, все более склонялись к конъюнктурным союзам с самыми реакционными силами на международной арене. Формировалась тенденция сближения с фашистскими или фашизировавшимися государствами — Италией, а затем (в перспективе) Германией.

С момента возникновения фашизма в Италии реакционные политики любой ориентации стали при решении своих многочисленных и трудных проблем черпать средства и методы из его арсенала. В ряде стран возникли фашистские группировки и организации, политические течения фашистского типа, различные переходные политические формы, для которых было «характерно сочетание традиционно авторитарных и парламентских методов осуществления власти с определенными элементами фашистской политики»⁸. Тенденция фашизации политической жизни возрастала. Однако это был сложный и противоречивый процесс, что являлось следствием уровня социально-экономического развития, специфики становления государственно-монополистического капитала, а также сравнительно низкой политической и общественной активности населения.

При наличии фашистских группировок и организаций во всех без исключения странах Центральной и Юго-Восточной Европы в период временной стабилизации, как правило, не произошло превращения фашистских течений в массовые движения, несмотря на заимствование лозунгов и организационных форм итальянского фашизма. В ряде случаев, например в Югославии, фашистские группировки находились в прямом конфликте с правящими силами. В этом находила проявление определенная закономерность — «в условиях сравнительно спокойного развития государственно-монополистических отношений», а именно таким был период стабилизации, политическая надстройка фашистского типа с точки зрения монополистической буржуазии «малоэффективна и даже вредна»⁹. Показательно, что попытка утвердить военно-фашистский режим в Болгарии закончилась в январе 1926 г. падением правительства Цанкова, который восстановил против себя широкие круги буржуазии¹⁰. Реакция вернулась здесь к политической форме военно-монархической авторитарной диктатуры, сохранив ряд черт прежнего государственного режима.

Вместе с тем с развитием политизации общества рост фашистских тенденций наблюдался повсеместно. Наиболее ранняя и интенсивная фашизация происходила в Венгрии, хотя в годы, предшествующие мировому экономическому кризису, этот процесс еще не был закончен¹¹. Все шире пользовались фашистскими методами ущемляющая парламентаризм «сапация» в Польше, военно-

монархический режим в Югославии, королевская власть и легионеры в Румынии. Очень далеко зашла фашизация политической жизни в буржуазной Эстонии.

Степень фашистской окрашенности правящих режимов в большой мере зависела, как справедливо пишет Р. П. Гришина, от того, «насколько в той или иной стране были развиты политические силы фашизма и какое место они смогли занять в системе новых режимов. Ибо сама военщина, придя к власти, продолжала уповать в основном на силу, на создание террористической диктатуры, крепкой своим репрессивным аппаратом»¹². Авторитарные режимы для мобилизации масс широко использовали патерналистскую демагогию, но не были в состоянии создать особую партию фашистского типа. Они усиливали террор и репрессии в отношении демократических сил и особенно коммунистов, относительно меньше прибегая к политике социального лавирования. В целом революционная «опасность» была быстро и «достаточно эффективно устранена крайне экстремистскими проявлениями контрреволюции»¹³, вставшей на путь оголтелого насилия. Коммунистические партии лишились возможности действовать легально (кроме Чехословакии). Господствующие классы вновь предпочли опереться на штыки.

Рабочий класс Центральной и Юго-Восточной Европы после спада революционной волны понемногу вновь собирал свои силы для организации отпора повсеместному наступлению капиталистов на его жизненный уровень, на прогрессивное социальное законодательство. Не везде это удавалось в равной мере.

Используя политические свободы, наибольших успехов достиг рабочий класс Чехословакии. В 1924 г. рабочие еще вели оборонительные экономические бои, отстаивая 8-часовой рабочий день и уровень зарплаты. Забастовки проходили во многих отраслях промышленности, и их число по сравнению с 1923 г. даже увеличилось, хотя количество участников уменьшилось более чем вдвое и только одна восьмая часть стачек закончилась победой рабочих. В 1925 г. забастовочное движение приняло наступательный характер, вспыхивали более массовые забастовки. В большинстве случаев рабочие требовали повышения зарплаты и заключения коллективных договоров, а в ряде случаев — даже установления рабочего контроля над производством¹⁴. В 1926 г. рост забасто-

вочного движения был приостановлен в связи с частичным экономическим кризисом и увеличением безработицы. Затем борьба вновь усилилась, стала наступательной и упорной, нередко охватывая целые промышленные районы. Объектом самых напряженных классовых столкновений стала защита рабочими своих прав в области социального страхования¹⁵. Рабочий класс Чехословакии протестовал против наступления буржуазии на его права и дороговизны на многочисленных митингах и собраниях, в Общегосударственном рабочем комитете и на конференциях фабрично-заводских комитетов и советов. Все чаще звучали призывы к единству действий. Компартия выступала в защиту интересов пролетариата в парламенте, предложив соответствующую программу. Однако даже и в относительно более благоприятных для рабочего класса условиях борьбы обычным явлением становились случаи участия полиции и жандармов в подавлении забастовок и демонстраций трудящихся. Несмотря на усиление репрессий, КПЧ прилагала все усилия, чтобы организовать и возглавить борьбу масс.

Успешному развитию борьбы трудящихся в защиту своих жизненных интересов препятствовали отсутствие единства в рядах пролетариата, раскол профсоюзного движения. Попытки КПЧ наладить совместные действия, как правило, встречали резкое противодействие правых социалистов и лидеров реформистских профсоюзов, влияние которых в рабочем движении в период стабилизации возросло. Это явление было типичным для ряда стран региона. Однако, несмотря на эти слабости рабочего движения, активная борьба рабочего класса не позволила фашистскому течению в Чехословакии завоевать сколько-нибудь прочные позиции.

Рабочий класс Венгрии постепенно оправлялся после кровавого погрома, учиненного режимом Хорти. Он вел борьбу в основном за экономические требования, прежде всего за повышение зарплаты, хотя число забастовок в 1924 г. сократилось. Стачечное движение охватывало все отрасли промышленности. Тенденция роста вновь обнаружилась в конце 20-х годов: в 1927 г. было почти 125 тыс. выступавших за повышение заработной платы, в том числе 20 тыс. бастовали; в 1928 г. в выступлениях участвовали около 116 тыс., из которых 29 тыс. бастовали¹⁶. Классовые бои венгерских рабочих проходили в обстановке запретов и репрессий. Как правило, их успеху

препятствовала соглашательская, раскольническая политика, проводимая правыми лидерами социал-демократии и профсоюзов. Однако сплоченность и организованность рабочего класса постепенно росли, рабочие создавали стачечные комитеты, в которых сотрудничали коммунисты и социал-демократы.росло значение профсоюзов и расширялись их права, им все чаще удавалось отстаивать коллективные договоры с предпринимателями, хотя эти эти договоры лишь частично удовлетворяли рабочих. Одной из основных причин этого была соглашательская линия правых лидеров профсоюзов. В результате численность единых венгерских профсоюзов падала. Несмотря на все трудности, сопутствовавшие развитию рабочего движения, венгерскому пролетариату удалось не допустить принятия законопроекта о передаче профсоюзов под контроль государства и преобразования их тем самым в фашистские корпоративные организации.

Рабочий класс Польши сохранил довольно высокую активность, отстаивая завоеванную продолжительность рабочего дня и добиваясь повышения зарплаты. Однако в условиях неблагоприятной экономической конъюнктуры 1924—1925 гг. число стачечников упало (с 800 тыс. в 1923 г. до 500 тыс. в 1924 г. и около 150 тыс. в 1925 г.). На 25 % сократилось число членов классовых профсоюзов. Новый рост волны классовых боев в Польше наступил в 1928 г., когда число бастующих достигло 354 тыс.¹⁷ Повсеместно соглашательство правых социалистов, значительное влияние реформизма являлись огромным препятствием на пути развертывания дальнейшего наступления.

Все более сильное противодействие нажиму капиталистов оказывали рабочие Болгарии, где стачечное движение начало постепенно оживать, особенно после создания в 1926 г. классовых профсоюзов как легальной формы связи официально запрещенной в апреле 1924 г. компартии с рабочим классом. Активнее стали пролетарии Румынии и Югославии.

Борьба рабочего класса во второй половине 20-х годов была реальным препятствием на пути усиления политической реакции, корректировала соотношение сил в сторону недопущения крайних методов господства империалистической реакции. Нарастание темпов этой борьбы тормозилось, однако, рядом факторов, как свойственных всему капиталистическому миру, так и составлявших особенности региона. К первым следует отнести политику со-

циалистов. Для всех стран региона в период стабилизации было характерно активное стремление руководства социалистических и социал-демократических партий наладить сотрудничество с буржуазными партиями и государственным аппаратом. Они долгое время не видели опасности установления реакционных режимов, одновременно переоценивая путь реформ, который якобы приведет к социализму без обострения классовой борьбы, вели пропаганду «эры процветания» и «классового мира». Только в конце периода стабилизации большинство из них перешло в оппозицию, продолжая, однако, линию на углубление раскола в рабочем движении.

Специфическим фактором было состояние настроений широких масс: революционно-демократические устремления спали, а сформировавшиеся в условиях решения общенациональных задач идеологические установки на «национальное единство» энергично укоренялись в массах и поддерживались правящими классами. Их идеология «классового солидаризма» подчиняла трудящихся якобы надклассовым интересам государства. Хотя в течение 5-летия стабилизации никакого благоденствия на западный манер не получилось, преодоление военной разрухи, восстановление экономики были позитивно воспринимаемым моментом, тем более что сочетались со снятием противоречий по линии государство — нация. Это длительное время поддерживало настроение удовлетворенности, благополучия, для многих весьма относительного. Для большинства трудящихся, еще недавно проявлявших определенную активность, преобладающим оставалось настроение ожидания перемен, а не разочарования, ибо сохранялись представления о существовании формально признаваемых политических свобод, наивная вера в возможное усовершенствование общества, в реализацию социального законодательства. Господствующие классы, сумевшие сыграть роль гегемона в процессе национального освобождения и создания независимых государств, далеко не сразу достаточно проявили себя в качестве классов правящих (кроме, пожалуй, Венгрии); собственные политики еще не разоблачили себя в глазах масс. Да и традиционные формы политической реакции не исчерпали полностью свои возможности. Концепция «классового солидаризма», гармонического разрешения всех и всяческих противоречий на национальной основе препятствовала осознанию враждебности классовых интересов и выполняла роль противовеса

развитию классового самосознания пролетариата. Широко использовался как отводной канал для активности масс агрессивный национализм, нацеленный в одних случаях на пересмотр границ, в других — на отделение или сохранение статус-кво. Специфическое подчинение социальных вопросов национальным ускоряло распространение фашизма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, тормозило идеологическое созревание различных слоев рабочего класса, затрудняло деятельность коммунистических партий¹⁸. Оно создавало особо сложные условия для обнажения классовых антагонизмов и избавления от иллюзий «социального равенства», вместе с ущербностью политической системы тормозило прохождение школы политического воспитания и обучение навыкам пользования политическими институтами, что было необходимо для более успешного развития рабочего движения.

Коммунистические партии региона, прошедшие большую школу послеоктябрьского революционного подъема, характеризовались стойкостью и боевитостью. Однако в большинстве стран деятельность компартий была в высшей мере осложнена разгулом белого террора. Повсюду коммунисты должны были, как правило, работать в подполье и, пользуясь очень узкими возможностями опоры на легальные организации, преодолевать атмосферу антикоммунистических и антидемократических настроений. Они намечали верные пути борьбы против господствующих классов, против фашизма и военно-авторитарных режимов. Их деятельность помогала рабочему классу стран Центральной и Юго-Восточной Европы затормозить наступление фашизма в период, предшествующий мировому экономическому кризису, несмотря на то что, занятые напряженной работой в нелегальных или полунелегальных условиях, они не всегда сразу достаточно ясно видели характер перемен в правящих слоях (например, БКП не сразу поняла характер военно-фашистского переворота А. Цанкова; польские коммунисты вначале поддерживали переворот Ю. Пилсудского, ошибочно посчитав его демократическим). Но в целом при самых ограниченных возможностях именно коммунисты активно противодействовали наступлению фашизма. Они первыми отлично поняли его антинародную сущность, его опасность. Коммунисты много сделали для того, чтобы разъяснить массам опасность фашизма, разоблачить его как на итальянском примере, так и на примере своих собствен-

ных стран. Действия коммунистических партий в этом направлении были важным моментом, препятствующим ускоренному нагнетанию политической реакции, к которому так стремились имущие классы стран Центральной и Юго-Восточной Европы и которое они до наступления мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. вынуждены были умирить.

- ¹ Ср.: *Барг М. А., Черняк Е. Б.* Регион как категория внутренней типологии классово-антагонистических формаций.— В кн.: Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М.: Наука, 1975, с. 76.
- ² *Landau Z., Tomaszewski J.* Druga Rzeczpospolita. Gospodarka. Społeczeństwo. Miejsce w świecie. Warszawa: Książka i Wiedza, 1977, s. 290, 392—395.
- ³ *Ibid.*, s. 340.
- ⁴ На рубеже 30-х годов доля рабочего класса в общей массе населения во всех странах региона оставалась сравнительно небольшой (за исключением Чехии, где она достигала 25%). В Словакии рабочие составляли 15,2% населения, в Венгрии — 14,1%, в Польше — 13,1%. В аграрных странах этот процент был еще ниже: в Югославии — 8,7%, в Болгарии и Румынии — около 8% (7,8 и 7,7%) и т. д. В большинстве стран значительную часть пролетариата составляли сельскохозяйственные рабочие (*Tomaszewski J.* Gospodarka krajow Europy Środkowej i Południowo-Wschodniej w latach międzywojennych.— In: Dyktatury w Europie Środkowo-Wschodniej. 1918—1939. Wrocław: Ossolineum, 1973, s. 65, 67, 68). Среди работающих (так называемых профессионально активных) пролетарии составляли в Чехии 46%, в Венгрии — 30,7, в Польше — 27,5, в Югославии — 23,8, в Болгарии — 13,8, в Румынии — 13,2% (*Landau Z., Tomaszewski J.* Społeczno-ekonomiczne problemy państw Europy Środkowej i Południowo-Wschodniej w latach międzywojennych.— *Człowiek i światopogląd*, 1973, № 8, s. 206—207).
- ⁵ *Garlicki A.* Przewrót majowy. Warszawa: Czytelnik, 1978, s. 8.
- ⁶ *Ryszka F.* Faszyzm europejski, perspektywy badań porównawczych.— *Miesięcznik Literacki*, 1976, № 6, s. 97—98.
- ⁷ *Wiatr J. J.* Socjologia stosunków politycznych. Warszawa: PWN, 1977, s. 347—348.
- ⁸ *Галкин А. А.* Социально-политическая структура капиталистического общества и фашизм.— *Вопросы философии*, 1970, № 2, с. 94.
- ⁹ *Галкин А. А.* Германский фашизм. М.: Наука, 1967, с. 395—396.
- ¹⁰ См.: *Гришина Р. П.* Возникновение фашизма в Болгарии. София: Изд-во БАН, 1976.
- ¹¹ *Lackó M.* Le fascisme — les fascismes en Europe Centrale-Orientale.— В кн.: Доклады XIII конгресса, т. 1, ч. 6, с. 53; *Манусевич А. Я.* У истоков «санации».— *Новая и новейшая история*, 1974, № 2, 3 и др.
- ¹² *Гришина Р. П.* Опыт исторического сопоставления режимов фашистского типа ранней стадии развития фашизма (на примере Болгарии, Венгрии, Испании и Италии начала — середины 20-х годов).— *Etudes balkaniques*, 1975, N 1, p. 5, 10.

¹³ *Lackó M.* Op. cit., p. 62.

¹⁴ *Мельникова И. Н.* Классовая борьба в Чехословакии в 1924—1929 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 166—170.

¹⁵ Там же, с. 270, 308.

¹⁶ История венгерского революционного рабочего движения. М.: Прогресс, 1973, т. 2, с. 92—93.

¹⁷ *Polski ruch robotniczy. Zarys historii.* Warszawa: Książka i Wiedza, 1972, s. 172.

¹⁸ *Lackó M.* Op. cit., p. 62.

Р. П. ГРИШИНА

К ВОПРОСУ О БОЛГАРСКОЙ РАЗНОВИДНОСТИ ФАШИЗМА

Марксистско-ленинская наука имеет богатые традиции в изучении фашизма. Для современного этапа развития советской историографии характерно пристальное внимание исследователей к различным разновидностям фашизма, и в первую очередь к наиболее развитым его формам. В этом отношении в последние 10—15 лет советская историческая литература обогатилась значительным количеством конкретно-исторических работ, в которых многоплановому исследованию подвергнуты важнейшие аспекты гитлеровского национал-социализма, фашистского движения и фашистского режима в Италии, особенности франкизма. Тщательное изучение фашизма дало богатый материал для обобщений и углубленного теоретического анализа этого явления.

В меньшей мере проведено конкретно-историческое изучение фашистских партий, организаций, движений и режимов, существовавших в других странах Западной Европы и особенно в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в период между двумя мировыми войнами, а также во время второй мировой войны.

В последние годы советские историки вплотную подошли к изучению проблематики фашизма в этом регионе. В 1976 г. вышла фундаментальная монография Н. И. Лебедева «Крах фашизма в Румынии». Сюжеты, связанные с историей фашизма и антифашистской борьбы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, легли в основу крупной коллективной монографии «VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в

странах Центральной и Юго-Восточной Европы» [М.: Наука, 1977], в которой конкретно-исторические разработки сочетаются с обобщающими разделами.

Однако по-прежнему задачей дня остается проведение конкретно-исторических исследований. Такие исследования необходимы для раскрытия во всей полноте сущности фашизма, многообразия форм его проявления, его особенностей, а также для продолжения работы по научно обоснованной классификации разновидностей фашизма. Одна из попыток типологизации фашизма, предпринятых в советской историографии, принадлежит А. А. Галкину. Стремясь проследить, в какой степени черты, свойственные «классическим» формам фашизма, характерны для других его форм, А. А. Галкин устанавливает, что прежде всего обе «классические» формы фашизма заметно отличались друг от друга. Еще более специфичным был испанский фашизм. Далее как важное обстоятельство А. А. Галкин отмечает, что «наряду с социально-политическими феноменами, выступающими в более или менее чистом виде, существуют различные переходные формы. Для этих форм характерно сочетание традиционно авторитарных и парламентских методов осуществления власти с определенными элементами политики фашистского типа»¹. Предложенный А. А. Галкиным подход представляется принципиально важным. Он дает исследователям ключ к пониманию иерархии степени выражения фашизма как явления, если рассматривать режимы фашистского типа по вертикали, имея в виду прежде всего структуру их политической системы, характер сочетания в ней традиционно парламентских приемов управления и политики фашистского типа. Важность подобного анализа очевидна: он позволяет учитывать тенденции развития той или иной страны, видеть опасность ее фашизации.

Однако в указанной работе детальная конкретизация предложенной классификации отсутствует. Вероятно, в большой степени это связано с отмеченной выше недостаточностью предварительной работы по накоплению фактов и описанию режимов фашистского типа, в частности режимов межвоенного времени в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. А. А. Галкин оперирует преимущественно «классическими образцами» да еще государствами-сателлитами, в наибольшей степени приблизившимися в годы второй мировой войны к этим разновидностям фашизма. Реально существовавшие на

первом этапе общего кризиса капитализма в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы режимы промежуточного, переходного типа не получили адекватного отражения в предложенной классификации².

Подобный характер имеет и другая попытка типологизации разновидностей фашизма, сделанная авторами капитальной коллективной монографии «История фашизма в Западной Европе» [М., 1978]. Они выделили типы фашистских диктатур по степени проявления свойств фашизма, по степени нарастания или (в обратном порядке) убывания его признаков, неполного их выражения. Так, германский фашизм, а вслед за ним итальянский авторы этого труда характеризуют как «крайние разновидности фашизма»³, своего рода вершину пирамиды, констатируя при этом наличие не только сходства, но и определенных различий между этими формами. Далее они располагают диктатуры иберийского типа, характеризуя их как «специфический тип фашизма». Однако на этом построение системы обрывается, оставляя предпринятую классификацию незавершенной. Между тем очевидно, что Западная Европа не была обособлена, например, от Юго-Восточной Европы, в странах которой возникали другие, следующие по вертикали вниз разновидности фашизма, а именно «военно-фашистские» и «монархо-фашистские» диктатуры⁴. Без их учета и без выявления их сходства и различия с теми объектами типологической системы, в которых признаки фашизма проявились в большей степени, картина развития фашизма, во всяком случае его генезиса, не может быть полной.

Тем не менее уже сделанные к иерархической классификации шаги представляются весьма перспективными. Каждая национальная модель фашизма, кроме разве германского нацизма, является своего рода промежуточной, переходной формой, выражает разные степени этой промежуточности. С научной точки зрения в каждом случае важно выявить черты, связывающие данную разновидность фашизма как с моделью, в которой свойства рассматриваемого явления проявились в большей степени, так и с моделью, в которой они проявились в меньшей степени. Проведение сопоставительного анализа на такой основе придаст последующему сравнению любой разновидности фашизма с самой крайней его нацистской формой обоснованность и большую историческую глубину.

В связи с указанными опытами классификации фа-

шизма возникает ряд вопросов, важных с точки зрения характеристики фашизма в целом. Например: является ли неполная фашизация традиционных опор буржуазно-демократического государства особенностью только итальянского фашизма или же это закономерность развития фашизма вообще, но она плохо просматривается на германской модели? Какова повторяемость этого явления в других странах? Если это закономерность, не ее ли действие (наряду с действием других закономерностей) привело итальянское фашистское государство на путь разложения, первые признаки которого появились еще до военного краха Италии, а испанский фашизм — к саморазмыванию многих его признаков и качеств? Появляющаяся здесь возможность рассматривать явление от его возникновения до естественного вырождения представляется заслуживающей внимания.

Или: если в фашизме иберийского типа выделяются такие его отличительные от итальянского и германского фашизма черты, как его особая живучесть⁵, ползучесть реакции и переливание ее из одной формы в другую, то не проявляются ли эти черты в еще большей степени в режимах, в которых другие черты, свойственные фашизму, были еще более сильно размыты, еще более нечетко выражены?

Важность тщательного изучения этих форм реакции определяется прежде всего тем, что они встречаются гораздо чаще, нежели единичные «классические» образцы. Требуется внимания не только известная массовость этих форм в прошлом, но и то, что именно в таком облике чаще всего предстает неофашизм. Близость реакционных режимов, существовавших в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период, и современных неофашистских режимов связана со сходством социально-экономических структур этих стран, с близостью уровня развития капитализма в них (средний или ниже среднего), общностью ряда черт (преобладание мелкокрестьянской массы, большая роль иностранного капитала в экономике).

Исследование таких режимов при всей своей сложности, проистекающей из нечеткости, нерезкости выражения социально-политических процессов в них, подводит к пониманию механизма зарождения и развития фашистской реакции.

В этом отношении несомненный интерес представляет

изучение болгарской разновидности фашизма. В болгарской исторической литературе весь период истории страны с 1923 по 1944 г. по традиции характеризуется как период господства фашистской диктатуры. На I Международном конгрессе по проблемам истории Балкан и Юго-Востока Европы академик БАН Ж. Натан отмечал: «Фашизм господствовал в Болгарии с 9 июня 1923 г. по 9 сентября 1944 г. В течение всего этого времени не удавалось ликвидировать фашизм как систему управления и господства, хотя в отдельные моменты некоторым правительствам и можно дать несколько иную оценку»⁶.

В общих чертах так же оцениваются режимы этих лет в Болгарии в советском двухтомном обобщающем труде «История Болгарии», вышедшем, правда, уже более двух десятков лет назад⁷. Представляется, однако, что до настоящего времени не все хронологические отрезки означенного периода господства фашизма в Болгарии подкреплены доказательным конкретно-историческим материалом и что в этом отношении еще предстоит значительная работа. Существующий в настоящее время уровень изученности болгарского фашизма не позволяет делать окончательных выводов относительно его типологических характеристик, поэтому попытка выявить в нем ряд черт общего и особенного, что является задачей нашего дальнейшего изложения, носит пока что предварительный характер.

Условия прихода болгарских фашистов к власти в 1923 г. можно назвать экстремальными: в результате своеобразного разрешения революционной ситуации 1918—1919 гг. к власти в Болгарии пришло однопартийное правительство крестьянской партии Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС), установившее в стране, по оценке тогдашних буржуазных политиков, диктатуру «оранжевого большевизма» (по цвету партийного знамени БЗНС); буржуазные партии фактически были устранены от руля государственного управления, до крайности сократилось их представительство в парламенте; проводившаяся экономическая политика не щадила интересов крупного капитала.

Ударным кулаком буржуазной реакции стали фашистские силы. Они подготовили и совершили 9 июня 1923 г. государственный переворот, в результате которого в стране воцарился террористический режим во главе с А. Цанковым. Сравнительное детальное изучение этого режима⁸,

просуществовавшего до начала 1926 г., позволяет нам сделать ряд выводов относительно его характера.

Несомненно, что режим 1923—1925 гг. был попыткой установить в Болгарии диктатуру некоторых групп финансового капитала и части реакционных военных и реакционной интеллигенции. Последние имели тесные экономические и политические связи с финансовыми кругами. Именно представители этих трех социальных групп составили основное ядро реакционной организации фашистского толка «Народный сговор», ставшей центром политической и идейной подготовки переворота 9 июня 1923 г., а после него вошли в состав управленческой элиты.

В системе режима, возглавленного фашистским идеологом профессором А. Цанковым, очень большую роль играли военные. Именно их деятельность в значительной степени определяла характер власти, широко использовавшей чрезвычайные методы управления и опиравшейся главным образом на репрессивный аппарат. Но это была не просто и не только военная диктатура. И милитаристские и фашиствующие политические элементы верхушки режима находились в единении между собой, особенно на первых порах, совместно осуществляли управление страной, причем фашистские политические деятели стремились действовать в соответствии с разработанной ими платформой фашистского толка. Одним из главных ее принципов была идея падклассового, падпартийного государства, выступающего в качестве регулятора социальных отношений.

Следует отметить, что реакционные силы, пришедшие к власти в Болгарии, не прибегли к открытой ломке унаследованной ими государственно-политической системы, но и не оставили ее прежней по существу. Их стремлением было приспособить традиционную парламентскую государственно-политическую структуру к собственным потребностям, добиться усиления исполнительной власти за счет законодательной. В результате исполнения этой структуры формально оставались прежними, но наполнялись новым содержанием. Кроме того, наряду с традиционной системой за ее пределами были созданы новые органы внеконституционного порядка. Так, незримым дирижером событий стало руководство тайного Военного союза — организатора и практического исполнителя переворота 9 июня 1923 г. Помимо Военного союза, возник так называемый Конвент десяти, игравший роль закулисного

правительства. Он тоже был тайным, а властью располагал огромной. Как отмечал Г. Димитров, во всех важных случаях Совет министров оказывался поставленным перед совершившимися фактами и в роли простого регистратора решений Конвента⁹. Такими же тайными органами были в провинции местные конвенты, состоявшие из членов Военного союза и местных реакционеров. Именно они вершили всеми делами, хотя система административных органов формально оставалась прежней. Главной же опорой режима была армия, функции которой частично были приближены к функциям полиции и жандармерии, а 3-е отделение военного министерства превращено в особый карательный орган, подотчетный одному военному министру. В целом органы, являвшиеся гарантией нового режима в Болгарии, были военными.

Вместе с тем верхушка режима предприняла попытку коренным образом реорганизовать политическую жизнь страны. В соответствии с планами Цанкова и К^о все буржуазные и мелкобуржуазные политические партии должны были прекратить свое существование, а их кадры предполагалось объединить в одну партию «Демократический сговор», центром которой должна была стать уже упоминавшаяся организация фашистского толка «Народный сговор». Новой партии «Демократический сговор» уготовливалось таким образом монопольное положение на политической арене. Эту идею не удалось осуществить в полной мере, однако важно подчеркнуть наличие такой тенденции.

Характерной чертой внутренней и внешней политики режима 1923—1925 гг. были резко выраженные антикоммунизм и антибольшевизм. Болгарская коммунистическая партия, комсомол, профсоюзы были запрещены. Репрессии против коммунистов и членов БЗНС—участников единого антифашистского фронта стали частью государственной политики; они носили систематический характер, временами выливались в массовую резню.

Большое внимание правящие круги Болгарии уделяли политике социального лавирования, стремясь расширить свою в целом весьма узкую социальную опору. Именно поэтому социально-экономическое законодательство 1923—1925 гг., имевшее адресатом все основные группы населения тогдашней Болгарии, приобрело весьма широкие размеры. Желая дать «доказательство» своей надклассовости, надпартийности, правительство Цанкова положило

в основу налоговой реформы так называемый принцип дискриминации капитала, в соответствии с которым капитал подлежал более высокому обложению, чем трудовые доходы. Так, ставка подоходного налога для владельцев максимальных доходов (1,5 млн. лев.) устанавливалась в 36%. Разумеется, принятие подобных законов сопровождалось изрядной долей социальной демагогии.

Наконец, следует отметить, что внешнеполитическая агрессивность в принципе была также присуща режиму Цанкова и К°, тесно связанному с великоболгарскими шовинистическими кругами, но эта черта режима тщательно вуалировалась в силу особенностей прежде всего международной обстановки.

Все эти черты вместе взятые свидетельствуют о том, что в режиме 1923—1925 гг. оказались заложенными в той или иной степени главные качества государства фашистского типа и что, учитывая большую роль военных в то время, следует характеризовать этот режим как военнопфашистский.

Здесь представляется уместным возразить болгарскому историку Вл. Мигеву, который, критикуя это наше положение, указывает, что в режиме 1923—1925 гг. отсутствовали некоторые «особенно важные» черты фашистского государства, а именно: «типичное для фашистского режима стремление к тотальной организации населения в различных организационных формах»; стремление к «централизации идеологической жизни», к идеологическому наступлению с целью установления полной гегемонии фашистской идеологии. Оба эти качества с разной степенью полноты проявились в Болгарии, пишет он, лишь в диктатуре второй половины 30-х годов. Поэтому режим 1923—1925 гг. «с трудом вписывается в наше представление о чисто фашистском режиме»¹⁰. Не останавливаясь детально на том, что тут, видимо, вкралась ошибка, поскольку мы нигде и никогда не характеризовали режим Цанкова и К° как «чисто фашистский», и что сама двучастность определения («военно-фашистский режим») говорит об относительности и частичности проявления в нем фашистских признаков, подчеркнем, что поиски двух указанных Вл. Мигевым черт применительно к середине 20-х годов находятся в противоречии с принципом историзма. В самом деле «тоталитаризм» и «гегемония фашистской идеологии» — это понятия, оперировать которыми, по нашему мнению, нецелесообразно, если иметь в виду

фашизм середины 20-х годов как международное явление. Фашистская идеология даже в таких крупнейших очагах фашизма, как Германия и Италия, находилась в это время лишь в процессе выработки и становления; сравнительно четкая ее кристаллизация, а уж тем более гегемония никак не могут быть отнесены к середине 20-х годов.

То же следует сказать о «тотальной организации населения». Даже в Италии, где курс на превращение государства в тоталитарное был взят раньше, чем в какой-либо другой стране, начало его относится специалистами лишь к 1926 г. И осуществлялся этот курс постепенно, шаг за шагом. Прошло несколько лет, прежде чем итальянское государство приобрело характер тоталитарного¹¹. Так что обе указанные Вл. Мигевым черты фашистского государства просто не могли проявиться в военно-фашистском режиме 1923—1925 гг. в Болгарии, поскольку они не были свойственными еще фашизму как международному явлению.

Принцип историзма и подхода к любому историческому феномену как к развивающемуся явлению требует при изучении фашизма выделения по крайней мере двух стадий — стадии раннего и стадии зрелого фашизма¹². Это позволяет проводить сравнительный анализ не вообще, а в исторически и хронологически сопоставимых рамках.

Так, горизонтальное сравнение военно-фашистского режима 1923—1925 гг. в Болгарии и государственности, сложившейся в Италии примерно в те же годы, проводимое с учетом особенностей ранней стадии фашизма в целом, показывает, что при всей несоизмеримости масштабов и интенсивности процессов в обеих странах основные тенденции их развития во многом были общими¹³. Такое сравнение подводит к выводу о том, что часть черт, связанных со спецификой проявления фашизма в Болгарии в 20-х годах, была обусловлена прежде всего незрелостью самого фашизма как международного явления, другая же часть — спецификой социально-экономического и политического развития страны.

Несмотря на неполноту проявления всех фашистских свойств в режиме 1923—1925 гг. в Болгарии, показательны сами тенденции к фашизации государственно-политического механизма; они оказывали большое влияние на ход событий в стране. Однако правительство Цанкова не смогло использовать своего 2,5-летнего пребывания у

власти для создания сильного фашистского государства, хотя реакционные силы стремились действовать именно в этом направлении. Режим оставался вершущим по своему характеру, добиться массовой опоры его руководители не смогли. В начале 1926 г. кабинет Цанкова пал. Тем самым силы, связанные с фашистским премьер-министром, потерпели крупное морально-политическое поражение. Причины этого лежали в сложном переплетении социально-экономических и политических факторов, причем последние играли очень большую роль, усугубляя действие первых. В итоге первый приступ фашизма в Болгарии был весьма ограниченным по своим результатам с точки зрения фашизации страны.

За годы деятельности правительства Цанкова в результате сложных внутренних процессов в лагере буржуазии и в военно-фашистской верхушке произошла перегруппировка сил; одним из ее результатов было распадение правящей верхушки на два центра: один — вокруг военного лидера генерала Вылкова, второй — вокруг фашистского политического лидера Цанкова. Единство политических и милитаристских элементов режима оказалось разрушенным, а перевес сил — на стороне военных. В последующие годы процесс брожения и размежевания в лагере реакции усилился, в 1929 г. он привел к распаду военного союза. Уход с главных ролей двух основных в 1923—1925 гг. фигур: Цанкова как руководителя фашистских политических кругов и Вылкова как руководителя милитаристских кругов — в условиях, когда массы не поддерживали фашистских руководителей, не мог не изменить характера режима в Болгарии в последующем. Очевидно, в дальнейшем режим теряет многие из черт, характеризовавших его как военно-фашистский, но точное соотношение сил на политической арене и другие факторы, определявшие его сущность, еще нуждаются в специальном исследовании.

Применительно к стадии зрелого фашизма режим в Болгарии характеризуется в литературе как монархо-фашистский. В целом история 30-х — начала 40-х годов исследуется значительно активнее и болгарскими и советскими учеными. В вышедших в последние годы работах В. Георгиева¹⁴, Ил. Димитрова¹⁵, Вл. Мигева¹⁶, В. Д. Вознесенского¹⁷, М. Д. Ерещенко¹⁸, В. Ф. Кадацкого¹⁹ освещаются различные аспекты развития фашизма в Болгарии. Все же в центре внимания почти всех

указанных авторов остаются главным образом перипетии политической борьбы; исследование болгарской разновидности фашизма на основе комплексного многопланового подхода к проблеме пока что остается делом будущего. Тем не менее уже введенный в научный оборот фактический материал позволяет высказать некоторые соображения относительно особенностей процесса фашизации государственной и общественной жизни Болгарии в 30-х годах.

Под действием мирового экономического кризиса 1929—1934 гг. в Болгарии, как и в других странах, усилился рост государственно-монополистического капитализма. Возросло вмешательство государства в экономическую сферу, усилилось сращивание государственного аппарата с монополиями.

Разорвавшиеся мелкие и средние хозяева, безработные и т. п. пополняли ряды деклассированных элементов. И рост государственно-монополистического капитализма, и расширение питательной базы фашизма за счет деклассированных элементов создавали благоприятные для активизации фашизма социально-экономические условия. Но наступление второй волны фашизма в Болгарии было связано не только с этими факторами. В большой мере оно явилось реакцией на растущее рабочее движение, новый подъем которого начался еще в конце 1928 г. Кульминация революционной борьбы болгарских трудящихся пришлась на 1931—1932 гг. В июне 1931 г. правящая реакционная партия «Демократический сговор», нередко прибегавшая в своей практике к использованию грубых фашистских методов управления, потерпела провал на выборах и была отстранена от власти. В сентябре 1932 г. коммунисты одержали победу на выборах в столичный муниципалитет. Власти аннулировали их мандаты.

Именно концом 20-х — началом 30-х годов датируется возникновение в стране множества откровенно фашистских организаций и групп. Самой крупной среди них было Национально-социальное движение (НСД), образовавшееся в 1932 г. под руководством уже зарекомендовавшего себя на фашистском поприще А. Цанкова. Согласно некоторым сведениям (точные данные отсутствуют), НСД к 1934 г. насчитывало свыше 100 тыс. человек²⁰. Никогда в Болгарии не было столь массовой фашистской партии. По сравнению с ушедшим в прошлое «Народным сговором» идейная оснастка НСД значительно «обогати-

лась», главным образом за счет «освоения» лозунгов и требований итальянских, а в еще большей мере — немецких фашистов.

Цанковцы рассчитывали прийти к власти путем организации похода на Софию. Однако их опередили заговорщики из тайного Военного союза, действовавшие совместно с членами политической группировки «Звено». И те и другие стремились покончить с буржуазно-демократическими порядками, установить в Болгарии военную диктатуру фашистского типа²¹. 19 мая 1934 г. силами тайного Военного союза в стране был произведен государственный переворот. Оценке его характера и деятельности нового правительства, возглавленного К. Георгиевым, была посвящена специальная дискуссия болгарских историков²². В ходе ее были высказаны различные суждения, но, согласно утвердившемуся мнению, режим 19 мая был фашистским по своему существу; его руководители распустили все партии, пытались создать болгарский вариант корпоративной системы, выступали защитниками идеи авторитарного государства, стояли на позициях антикоммунизма и антидемократизма. Однако удержать власть «деятели 19 мая» не смогли. Уже в 1935 г. инициативу у них перехватил царь Борис III, вставший на путь установления открытой монархо-фашистской диктатуры.

Такова канва событий, знаменующих наступление новой волны фашизма в Болгарии. Анализируя политические процессы, происходившие в стране в 1934—1936 гг., Вл. Мигев приходит к выводу, что в этот период имела место медленная фашизация без эксцессов. В качестве характерных черт он отмечает использование ряда лозунгов буржуазной демократии в фашистском контексте, сохранение традиционных форм буржуазного государства и постепенное наполнение их фашистским содержанием (что выразилось в изменениях в структуре полицейского и административного аппарата, в усилении централизации, в стремлении установить контроль за идеологической жизнью)²³.

Каковы же причины сравнительно медленных темпов фашизации Болгарии на данном этапе? Как нам представляется, в значительной степени это было обусловлено особенностями протекания экономического кризиса в стране. По сравнению с высокоразвитыми капиталистическими странами перепад высот здесь между уровнем производства периода частичной стабилизации капитализма

и периода экономического кризиса не был столь значительным. В ряде отраслей болгарской промышленности не только не произошло сокращения производства, но, наоборот, было отмечено его расширение²⁴. Падение национального дохода не достигало в Болгарии столь низких отметок, как в ряде других стран, а в 1931—1933 гг. национальный доход, наоборот, возрос, превывсив даже уровень 1927 г.²⁵ (правда, в 1934—1935 гг. было вновь зафиксировано его падение). Болгарская экономика не знала такого психологически сильно действующего фактора, как уничтожение запасов произведенной продукции. Несомненно, эти моменты смягчали восприятие кризисных явлений, что не могло не сказываться на темпах фашизации.

Вместе с тем после осени 1932 г. рабочее движение пошло на убыль. Это обуславливалось не только трудностями организации борьбы трудящихся, возросшими в условиях кризиса. С течением времени все более ощутимо стали сказываться последствия ошибочного курса руководства Болгарской коммунистической партии, оказавшегося в руках левых сектантов. Их деятельность вела к ослаблению связей партии с массами. В таких условиях рабочее движение не представляло реальной опасности для господствующего класса.

Что касается внешней политики, то выдвижение реваншистских и агрессивных внешнеполитических целей в те годы еще не могло стать центром общественной жизни, фактором, ускоряющим фашизацию страны.

Как нам представляется, именно этими объективными и субъективными причинами можно объяснить относительную слабость фашизма середины 30-х годов в Болгарии, в связи с чем наступление второй фашистской волны здесь не приобрело характера быстро развивающегося процесса.

Однако не следует преуменьшать значения самого этого процесса. В широком плане борьба в лагере буржуазии велась не просто за власть и привилегии для тех или иных политических сил и группировок. Это была борьба между сторонниками буржуазной демократии и сторонниками фашизма. Преобладание и победа последних определяла в конечном счете направление дальнейшего политического и государственного развития страны.

В диктатуре фашистского типа, утвердившейся в Болгарии в 1935 г., роль болгарского фюрера взял на себя

царь Борис. Он сосредоточил в своих руках все пути управления страной. Были запрещены все политические партии и организации вплоть до мелких политических групп и кружков. Беспартийный режим, в системе которого царь Борис выступал как воплощение единства нации и борец за национальные идеалы, сохранял свой верхушечный характер и не имел широкой массовой базы. Попытки укрепления режима шли по линии создания казенных профсоюзов (членство в которых было обязательным), учреждения государственного молодежного союза по фашистскому образцу и т. п. Главной же опорой монархо-фашистской власти была система репрессивных и карательных органов, направленная против рабочего и антифашистского движения.

Характерной чертой монархо-фашистской диктатуры в Болгарии было то, что в ней не произошло интеграции всех фашистских сил. Из множества фашистских групп и партий, возникших в начале 30-х годов, сформировались два главных течения. Одно из них условно можно назвать умеренным или консервативным; оно было представлено сравнительно узкой дворцовой группой во главе с царем Борисом, отдельными прослойками буржуазии, концентрировавшейся вокруг монарха и обеспечивавшей себе благодаря этому господствующие экономические и политические позиции. Второе течение можно назвать праворадикальным или экстремистским; представлено оно было вначале национально-социальным движением, а позже — в начале 40-х годов — ратниками и legionерами. С утверждением монархо-фашистской диктатуры это второе крыло стало играть роль оппозиции справа. Его лидеры прилагали отчаянные усилия, стремясь прийти к власти и установить в Болгарии режим, близкий к нацистскому²⁶.

Гитлеровцы в свою очередь проявляли повышенный интерес и к цанковцам, и к legionерам. Имеются данные о том, что в 1936 г. нацисты строили планы добиться коалиции между НСД Цанкова и правыми лидерами БЗНС — партии, располагавшей большим влиянием в крестьянстве, и привести эту коалицию к власти²⁷. Возникают вопросы: был ли провал планов ультрареакции результатом стечения только политических обстоятельств, тактики монарха, оказавшегося личностью более сильной, чем Цанков? Имеет ли веские основания существующая в литературе оценка болгарского царя как своего рода защит-

ника Болгарии от угрозы установления «истинно фашистского» режима? Поиски ответа на эти вопросы обнаруживают определенную историческую обусловленность того, что диктатура фашистского типа утвердилась в Болгарии именно в монархической форме.

Общая экономическая отсталость Болгарии предопределила экономическую и политическую слабость буржуазии, ее зависимость от государства, от государственной экономической политики. Покровительство буржуазии со стороны правительства, получаемое в течение десятилетий, способствовало созданию относительно сильных и прочных этатистских традиций. С развитием государственно-монополистического капитализма процесс сращивания финансовой олигархии с государственным аппаратом приобрел довольно интенсивные темпы, но при этом лицетворением государства, наиболее надежным защитником буржуазии оставался монарх. Монархизм сохранялся в качестве одного из принципов идеологии и политики болгарской буржуазии. Это мешало Цанкову завоевать поддержку сколько-нибудь значительной части финансовых магнатов, необходимую для прихода к власти. Для класса буржуазии в целом режим в форме диктатуры монарха психологически был более приемлем.

С установлением монархо-фашистской диктатуры царя Бориса государственно-монополистические процессы, получившие сильный импульс в годы мирового экономического кризиса, стали развиваться форсированными темпами. Постепенно государственное регулирование охватило все отрасли народного хозяйства и стало играть руководящую роль в экономической жизни. Регулирование осуществлялось в области внутренней и внешней торговли, промышленного и сельскохозяйственного производства, кредита, транспорта, страхования. В 1935 г. доля перераспределяемой государством части национального дохода составила 27,4%, в 1942 г. — 35,5% ²⁸, что свидетельствует о сравнительно высоком уровне развития государственно-монополистического капитализма в Болгарии ²⁹.

Государственно-монополистическая политика способствовала повышению экономической централизации государства, которая в свою очередь становилась базой для определенной политической централизации. При слабости массовой опоры монархо-фашистского режима в Болгарии и отсутствии прочной международной поддержки, при

замедленности темпов фашизации страны форсированному развитию государственно-монополистического капитализма, по-видимому, придавалась роль главного стабилизирующего фактора.

В целом монархо-фашизм в Болгарии можно охарактеризовать как специфическую форму фашизма, относительно умеренного по сравнению с нацистским вариантом, но, очевидно, с наибольшей полнотой отвечавшего в условиях страны объективным потребностям и интересам реакционной правящей фракции буржуазии.

Однако консолидация монархо-фашистского режима происходила с большими трудностями, особенно в первые годы его существования, когда режим находился в перманентно полукризисном состоянии. Его положение временами становилось очень неустойчивым, в частности в связи с развернувшимся движением за создание народного антифашистского фронта, возглавленным Болгарской коммунистической партией, которая после VII конгресса Коминтерна освободилась от левосектантского руководства и взяла курс на сплочение масс на демократической платформе. Нефашистская часть болгарской буржуазии, перейдя в оппозицию режиму, в свою очередь требовала восстановления конституции, буржуазно-демократических прав и свобод, правда, при этом она сохраняла верность монарху, боялась придания своему движению массового характера, страшилась союза с коммунистами.

Дальнейшая эволюция монархо-фашистского режима связана с поворотом в европейской политике, вызванным мюнхенскими событиями 1938 г. Постановка нацистской Германией в повестку дня планов реванша и пересмотра границ значительно активизировала в Болгарии, как и в других малых странах, монархо-фашистские и националистические круги. Экстремистские силы развернули проповедь гегемонии Болгарии на Балканском полуострове. Националистическим поветрием дала увлечь себя и буржуазная оппозиция, оторвавшаяся от почвы политического реализма³⁰. Так, впервые за весь послевоенный период фашистские силы Болгарии получили возможность переключить внимание общественности с внутренних проблем на внешние и тем самым существенно влиять на расстановку классовых и политических сил в стране. Лозунг единства нации и гармонии социальных интересов в его фашистской трактовке теперь приобретал действительное содержание: единство нации необходимо не вооб-

ще, а для достижения определенного внешнеполитического «национального идеала». Коренные перемены, произошедшие в 1938 г. на международной арене, послужили, таким образом, делу консолидации, укрепления монархо-фашистского режима в Болгарии, как, впрочем, и в ряде других стран³¹.

Дальнейшему усилению фашизации общественно-политической и государственной жизни Болгарии способствовали последующее ее сближение с гитлеровской Германией и вхождение в орбиту стран «оси». В годы второй мировой войны болгарская разновидность фашизма приобрела свои наиболее реакционные черты. Эволюция монархо-фашистского режима происходила как под действием внутренних факторов, так и под непосредственным влиянием и нажимом нацистской Германии. О необходимости учета обоих этих факторов и их разграничения свидетельствуют данные, уже введенные в научный оборот³². Положение Болгарии, выступавшей в фашистской коалиции в качестве сателлита, а не оккупированной страны, позволяло руководству монархо-фашистского режима сохранять некую долю самостоятельности, что выражалось в попытках балансирования в военно-политических отношениях с рейхом, находило свое отражение и в приемах внутреннего управления страной (упорное сопротивление наступлению лидеров фашистской оппозиции справа, действовавших под покровительством нацистов, сопротивление «разрешению» еврейского вопроса в Болгарии гитлеровскими методами и т. п.).

Эти вопросы, связанные с заключительной стадией развития монархо-фашистской диктатуры в Болгарии, нуждаются еще в дальнейшем тщательном и объективном исследовании.

¹ Галкин А. А. Социология неофашизма. М.: Наука, 1974, с. 66.

² В вышедшей в 1974 г. книге Ф. Бурлацкого и А. Галкина «Социология. Политика. Международные отношения» делается еще более общая попытка определить место режимов фашистского типа в типологии политических форм буржуазного государства в условиях государственно-монополистического капитализма. Опирируя материалом в широких географических и хронологических границах, авторы при классификации современных политических систем выделяют следующие основные группы буржуазных государств: а) фашистские, б) тоталитарные-полуфашистские, в) авторитарные, г) военные диктатуры, д) консервативные парламентские, е) буржуазно-демократические парламентские (с. 184).

³ История фашизма в Западной Европе. М.: Наука, 1978, с. 606.

- ⁴ В «Истории фашизма в Западной Европе» о «военном фашизме», под которым имеются в виду чилийский и греческий варианты реакционной диктатуры, говорится как о «новом типе фашизма», порождаемом современностью (см. с 607). Но этот тип совсем не нов, военно-фашистские и монархо-фашистские режимы уже имели место в межвоенное двадцатилетие в странах Юго-Восточной Европы, и они прошли определенный путь развития.
- ⁵ История фашизма..., с. 606.
- ⁶ Actes du premier congrès international des études Balkaniques et Sud-Est Européennes. Sofia: Editions de l'Académie Bulgare des sciences, 1970, t. V. Histoire, p. 229.
- ⁷ История Болгарии. М.: Изд-во АН СССР, 1955, т. II.
- ⁸ См.: *Гришина Р. П.* Возникновение фашизма в Болгарии. 1919—1925 гг. София: Изд-во на БАН, 1976; *Радупов Ст.* Народният съговор и генезисът на българския фашизъм (1921—1923).— Известия на Института по история на БКП, София, 1977, т. 34; *Он же.* Създаването на Демократическия съговор.— Научни трудове Академии на обществените науки и социално управление при ЦК на БКП. Серия история, София, 1974, т. 64; *Он же.* Демократическият съговор по време на цанковия режим (1923—1925).— Там же, 1976, т. 79.
- ⁹ *Димитров Г.* Съчинения. София: Изд-во на БКП, 1953, т. 7, с. 292.
- ¹⁰ Исторически преглед, 1978, № 1, с. 107.
- ¹¹ История фашизма..., с. 75—81.
- ¹² В литературе общего плана обычно говорится о волнах наступления фашизма. Это положение верно само по себе, но, на наш взгляд, недостаточно для того, чтобы отразить процесс последовательного накопления признаков фашизма, формирования его качеств не вообще, а применительно к данной стадии развития фашизма как международного явления. Что касается раннего фашизма, историки лишь в самое последнее время стали использовать это понятие, указывая на необходимость специального изучения его содержания. Так, исследователь германского фашизма Л. И. Гинцберг, отмечая, что работ, посвященных первому десятилетию после возникновения фашизма в Германии, еще очень немного, пишет: «Между тем знакомство с ранним фашизмом позволяет разглядеть истоки многих явлений, в полной мере развернувшихся лишь в поздние годы» (*Гинцберг Л. И.* Рабочее и коммунистическое движение Германии в борьбе против фашизма. 1919—1923 гг. М.: Наука, 1978, с. 8—9). Этому он и посвящает значительную часть своей монографии. В этой связи следует отметить также книгу А. С. Бланка «Из истории раннего фашизма в Германии. Организация, идеология, методы» (М.: Наука, 1978), само название которой отвечает более точной постановке проблемы.
- ¹³ Подробнее см.: *Гришина Р. П.* Опыт исторического сопоставления режимов фашистского типа ранней стадии развития фашизма (на примере Болгарии, Венгрии, Испании и Италии начала — середины 20-х годов).— Etudes Balkaniques. Sofia: Académie bulgare des sciences, 1975 N 1.
- ¹⁴ *Георгиев В.* Буржоазните и дребнобуржоазните партии в България. 1934—1939. София: Наука и изкуство, 1971.
- ¹⁵ *Димитров И.* Българската демократична общественост, фашизмът и войната. 1934—1939. София: Изд-во на ОФ, 1976.

- ¹⁶ *Мигев Вл.* Утвърждаване на монархо-фашистката диктатура в България. 1934—1936. София: Изд-во на БАН, 1977.
- ¹⁷ *Вознесенский В. Д.* Царь Борис, Гитлер и легионеры.— Новая и новейшая история, 1971, № 1, 2.
- ¹⁸ *Ерещенко М. Д.* К вопросу о специфике монархо-фашистских режимов в Болгарии и Румынии накануне второй мировой войны.— Советское славяноведение, 1977, № 6.
- ¹⁹ *Кадацкий В. Ф.* Антифашистская борьба демократических сил Болгарии. Май 1934—май 1936.— Советское славяноведение, 1978, № 2.
- ²⁰ *Мигев Вл.* Указ. соч., с. 34.
- ²¹ *Георгиев В.* Указ. соч., с. 60.
- ²² Дискуссия была организована в 1968 г. Материалы ее опубликованы в кн.: Известия на Института по история на БКП. София: Изд-во на БКП, 1969. Т. 21.
- ²³ *Мигев Вл.* Указ. соч. с. 182—183.
- ²⁴ *Василев В.* Подемът на антифашистското движение в България по време на световната икономическа криза от 1929—1933 гг. Фактори, дълбочина и етапи.— Известия на Българското историческо дружество, София, 1972, кн. XXVIII, с. 203—204; Икономиката на България до социалистическата революция. София: Наука и изкуство, 1969, с. 540.
- ²⁵ 100 години българска икономика. София: Наука и изкуство, 1978, с. 258—259.
- ²⁶ Характерно, что наличие двух подобных фашистских течений и борьбу между ними можно наблюдать и на примере Венгрии и Румынии. В этих странах крайне реакционные экстремистские течения, так же как в Болгарии, играли роль оппозиции справа и пользовались поддержкой нацистской Германии.
- ²⁷ См.: *Кадацкий В. Ф.* К вопросу о роли нацистской Германии в развитии фашистского движения в Болгарии.— In: *Sborník k problematice dějin imperialismu*. Praha, 1978, Sv. 5, Díl 2.
- ²⁸ *Цонев Ст.* Държавно-монополистическият капитализъм в България. Варна: Държавно издателство, 1968, с. 119.
- ²⁹ Для сравнения приведем данные, касающиеся Англии; после первой мировой войны через государственный бюджет этой страны перераспределялось 25% национального дохода, после второй мировой войны — до 33—40% (Государственно-монополистический капитализм. Общие черты и особенности. М.: Политиздат, 1975, с. 46—47).
- ³⁰ *Георгиев В.* Указ. соч., с. 442.
- ³¹ Подробнее см.: *Волков В. К.* Мюнхенский сговор и балканские страны. М.: Наука, 1978.
- ³² См., например: *Тошкова В.* България и третият райх. 1941—1944. Политически отношения. София: Наука и изкуство, 1975, с. 230—232; *Вознесенский В. Д.* Указ. соч.— Новая и новейшая история, 1971, № 2, с. 90—96.

СОЗДАНИЕ И СУЩНОСТЬ АНТИНАРОДНОЙ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ВЕНГРИИ В 20-х ГОДАХ

После разгрома Венгерской Советской Республики в 1919 г. силами внешней и внутренней реакции в Венгрии было установлено антинародное, контрреволюционное правление. Правительство графа Иштвана Бетлена, пришедшее к власти 14 апреля 1921 г., ввело парламентскую форму правления, которая существенно отличалась от жесткого политического курса прежних кабинетов, но на деле также являлась диктатурой буржуазии и помещиков. Это было обусловлено положением в стране и внешними обстоятельствами. Прежние кабинеты, проводя политику террора в отношении революционного движения и угодничая перед западными державами, дискредитировали себя в глазах народных масс. Система правления, существовавшая в стране с августа 1919 г. до апреля 1921 г., вызывала недовольство у части венгерских имущих классов и у западных государств. После происшедшей социалистической революции буржуазия и помещики не могли восстановить свое господство в прежнем, дореволюционном виде. Хотя Венгрия формально оставалась королевством, основная часть буржуазии не желала восстановления власти правившей ранее династии. Не желали этого и западные державы. Опасаясь, чтобы не повторился 1919 год, имущие классы рассчитывали сохранить и упрочить свое господство посредством некоторого смягчения диктаторского режима, частичной либерализации политического строя. В этом были заинтересованы и западные державы, стремившиеся превратить Венгрию в «санитарный кордон», преграждающий путь распространению социализма.

Расстановка политических сил в Венгрии в начале 20-х годов складывалась следующим образом. Правее И. Бетлена и консервативного крыла буржуазии находилась реакционная группа Д. Гёмбёша — Т. Экхардта — Ш. Козмы. Она выступала за установление диктаторской формы правления с применением средств и методов фашистского характера. Особую политическую силу пред-

ставляли легитимисты, мечтавшие о восстановлении прежней королевской власти. Левее бетленовских консерваторов стояла либеральная буржуазия, считавшая необходимым смягчение контрреволюционного режима (слева к ней примыкала социал-демократия). Либеральная буржуазия и социал-демократы возражали против диктаторских форм управления, осуждали средства и методы правления, пропагандируемые ультраправыми профашистскими группами типа группы Д. Гёмбёша. Коммунисты и левые силы социалистического движения, объявленные фактически вне закона, не могли участвовать в легальной политической жизни страны.

Опыт прежних правительств показал, что ни одна группа господствующих классов, ни одна политическая партия буржуазии не были способны самостоятельно править страной. И хотя, казалось бы, общность интересов буржуазии должна была сближать ее различные слои, правительству Бетлена пришлось приложить немало усилий, чтобы объединить ее различные слои и политические течения в интересах консолидации либерализуемого режима. В значительной мере ему удалось сделать это.

В политических расчетах Бетлена по созданию социальной опоры для своего правительства важное место занимали средние слои общества, и прежде всего среднее дворянство и хортистское офицерство (на них он всегда мог опереться в борьбе против левых революционных и даже либеральных сил). Большое значение он придавал также привлечению на свою сторону зажиточного крестьянства.

Самую значительную политическую организацию средних слоев, представляющую интересы зажиточного крестьянства и помещиков,— Партию мелких сельских хозяев (возглавляемую И. Сабо-Надьатади) ему удалось подчинить себе и на ее базе создать в 1922 г. правительственную Партию единства. Так был создан своеобразный, хотя внутренне весьма противоречивый «брачный союз» представителей высшего политического руководства, крупного капитала, помещиков и кулачества.

В Партии единства, представлявшей собой конгломерат различных элементов, в начале ее существования, по свидетельству прессы того времени, И. Бетлену приходилось держаться средней линии, так как «противоречия между этими разнообразными элементами все обострялись и неоднократно грозили подорвать единство

правительственной партии»¹. Со временем, однако, эти противоречия постепенно сглаживались и правительственная партия оказалась способной сплотить силы эксплуататорских классов в интересах укрепления антинародного режима.

Либеральная буржуазия и интеллигенция, получив доступ в парламент и некоторые льготы, перешли на позицию лояльной оппозиции к правительству. Хотя «оппозиционность» либеральной буржуазии была весьма ограниченной и не шла дальше, чем хотело правительство, это создавало видимость парламентского правления и в конечном итоге обеспечивало поддержку правительству со стороны мелкобуржуазных кругов.

В интересах нейтрализации крестьянства и укрепления своего влияния в деревне правительство объявило о продолжении аграрной реформы, начатой еще в 1920 г. Хотя реформа не была радикальной — часть земли, подлежащей разделу, в подавляющем большинстве за значительный выкуп попала в руки активных сторонников хортистского режима, чиновников и государственных служащих и лишь меньшую часть (в виде мелких земельных участков или приусадебных наделов) получили крестьяне, — она все же сыграла определенную роль в стабилизации политической власти буржуазии².

Реформистские лидеры социал-демократии сами пошли на сговор с правительством И. Бетлена, подписав с ним позорный пакт о сотрудничестве³. На основании этого пакта социал-демократическая партия в лице ее правых лидеров отказалась от проведения и поддержки политических стачек рабочего класса, от своих интернациональных связей и от организации крестьянского движения. Взамен этому социал-демократы получили от правительства гарантию легальной деятельности и возможность участия в политической жизни в качестве парламентской партии. Руководство социал-демократической партии, таким образом, солидаризировалось с контрреволюционным режимом.

По отношению к пролетариату правительство проводило политику «твердой руки», используя методы запугивания и подкупа реформистских руководителей социал-демократии. В его планах особое место занимала проблема — не допустить объединения политических сил рабочего класса и крестьянства. Оно оставило в силе закон «О защите общественного порядка» (1921 г.), который под

страхом тюремного заключения запрещал деятельность всех левых социалистических сил и революционных организаций в Венгрии⁴.

Небольшие ультраправые группы, поднявшиеся вверх на волне белого террора в ходе и после разгрома Венгерской коммуны и стремившиеся к установлению открытого диктаторского правления, были оттеснены на задворки политической жизни. Программы и деятельность этих экстремистских групп, содержавшие профашистские, антисемитские, в целом ультраправые тенденции, препятствовали консолидации режима. Кроме того, их шовинистическая пропаганда угрожала Трианонскому миру и вызывала осуждение в ряде зарубежных стран.

В политическом строе, сложившемся в начале 20-х годов, гражданские и политические права были, безусловно, шире, чем до этого, но по сравнению с 1919 г. и предшествовавшим ему периодом оказались значительно урезанными. Избирательная система, введенная правительством И. Бетлена, исходила из интересов имущих классов. Расширив по сравнению с довоенным периодом число граждан, имевших право голоса, предоставив части женщин право участвовать в выборах, правительство получило определенную базу среди мелкобуржуазных элементов. Вместе с тем формальное расширение круга избирателей не всегда соответствовало реальному росту их числа. Во время выборов в парламент в 1922 и 1926 гг. число лиц, имевших право голоса, в результате высокого имущественного ценза, ценза оседлости и других ограничений значительно сокращалось⁵ (уже не говоря о его сокращении по сравнению с выборами 1919 г.). Кроме того, выборы, за исключением нескольких избирательных округов, проходили в основном открытым голосованием, что всегда обеспечивало правительственной партии большинство в парламенте.

Созданная И. Бетленом структура политического устройства Венгрии была королевством без короля с многопартийной парламентской системой. На вершине пирамиды политической власти стоял регент Миклош Хорти, пользовавшийся очень широкими, почти королевскими полномочиями и правами (командование армией, контроль над парламентом, его мнение было решающим и в других важных политических вопросах, в том числе в выборе кандидатуры премьер-министра и т. д.).

Парламент, находившийся на втором месте вслед за регентом в структуре политического управления, был однопалатным до 1926 г., когда правительство И. Бетлена возродило верхнюю палату старого типа — палату магнатов. В этой палате с 1927 г. стали заседать аристократы и высшие чиновники, которые частично назначались регентом, частично избирались аристократическими семьями. Им принадлежало и последнее слово во всех вопросах, обсуждавшихся в парламенте. Возрождением верхней палаты парламента правительство И. Бетлена завершило создание политического режима, обеспечивавшего на протяжении всего межвоенного периода власть буржуазии и помещиков над трудящимися массами страны.

Парламентаризм в Венгрии на деле так же, как и ряд других атрибутов режима, являлся в значительной степени формальным компонентом политической власти, а ее демократизм — кажущимся.

Итак, в 20-х годах при правительстве И. Бетлена была создана новая политическая структура межвоенной Венгрии со всеми ее институтами власти, лжепарламентаризмом, антирабочими законами и налоговым аппаратом, гарантировавшими господство буржуазии и помещиков над трудящимися. Господствующие классы в интересах стабилизации режима вынуждены были отказаться от методов правления, применявшихся в период белого террора, при этом, однако, использовались подобные или другие методы в борьбе против революционных сил. В некоторой степени были изолированы ультраправые группировки и реакционное офицерство, хотя и они принимались в расчет в борьбе против левых сил. В определенной мере расширялись гражданские права и политические свободы, но вместе с тем определялись и строгие, довольно узкие рамки оппозиционности. Таким образом, политический режим, получивший наименование хортистского, в эти годы являлся несколько прикрытой диктатурой буржуазии и помещиков.

¹ Архив рукописных и печатных фондов Института истории СССР АН СССР, ф. Д-18, 1924 г., папка № 8, Сообщение ИноРОСТА от 4.XII 1924 г.

² *Kerék Mihály. A magyar föld. Budapest, 1941; A magyar mezőgazdaság a XIX—XX. században (1849—1949). Budapest: Akadémiai Kiadó, 1976, 282—283. old.*

³ См.: *Peru L. Пакт Бетлена-Пейера. — Acta Historica, Budapest: Akadémiai Kiadó, 1951, t. 1.*

⁴ *Magyar Törvénytár, 1921. évi törvénycikkek. Budapest, 1922, 8—11. old.*

⁵ Iratok az ellenforradalom történetéhez. Budapest, 1956, II. köt., 266—267. old.; Szocializmus, 1927, 1. sz. 2. old.; Az ellenforradalmi rendszer gazdasági helyzete és politikája Magyarországon 1924—1926. Budapest, 1959, III. köt., 121. old.

И. В. МИХУТИНА

РЕЖИМ «САНАЦИИ» В ПОЛЬШЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДЯЩИХСЯ (1926—1930 гг.)

В социально-политическом развитии стран Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенное двадцатилетие проявилось значительное своеобразие, которое, как представляется, делает оправданным изучение форм буржуазной государственности в этом регионе отдельно от западноевропейских форм и рассмотрение различных аспектов их функционирования.

По мере формирования основных классов и социальных слоев буржуазного общества, роста классового сознания эксплуатируемых масс, выраженного в организованном рабочем движении, а в странах с незавершенными капиталистическими преобразованиями в деревне — и в крестьянском движении, перед буржуазным государством встала проблема отношения к революционным и демократическим организациям рабочего класса и крестьянства.

Либеральное государство, основанное на принципах буржуазной демократии, решало ее путем формального признания независимости от него политических, профессиональных и общественных организаций рабочих и крестьян и широких социальных маневров, дающих трудящимся ряд законодательно установленных прав.

Иначе решалась эта проблема в фашистских государствах межвоенного периода, которые стремились к прямому всеохватывающему подчинению и управлению трудящимися из единого фашистского центра. Фашизм возник как антипод организованного на классовой основе рабочего движения и в борьбе за власть направил против него свой главный удар. Овладев государственным управлением, фашизм брал курс на создание однопартийной фашистской системы, с особой яростью обрушиваясь на те нефашистские массовые партии, которые имели свою опору в трудящихся. На месте разрушенных организаций

нефашистской ориентации он создавал новые организационные центры, задачей которых было объединение трудящихся на платформе фашистской идеологии и прямое управление ими со стороны государства.

Что касается стран Центральной и Юго-Восточной Европы, в большинстве из которых ни один из названных вариантов не был представлен в чистом виде, то изучение социально-политической практики этих государств позволит точнее определить характер господствовавших там реакционных диктатур. В настоящем сообщении делается попытка рассмотреть проблему отношения так называемого санационного государства в Польше в начальный период его существования к организациям рабочего класса и крестьянства.

После первой мировой войны и социалистической революции в России Польша обрела национальную независимость в форме буржуазно-демократической республики со значительным объемом политических свобод и относительно развитой системой трудового и социального законодательства. Однако расстановка социальных и политических сил в республике не соответствовала традиционной схеме становления либерального государства. Здесь оно стало формироваться в период, когда рабочий класс уже имел собственные профессиональные и политические организации. Марксистская часть рабочего движения выступала с антикапиталистических позиций. Реформистское течение, представленное прежде всего Польской социалистической партией (ППС), считало парламентарно-демократическое устройство оптимальной государственной формой, в рамках которой предполагалось осуществление стратегических целей. В Польше, как и в других странах Центральной и Юго-Восточной Европы, крестьянство, составлявшее преобладающую массу населения, политически обособливалось, образуя собственные партии. Крестьянские партии, мелкобуржуазные по характеру, специфически выражали потребность в ликвидации значительных остатков докапиталистических социально-экономических структур. Полагая, что буржуазно-демократические институты обеспечат крестьянству политическую роль, пропорциональную его численности среди населения, крестьянские партии были поборниками парламентаризма и буржуазной демократии.

Далеко зашедший процесс политической дифференциации трудящихся в буржуазном обществе, выражением

чего была деятельность самостоятельных рабочих и крестьянских партий, сочетался в Польше с относительно низким уровнем политической активности масс в целом. По данным польских исследователей, не более 1—2% рабочих непосредственно участвовали в партийно-политической деятельности. В профсоюзах, как правило, четко определявших свою политическую ориентацию, даже в периоды наивысшего подъема профессионального движения объединялось 35—40% всех рабочих. Крестьянское движение, руководимое первоначально несколькими партиями, которые в дальнейшем объединились в Стронництво людове (СЛ), на протяжении 20-х годов не располагало на выборах количеством голосов, соответствующим половине крестьянского населения¹. Из этого следовало, что значительная часть трудящихся была политически пассивна или находилась под влиянием буржуазных партий, благодаря чему последние имели большинство в парламенте.

Польская буржуазия ко времени восстановления государственности была в массе реакционна и стремилась к компромиссу с помещичье-консервативными кругами. Буржуазно-демократическая республика, которая должна была хотя бы формально признать политическое равноправие рабочих и крестьян и в какой-то мере считаться с интересами трудящихся, выглядела в глазах буржуазии отнюдь не идеалом государственного устройства, а наименьшим, с ее точки зрения, злом в сравнении с перспективой социальной революции, пример которой в соседней России стал важным фактором внутривосточной жизни Польши. На отсутствие демократических сил в среде буржуазии обращал внимание один из основателей Коммунистической партии Польши А. Варский. В статье «Демократия, „смирно“»², получившей широкий отклик после ее опубликования в июне 1922 г., он показал, что различные буржуазные политические группировки лицемерно обращались к категориям демократии, когда это было выгодно им в конкурентной борьбе за монополию власти. В действительности же, как отмечал А. Варский, демократические цели были глубоко чужды не только группировке националистов (эндеков), открыто представлявшей крупный капитал, находясь на правом фланге буржуазного политического фронта, но и группировке, возглавлявшейся Ю. Пилсудским. Последний использовал свои связи с левыми парламентскими партиями,

опиравшимися на платформу буржуазной демократии, и прежде всего с ППС и Польским стропництвом людowym (ПСЛ) «Вызволене», для того чтобы ослабить влияние эндеков и самому выступить в качестве главного политического представителя имущих классов Польши. А. Варский подчеркивал, что на посту главы государства (Naczelnik Państwa) — такая должность существовала до проведения согласно конституции в декабре 1922 г. выборов президента — Ю. Пилсудский наглядно обнаружил свое стремление к установлению «сильной власти» и возвышению над законодательными органами. Таким образом, проблема ограничения буржуазной демократии довольно рано назрела для имущих классов Польши в целом и была разрешена с помощью совершенного Ю. Пилсудским в 1926 г. государственного переворота, означавшего резкое усиление внепарламентских, а точнее надпарламентских, форм правления.

Однако антипарламентаризм сам по себе, по-видимому, не исчерпывает признаков фашизма. «Фашизм, — подчеркивал, например, П. Тольятти в 1935 г., — не означает лишь борьбу против буржуазной демократии, и мы не можем применять это выражение только тогда, когда налицо борьба именно такого рода. Мы должны употреблять его исключительно в тех случаях, когда борьба против рабочего класса развертывается на новой массовой базе мелкобуржуазного характера»³. Ю. Пилсудский же, хотя и стремился всегда действовать в моменты обострения классовых и социальных противоречий на благоприятном ему фоне общественного возбуждения⁴, очевидно, не замыслил такой глубокой перестройки в организации «низов» буржуазного общества, которая была характерна для фашизма и требовала мобилизации масс на специфически подготовленной реакционной платформе.

Целью Ю. Пилсудского, как свидетельствует пропагандистская деятельность его группировки до переворота, было внести такие коррективы в конституционно-парламентскую систему, которые обеспечили бы ему полноту власти. В пропаганде пилсудчиков в тот период центральное место занимали критика политического механизма парламентской системы и демагогия нравственно-этического характера, обращенная против принципа суверенности сейма и его партийного состава. Ю. Пилсудский, например, в своих публичных заявлениях в связи с отставкой в конце апреля 1926 г. очередного прави-

тельства и трудностями формирования нового кабинета охарактеризовал создавшееся положение как кризис парламентаризма, заключавшийся, по его мнению, в будто бы чрезмерной зависимости правительства от сейма. Он показал тогда, что стремится к личной власти, условием чего считает ограничение роли такого важного института буржуазной демократии, как парламент. «Власть должна осуществляться индивидуально и формироваться под углом зрения индивидуальности ее исполнителей,— формулировал Ю. Пилсудский свою альтернативу парламентаризму.— Попытки управления с помощью, допустим, 444 депутатов сейма и 111 сенаторов ведут к нежелательным целям»⁵.

В направлении свертывания демократии шла и эндековская группировка. Ей сначала удалось в конституционных рамках оттеснить Ю. Пилсудского от власти. Но после провала в конце 1923 г. коалиции ее с партиями центра антипарламентаризм занял заметное место в политических концепциях эндеков⁶. Поэтому задача переворота приняла для Ю. Пилсудского как бы личный характер: опередить влиятельных политических соперников из лагеря буржуазии в осуществлении общего для обеих группировок стремления усилить исполнительную власть за счет законодательной. Для проведения переворота пилсудчики не создали организованной опоры в массах, питаемой их собственными идеями и политическими лозунгами. В отличие от итальянских фашистов и гитлеровцев они не обращались для привлечения на свою сторону масс к демагогической критике капитализма и не соблазняли их посулами ликвидации социальной несправедливости. Точка зрения Ю. Пилсудского в вопросах социально-экономической политики не только по своему глубинному классовому содержанию, но и тактически мало чем отличалась от позиции эндеков. Эндеки в конституционном правительстве официально выдвинули программу борьбы с экономическими трудностями, которая вызвала глубокое возмущение трудящихся и привела к правительственному кризису, стимулировавшему в конечном счете пилсудчиковский переворот. Они предлагали увеличить все налоги, за исключением налога на собственность, снизить заработную плату служащих, ограничить действие закона о пенсиях и обеспечение инвалидов войны, а также лишить работы более 20 тыс. железнодорожников⁷. Но и Ю. Пилсудский решал вопрос о том, на

какие слои взвалить бремя экономического кризиса, с такой же прямолинейной однозначностью. В своих секретных до захвата власти контактах с представителями имущих классов, он, по свидетельству одного из собеседников из этого круга, «прямо говорил, что аграрная реформа в том виде, как она была принята, не может быть выполнена, что должен быть ликвидирован 8-часовой рабочий день и сокращены так называемые социальные завоевания, т. е. различные социальные выплаты, иначе придет в упадок все промышленное и сельскохозяйственное производство»⁸.

Понятно, что открытое изложение этих взглядов могло только скомпрометировать Ю. Пилсудского в глазах его сторонников слева, поэтому пропаганда пилсудчиков до прихода их к власти не касалась вопросов социально-экономической политики ни в целях критики политических соперников, ни тем более в плане формулировки собственной программы. Такая тактика позволила заговорщикам действовать на волне широкого возмущения масс, протестовавших против ужесточения курса вновь сформированного в мае 1926 г. правительства коалиции правых и центра и получить поддержку левых сил, продолжавших ошибочно считать Ю. Пилсудского из-за его непримиримости к традиционно правым кругам защитником демократии. Благодаря этому победа пилсудчиков не потребовала от них тех усилий, которые приложили, например, итальянские фашисты и нацисты в Германии для создания собственных массовых партий, глубокой идеологической и организационной обработки «низов» буржуазного общества, чтобы сделать немалую часть их орудием своей реакционной политики. Трудящиеся же, которые в момент переворота поддержали Ю. Пилсудского, в конечном счете не составляли массовой базы его группировки. Они выступали не прямо под его пропитанными духом антипарламентаризма знаменами, а по призыву своих организационно независимых от пилсудчиков партий и профсоюзов, которые при сложившемся в Польше соотношении социально-политических сил проявляли как раз наибольшую заинтересованность в сохранении и развитии институтов буржуазной демократии. Поэтому поддержка ими Ю. Пилсудского, основанная даже не на частичном, тактическом совпадении интересов, а на ошибочной оценке его целей, не могла быть прочной и продолжительной.

Представляется, что отсутствие у пилсудчиков партии,

способной мобилизовать широкие «низы» на своей собственной реакционной платформе, является весьма существенным отличием антидемократического переворота в Польше от вариантов установления фашистской диктатуры в Италии и Германии, ибо в дальнейшем ограниченность массовой базы, расширить которую — и тем самым гарантировать подчинение своему контролю всей политической системы — группировке Ю. Пилсудского не удалось без такого важного идейно-организационного инструмента, как партия фашистского типа.

С приходом к власти Ю. Пилсудскому не было нужды скрывать свою социально-политическую ориентацию. Наоборот, чтобы завоевать доверие традиционно консервативных имущих классов, настороженных активностью трудящихся масс и левых партий в период майских событий, он после переворота поспешил обозначить дистанцию между популярной в те дни радикальной фразеологией и подлинным смыслом событий, назвав их «революцией без каких бы то ни было революционных последствий»; в ряде других высказываний он дал понять, что не видит необходимости в проведении прогрессивных социально-экономических преобразований⁹.

Для революционного авангарда рабочего класса это означало конец иллюзий относительно мелкобуржуазного и демократического характера переворота. Компартия, которая уже в начале майских событий подчеркивала несовпадение целей трудящихся в их выступлении против эндековской реакции с целями заговорщиков, заявила теперь в связи с выборами президента 31 мая 1926 г., что видит в Ю. Пилсудском «представителя капиталистов, банкиров, землевладельцев и фашистов, так как он обещал им правление, обеспечивающее их господство, правление, направленное против рабочих и крестьян»¹⁰. В постановлении ЦК КПП от 12 июня 1926 г. содержался призыв к борьбе за свержение диктатуры Ю. Пилсудского, за создание рабоче-крестьянского правительства¹¹.

Таким образом, режиму «санации», сложившемуся после переворота, с самого начала противостоял революционный авангард рабочего класса. Революционная пролетарская партия, возникшая в стране, имущие классы которой в свое время избрали парламентарно-демократическую систему как наименьшее для них зло в сравнении с перспективой социальной революции, почти с первых дней существования оказалась в условиях, резко ограни-

чивавших ее нормальную деятельность. Реакционность имущих классов, малый исторический опыт буржуазно-демократической практики и влияние традиций насильственных политических действий, присущих реакционным монархиям, господствовавшим над Польшей в период ее разделов, способствовали тому, что репрессии, чинимые правительствами восстановленного государства в обход конституции, сделали возможной только подпольную деятельность компартии.

«Санация» унаследовала у предмайских правительств практику административных преследований и судебных расправ над коммунистами и их сторонниками. И, видимо, такая преемственность в методах подавления революционной борьбы послужила одной из причин того, что наиболее политически развитая часть трудящихся очень скоро глубоко разочаровалась в результатах переворота, несмотря на то что улучшение экономической конъюнктуры в первые годы режима смягчило материальную нужду масс. Это разочарование в «санации» и в еще не порвавших с ней окончательно ППС и крестьянских партиях обернулось внушительным ростом влияния КПП. Конечно, в условиях подполья партия оставалась кадровой и ее политическую роль невозможно правильно представить, опираясь только на численный состав — в 1926—1928 гг. она насчитывала около 6 тыс. членов¹². 5 тыс. членов объединял в 1928 г. Союз коммунистической молодежи Польши¹³.

Одним из показателей радикализации трудящихся в революционном духе была высокая активность во второй половине 20-х годов массовых легальных рабочих, крестьянских и национально-освободительных организаций, идейно близких и связанных в практической работе с КПП. В рабочей среде это была ППС-левица, образованная в июне 1926 г. в результате выхода оппозиционных деятелей из нескольких местных организаций ППС. ППС-левица выдвигала лозунг социалистической Польши, призывала к борьбе за удовлетворение экономических требований рабочих, за землю крестьянам без выкупа, за свободу партий и организаций трудящихся, отстаивала право наций на самоопределение¹⁴. ППС-левица, будучи легальной партией, в контакте с КПП развернула массовую политическую деятельность и участвовала в организации экономической борьбы пролетариата. Она насчитывала 8 тыс. активных членов при 12—18 тыс. зарегистрирован-

ных. Наряду с выходцами из реформистской ППС и активистами КПП, использовавшими возможность легальной работы, ряды ППС-левицы пополнялись за счет беспартийных рабочих. Под ее преимущественным влиянием находился отраслевой Профсоюз рабочих химической промышленности¹⁵.

На путь решительной борьбы против диктатуры «санаии» вскоре после переворота встала Независимая крестьянская партия, объединявшая революционно настроенных польских крестьян и сотрудничавшая с белорусским и украинским национально-освободительным движением. В программе, принятой в 1925 г., партия заявляла, что «стоит на почве независимости Польского государства и действует всеми легальными, соответствующими конституции средствами». Ее программной целью было создание «крестьянско-рабочего правительства, которое объявит решительную борьбу помещикам и буржуазии, полностью лишит помещиков собственности на землю без выкупа и переложит все налоговые тяготы на эксплуататорские классы». Партия считала организации рабочего класса «естественным союзником крестьянства против помещиков и буржуазии» и выступала за рабоче-крестьянский союз¹⁶. Оппозиционность и революционный характер партии, интенсивный рост рядов уже после переворота (до 30 тыс. членов), поддержка крестьянством, несмотря на административные преследования, полицейский террор и враждебность правых и умеренных партий, сделали ее легальное существование опасным для правительства. По оценке ПСЛ— «Вызволене» и СХ, соперничавших с Независимой крестьянской партией за влияние в деревне, в условиях легальности на выборах местного самоуправления 1927 г. последняя могла бы получить в центральных воеводствах до 50% мандатов. В правительственных кругах считали, что при равных условиях на выборах с другими партиями она могла бы претендовать в сейме на 60 мест¹⁷. В марте 1927 г. Независимая крестьянская партия после ряда полицейских провокаций была запрещена.

Одновременно подобная же расправа была учинена над другой революционной организацией — Белорусской крестьянско-рабочей громадой, которая выступала под знаменем борьбы за национальное и социальное освобождение белорусских трудящихся в союзе с польским рабочим классом и крестьянством¹⁸ и отличалась стреми-

тельным ростом своих рядов: к началу 1927 г. в течение неполного года она объединила около 100 тыс. человек¹⁹. Деятельность громады оказала глубокое влияние на массы белорусского крестьянства, значительная часть которого и после запрета этой организации при выборах в сейм отдала свои голоса кандидатам, отстаивавшим ее революционно-демократическую программу.

В 1928—1931 гг. организатором крестьянских масс в центральных и восточных воеводствах Польши на платформе свержения правительства помещиков и капиталистов, за союз с рабочим классом выступала партия Левое крестьянское объединение «Самопомощь». Она образовалась из левых, недовольных умеренной политикой руководства групп партии Стронництво хлопске (СХ) при поддержке КПП и деятелей запрещенной Независимой крестьянской партии и насчитывала, несмотря на административный и полицейский террор, которому подвергались не только активисты, но и рядовые члены этой партии, 10 тыс. членов²⁰.

На западноукраинских землях в сотрудничестве с коммунистами легально действовала до 1932 г. революционно-демократическая национально-освободительная организация Украинское рабоче-крестьянское объединение «Сельроб», влияние которого, весьма значительное на Волыни, ослаблялось внутренней борьбой и расколом²¹.

Впечатляющим свидетельством политической зрелости трудящихся были достижения революционных группировок при выборах в сейм и в органы местного самоуправления в первые годы «санации», хотя их количественные результаты в обстановке подполья компартии и жестоких репрессий против связанных с ней легальных организаций лишь частично отражали масштабы революционного влияния в массах.

Крупных успехов добилась КПП на выборах 1927 г. в городские советы Варшавы и Лодзи, во время которых коммунисты получили соответственно более 70 тыс. и 58 тыс. голосов (19 и 23%), несмотря на то что легально выдвинутые революционные списки накануне выборов были объявлены недействительными²². Свыше 900 тыс. голосов, в том числе 300 тыс. на аннулированные списки, собрали КПП и связанные с ней легальные революционные партии на парламентских выборах 1928 г. (В 1922 г. за коммунистов было подано 132 тыс. голо-

сов.)²³ В тяжелейших условиях коммунисты одержали победу в ведущих промышленных центрах (Варшава, Лодзь, Домбровский бассейн), в ряде случаев оставив позади ППС и другие легальные партии. В Домбровском бассейне коммунистический список, собрав 35% голосов, оказался на первом месте²⁴.

В результате выборов 1928 г. подпольная компартия имела в сейме свою коммунистическую фракцию (7 депутатов), с которой сотрудничали 12 депутатов Белорусского крестьянско-рабочего клуба, «Сельроба», Левого крестьянского объединения «Самопомощь»²⁵.

В открытом выступлении диктатуры Ю. Пилсудского на стороне имущих классов были заложены предпосылки разрыва с ним также и нереволюционных левых партий, в программах которых проблема социальных преобразований, хотя и неодинаково понимаемых, занимала определенное и даже значительное место. ППС провозглашала своей конечной целью замену капиталистического строя социализмом, считая основным методом социального переустройства парламентские реформы. В майском перевороте с его лозунгами «оздоровления» («санации») экономической и политической жизни она хотела видеть шаг в соответствующем ее целям направлении²⁶. В программе ПСЛ — «Вызволене» 1925 г. в общих чертах говорилось о «переустройстве социального строя в духе справедливости»²⁷. Стронництво хлопске (СХ), выделившееся из ПСЛ — «Вызволене» в начале 1926 г., провозглашало своей программной целью «искоренение в Польше паразитических классов, таких, как помещики, капиталисты, спекулянты, посредники и т. п.»²⁸. Эти партии, правда порознь, добивались проведения в жизнь радикальной аграрной реформы, взыскания налогов с имущих, ликвидации безработицы, расширения и последовательного применения трудового и социального законодательства.

Но решающим для характера будущих взаимоотношений режима «санации» и поддерживавших его сначала партий, которые представляли реформизм в рабочем движении и немалую часть политически организованного крестьянства, стал вопрос о судьбе парламентаризма и связанной с ним системы организации общества.

Нереволюционные рабочие и крестьянские партии, видевшие в парламенте основной инструмент социально-экономических преобразований, считали получение парламентского большинства магистральным направлением

своей деятельности. После переворота они добивались роспуска сейма и проведения новых выборов, которые, как они считали, дадут им перевес над скомпрометированными правыми группировками. Однако режим «санации» не был заинтересован в создании сильного и авторитетного сейма с преобладанием левых партий. Он не только игнорировал требование новых выборов, но с первых дней развернул наступление на суверенитет и законодательные функции высшего органа власти. Законом от 2 августа 1926 г. в конституцию были внесены изменения, согласно которым президент получил право издавать распоряжения, обладающие силой закона. Из ведения парламента изымалось и передавалось президенту право решения о роспуске палат; ограничивались полномочия сейма при утверждении бюджета. Наконец, со времени переворота сейм и политические партии, в том числе и поддерживавшие режим, лишились присущей им в нормальных условиях роли при формировании исполнительной власти. Правительства теперь не создавались на основании парламентского большинства, а их состав предлагался Ю. Пилсудским, обладавшим в этих вопросах по существу диктаторскими полномочиями. Недоверие, выраженное парламентом кабинету, на практике не означало его отставки.

«Санации» удалось ограничить, а затем (после 1935 г.) и свести на нет роль партий как структурных элементов парламента. Это свидетельствовало об углублении кризиса парламентаризма, но само по себе не привело к устранению оппозиционных партий из системы политической организации общества и к унификации этой системы под эгидой правящей группировки.

Вопрос о теоретических построениях пилсудчиков в этой области, по-видимому, нуждается в специальном рассмотрении. Предварительно можно считать, что они ограничивались абстрактной формулировкой общего принципа главенства над всем государством и его доминирующей роли в организации общества. Логически подобная система предполагала интеграцию масс в структуру всеохватывающего государства. Реально же эта задача, требовавшая для своего решения новых форм и методов общественной организации, как и связанный с нею вопрос о судьбе политических партий, у пилсудчиков оставалась открытой.

После переворота Ю. Пилсудский в одних случаях говорил о необходимости создания «единого фронта с самым широким партийным диапазоном», в других — о на-

мерении «натравить» партии одну на другую, подрвать их центральные руководства и таким путем лишить их реальной силы ²⁹.

Невнимание к проблеме организации масс, в которой концентрировалась основная тенденция политического развития в период общего кризиса капитализма, и недооценка роли партий в этом процессе свидетельствовали о том, что в мировоззрении группировки Ю. Пилсудского преобладал отживающий стереотип политической культуры, характерный для периода до восстановления независимого государства и предполагавший организационную аморфность и пассивное повиновение масс. Конечно, это не означает, что развивавшиеся элементы массовой политической культуры, которые проявляли себя, в частности, в деятельности политических партий рабочего класса и крестьянства, не оказывали влияния на идеологию и особенно на политику «санации».

Группировке, захватившей власть, первоначально рисовался весьма несложный путь включения значительной части рабочих и крестьянских масс в орбиту «санации». Представлялось, что это окажется возможным путем фактического подчинения государственному аппарату ИПС, СЛ — «Вызволене» и партии Стронництво хлопске. Влияние многочисленных сторонников Ю. Пилсудского в этих партиях составляло в то время, как подчеркивает польский исследователь ³⁰, главный политический капитал его группировки. Расстановка социально-политических сил в дни майского переворота как будто благоприятствовала созданию из массовой базы этих партий прочной опоры «снизу» для нового режима и использованию в интересах «санации» их организационного аппарата.

Но уже первые антидемократические акты «санации» осложнили для нее такой путь овладения массами. Лишение партий возможности при урезанных полномочиях сейма прийти к власти обычным, парламентским путем закрывало перед нереволюционными рабочими и крестьянскими партиями ту перспективу, которая в их понимании должна была привести к осуществлению намеченных стратегических целей. Это стимулировало переход в оппозицию и превращение их вместе с их массовой базой в силу, представляющую потенциальную опасность для нового режима.

Неудача интеграции поддерживавших переворот партий в создаваемую государственную структуру привела к по-

пыткам добиться этого с помощью подрывной работы просанационных элементов внутри партий левой парламентской оппозиции. Сторонникам Ю. Пилсудского в ППС не удалось получить большинства в центральном руководстве партии или подчинить своему влиянию классовое профсоюзное движение. Тогда в октябре 1928 г. они объявили о создании новой партии, которую по аналогии с наименованием раскольнической фракции, образованной Ю. Пилсудским в 1906 г., назвали ППС — прежняя революционная фракция. Первоначально инициаторы раскола, уповая на былой авторитет Ю. Пилсудского в рядах социалистов, рассчитывали повести за собой основные массы ППС. Используя негласную поддержку полиции и государственной администрации, они в то же время выступали с критикой капитализма и даже допускали дозированную антиправительственную демагогию, пытаясь присвоить своей партии роль единственного организатора масс на платформе реформистского социализма³¹, от которого в действительности они отступили в пользу классового солидаризма, специфически выраженного в пилсудчиковских идеях государства как надклассового фактора, и замены классовой структуры общества делением его по профессиональным группам независимо от классовой принадлежности³².

Раскол в ППС приобрел верхушечный характер, сократив, например, на 1/5 парламентский клуб партии, но незначительно затронул ее массовую базу. ППС — прежняя фракция не смогла стать массовой партией. Ее центральное руководство, как отмечалось в документах министерства внутренних дел Польши, не приобрело скольконибудь широких контактов с периферией и испытывало хронический недостаток кадров для работы с массами³³. Уже в начале 30-х годов эта партия вступила в полосу упадка. Образованный ею профцентр, хотя сначала и насчитывал около 50 тыс. членов³⁴, не мог, как понимали лидеры «санации», составить серьезной конкуренции руководимым ППС профсоюзам³⁵.

Аналогичными были последствия выделения из Национальной рабочей партии (НПР) просанационной политической организации НПР-левицы и разрыва с профцентром НПР — Польским профсоюзным объединением — некоторых отраслевых профсоюзов, высказавшихся за сотрудничество с правительством. В 1929 г. эти группы включали 18,7 тыс. членов, в то время как Польское

профсоюзное объединение насчитывало 124 тыс. плативших взносы членов³⁶.

Проблему расширения своей общественной платформы за счет рабочего класса «санация» пыталась первоначально решить путем подчинения профессиональных организаций непосредственно государственному руководству. В конце 1926 г. правительством было проведено совещание по вопросам труда и при совете министров создана совещательная комиссия труда, в которую были приглашены представители крупнейших профсоюзных центров. Коммунистическое движение расценивало эту инициативу как «первый решительный шаг в сторону фашизации профсоюзов», как стремление «санации» оформить фашистскую диктатуру³⁷. Эти меры действительно принимались вслед за важными решениями итальянского фашистского правительства по «огосударствлению» профсоюзного движения³⁸ и, по-видимому, в какой-то мере были заимствованы оттуда. Но «санации» не удалось оторвать профсоюзы от прежней политической ориентации. По мере усиления оппозиции со стороны партий, с которыми были связаны профцентры, их представители выходили из комиссии труда, которая в середине 1928 г. окончательно распалась³⁹.

Малоэффективным оказался также опыт создания правящей группировкой собственных профсоюзных центров — псевдосиндикалистской Генеральной федерации труда и Конфедерации профсоюзов, объединившей так называемые экономические организации, — насчитывавших в 1929 г. соответственно 24,3 тыс. и 8 тыс. членов. Эти малочисленные, идейно неоднородные и враждовавшие между собой из-за массовой базы организации, как и раскольнические группы из классовых и национально-солидаристских профсоюзов, конечно же, не могли задавать тон в профсоюзном движении. Правда, к началу 30-х годов удалось преодолеть раздробленность просанационных профсоюзов, которые слились в единый центр — Союз профессиональных союзов. Но и тогда они насчитывали немногим более четверти профессионально организованных рабочих (27,4%)⁴⁰ и не вошли в противоположность фашистским профсоюзам в Италию в систему государственных органов. В таком положении они не могли обеспечить правящей группировке всеобъемлющего контроля над рабочим классом, большая часть которого находилась в сфере влияния оппозиционных режиму сил.

Большое значение приобрела для «санации» задача завоевания на свою сторону основных масс крестьянства. Главные усилия наряду с соответствующей обработкой немалочисленного крестьянского контингента в такой, например, пилсудчиковской организации, как Стрелецкий союз, правящая группировка направила на подчинение себе крестьянских партий и связанных с ними общественных организаций.

«Санации» удалось в первые же годы установить контроль над большинством товариществ сельскохозяйственных кружков, которые руководили разнородными хозяйственными, общественными и культурными организациями в деревне. Успеху в этом деле, по-видимому, способствовало то, что экономическая деятельность кружков строилась при финансовых дотациях государственных органов. Администрация широко пользовалась методами экономического давления для вытеснения из руководства кружков представителей оппозиционных крестьянских партий. В некоторых товариществах ведущую роль играли помещики, что заранее определило просанационную ориентацию таких организаций. Наконец, система товариществ, сельскохозяйственных кружков еще сохраняла на себе отпечаток региональной раздробленности. Естественная в условиях восстановленного государства интеграционная тенденция была использована «санацией» в целях унификации всей системы под своим контролем. В сельскохозяйственных кружках состояло 250 тыс. крестьян. Однако овладение руководством столь многочисленной организацией не обеспечило правящей группировке доминирующего положения в деревне. Деятельность экономических товариществ не могла оказать решающего влияния на умонастроения крестьянских масс, которые из-за недостатка средств не имели возможности широко применять пропагандируемые кружками методы хозяйствования. К тому же в унифицированных организациях повысился удельный вес помещичьих элементов, что делало их в глазах крестьян менее авторитетными⁴¹. Поэтому решающее слово в формировании политического облика деревни принадлежало, как показало будущее, крестьянским партиям.

Стремясь подчинить себе крестьянское движение, «санация» исходила из первоначально сугубо парламентского характера крестьянских партий, которые не только связывали с парламентом осуществление своих конечных

целей, но и сильно зависели от нормального функционирования парламентской системы в текущей партийной работе. Их политическая активность и материальные средства в большой мере определялись величиной парламентских клубов. В отличие от других партий членские взносы здесь не давали достаточных средств для содержания необходимого партийного аппарата, поэтому депутаты сейма выполняли большую долю пропагандистской и организационной работы на местах. Парламентские диеты депутатов составляли важный источник материальных средств крестьянских партий. Предполагалось, что при такой специфике, в обстановке растущего давления «санации» на сейм и ее прямого вмешательства в ход парламентских выборов, крестьянские партии или отдельных их деятелей под угрозой ослабления их парламентских позиций удастся склонить к сотрудничеству с правительством⁴². Для этого правящая группировка пыталась переманить на свою сторону наиболее видных представителей крестьянского движения, способных по ее расчетам изменить политическую ориентацию своих партий⁴³. В пользу подобных замыслов как будто складывалась экономическая конъюнктура, позволившая правительству в первые годы придерживаться планов принятой аграрной реформы, что на какое-то время создало иллюзию выполнения требований крестьянских партий.

При поддержке и инспирации «санации» в крестьянских партиях активизировались группы сторонников сотрудничества с режимом. Но ни одной из них не удалось повлиять на ориентацию крестьянских партий в целом, ибо подчинение «санации» означало бы отрицание основных принципов крестьянского движения и поставило бы под вопрос само существование представлявших его партий. Образованные же просанационными элементами в результате раскола в «Пясте» (1927 г.)⁴⁴ и в Стронництве хлопском (1928 и 1930 гг.)⁴⁵ партии и группы не смогли повести за собой массы и потому были обречены на короткое и неприметное существование: крестьяне относились с недоверием к организациям, за которые агитировали государственные чиновники.

Обострение отношений с правящей группировкой усилило интеграционные тенденции в крестьянском движении, что привело к объединению его самых крупных партий — «Пяст», «Вызволене» и Стронництво хлопске — в единое Стронництво людове, которое, несмотря на чи-

нимые правительством трудности, оставалось на протяжении межвоенного периода массовой партией, обладавшей внушительными позициями в крестьянском самоуправлении и способной на организацию в широком масштабе внепарламентской борьбы против режима.

Таким образом, диктатура «санации» в Польше не привела к полному разрушению системы буржуазного парламентаризма. Лишив парламент его роли высшего органа власти, она оказалась не в силах ликвидировать характерную для буржуазно-демократического строя многопартийную систему организации общества, благодаря чему рабочее движение и крестьянское движение сохранили свои политические организации, выступавшие против реакционной диктатуры, за восстановление и развитие демократии.

-
- ¹ *Zarnowski J.* Społeczeństwo Drugiej Rzeczypospolitej 1918—1939. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1973, s. 97—98, 176.
 - ² *Warski A.* Demokracja «na baczność». Wybór pism i przemówień. Warszawa: Książka i Wiedza, 1958, t. 2, s. 76—90.
 - ³ *Толъягги П.* Лекции о фашизме. М.: Политиздат, 1974, с. 11.
 - ⁴ *Garlicki A.* Piłsudczycy — sanacja. — Nowe Drogi, 1978, № 9, s. 80—81.
 - ⁵ *Piłsudski J.* Pisma zbiorowe. Warszawa: Instytut Józefa Piłsudskiego, 1937, t. VIII, s. 330—331.
 - ⁶ *Wapiński R.* Próba konsolidacji polskich klas posiadających pod hegemonią Narodowej Demokracji w latach 1918—1926. Dzieje burżuazji w Polsce. Ossolineum, 1974, t. 1, s. 255.
 - ⁷ *Próchnik A.* Pierwsze piętnastolecie Polski niepodległej. Zarys dziejów politycznych. Warszawa: Książka i Wiedza, 1957, s. 217.
 - ⁸ Цит. по: *Landau Z., Tomaszewski J.* Zarys historii gospodarczej Polski 1918—1939. Wydanie trzecie. Warszawa: Książka i Wiedza, 1971, s. 194.
 - ⁹ *Piłsudski J.* Pisma zbiorowe, t. IX, s. 18, 22, 24.
 - ¹⁰ *Kowalski J.* Zarys historii polskiego ruchu robotniczego 1918—1939. Warszawa: Książka i Wiedza, 1962, cz. 1, s. 348.
 - ¹¹ *Czerwony Sztandar*, 30.VI 1926.
 - ¹² *Świetlikowa F.* Liczebność okręgowych organizacji KPP w latach 1919—1937. — Z pola walki, 1970, № 2, s. 183—201.
 - ¹³ *Kowalski J.* Trudne lata. Problemy rozwoju polskiego ruchu robotniczego 1929—1935. Warszawa: Książka i Wiedza, 1966, s. 61.
 - ¹⁴ *PPS-Lewica 1926—1931. Materiały źródłowe.* Warszawa: Książka i Wiedza, 1963, s. 38—40.
 - ¹⁵ *Hass L.* PPS-Lewica 1926—1931. Najnowsze Dzieje Polski. Materiały i studia z okresu 1914—1939. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1961, t. IV, s. 59—99.
 - ¹⁶ *Materiały źródłowe do historii polskiego ruchu Ludowego.* Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1967, t. II, s. 173—174.

- ¹⁷ *Dymek B.* Niezależna Partia Chłopska. 1924—1927. Warszawa: Książka i Wiedza, 1972, s. 283, 287.
- ¹⁸ *Полуян В., Полуян И.* Революционное и национально-освободительное движение в Западной Белоруссии. Минск: Госиздат БССР, 1962, с. 82—83, 88—94.
- ¹⁹ *Bergman A.* Białoruska Włościansko-robotnicza Hromada 1925—1927.— *Z pola walki*, 1962, № 3, s. 93.
- ²⁰ *Szaflik J. R.* Z dziejów Zjednoczenia lewicy chłopskiej «Samopomoc» 1928—1931. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1968, s. 51—53.
- ²¹ *История Украинской ССР*, Киев: Наукова думка, 1969, т. 2, с. 463—464.
- ²² *Kowalski J.* Zarys historii..., s. 377.
- ²³ *Ibid.*, s. 401.
- ²⁴ *Nowy Przegląd*, 1928, № 25, s. 117.
- ²⁵ *Próchnik A.* Op. cit., s. 282, 285.
- ²⁶ *Tymieniecka A.* Polityka Polskiej Partii Socjalistycznej w latach 1924—1928. Warszawa: Książka i Wiedza, 1969, s. 165.
- ²⁷ Materiały źródłowe do historii polskiego ruchu ludowego. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1967, t. II, s. 122.
- ²⁸ *Ibid.*, s. 177.
- ²⁹ *Baranowski W.* Rozmowy z Piłsudskim 1916—1931. Warszawa: Instytut Józefa Piłsudskiego, 1938, s. 198; *Borejsza J. W.* Marsz na Warszawę — wersja włoska.— *Polityka*, 1973, № 2 (828).
- ³⁰ *Zarnowski J.* Struktura i podłoże społeczne obozu rządzącego w Polsce w latach 1929—1939. Najnowsze dzieje Polski 1914—1939, 1966, t. X, s. 68.
- ³¹ Centralne Archiwum (CA) KC PZPR, 121/1—2, 1929, p. 2; 1930, p. 1.
- ³² *Tymieniecka A.* Op. cit., s. 281.
- ³³ Archiwum Akt Nowych (AAN), Ministerstwo Spraw Wewnętrznych, t. 849, k. 179—180, 216.
- ³⁴ *Hass L.* Układ sił i zasięg oddziaływania ruchu zawodowego wśród klasy robotniczej w latach Drugiej Rzeczypospolitej.— In: *Polska klasa robotnicza*, Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1973, t. IV, s. 164.
- ³⁵ AAN, Ze zbiorów zespołów szczytkowych, t. 70, k. 2, 54.
- ³⁶ *Hass L.* Układ sił..., s. 164; *Pazdziora M.* Górnośląska Narodowa partia robotnicza po zamachu majowym 1926—1937. Katowice: Śląski Instytut Naukowy, 1975, s. 216.
- ³⁷ CA KC PZPR, mf. 2051, poz. 3, k. 40—43, poz. 10, k. 84—85.
- ³⁸ *Лонухов В. Р.* История фашистского режима в Италии. М.: Наука, 1977, с. 76—80.
- ³⁹ AAN, Ze zbiorów zespołów szczytkowych, t. 72, k. 81, 132.
- ⁴⁰ *Hass L.* Układ sił..., s. 166.
- ⁴¹ Zarys historii polskiego ruchu ludowego 1918—1929. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1972, t. II, s. 272—279.
- ⁴² AAN, Ze zbiorów zespołów szczytkowych, t. 69, k. 177; t. 70, k. 212
- ⁴³ *Ibid.*, t. 69, k. 167.
- ⁴⁴ *Szaflik J. R.* Polskie Stronnictwo Ludowe Piast 1926—1931. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1970, s. 130—148.
- ⁴⁵ *Więzikowa A.* Stronnictwo Chłopskie (1926—1931). Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1963, s. 106, 239—244.

КРИЗИС ФАШИСТСКИХ РЕЖИМОВ В ВЕНГРИИ, БОЛГАРИИ, РУМЫНИИ, СЛОВАКИИ И ХОРВАТИИ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Страны Центральной и Юго-Восточной Европы — Венгрия, Румыния, Болгария, а также созданные под эгидой гитлеровской Германии марионеточные «государственные образования», так называемые «Словацкая республика» и «Независимое хорватское государство» — на завершающем этапе второй мировой войны вследствие антинародной и антинациональной политики правящих кругов вступили в полосу глубокого политического кризиса. В период войны их объединяла не только принадлежность к гитлеровскому блоку. Эти государства и «государственные образования» были схожи и по уровню своего социально-экономического и политического развития. Общим для них были преобладание мелкотоварного сельскохозяйственного производства, низкая степень развития промышленности (за исключением Венгрии), малочисленность рабочего класса, наличие в некоторых из них феодальных пережитков (Румыния, Венгрия), сильной мелкобуржуазной прослойки с ее националистическими амбициями и фашистскими тенденциями. Важным фактором политической жизни указанных стран в период войны представляется проблема границ.

Туманные обещания, даваемые гитлеровцами фашистским правителям Венгрии, Румынии, Болгарии, Словакии и Хорватии, служили тому, чтобы в «решающий момент» обеспечить Германии усиление позиций в экономике и политике этих стран, приспособить господствовавшие в них фашистские режимы к нацистскому образцу и, накопив, использовать их в войне против СССР. Все это способствовало вовлечению их в орбиту гитлеровской Германии накануне второй мировой войны и превращению в союзников третьего рейха во время войны. Сближению режима М. Хорти, монархо-фашистского режима в Болгарии, фашистской диктатуры И. Антонеску в Румынии с нацистским режимом в Германии способствовала их классовая общность.

Создатели реакционного политического режима, установленного в Венгрии в начале 20-х годов, провозгласили официальной идеологией идею расовой исключительности, крайнего шовинизма, антисемитизма, милитаризма и реваншизма, т. е. элементов, ставших составной частью идеологии фашизма¹. Социальная база хортистского режима не была единой, она включала представителей крупного капитала и помещиков, мелкую буржуазию, офицерство. Политическая же гегемония и монополия власти принадлежали той части сторонников Хорти, которые выражали интересы крупной помещичьей аристократии и крупного капитала². Опасаясь всяких социальных сдвигов, М. Хорти и его окружение — И. Бетлен, П. Телеки, К. Дарани — считали, что этот режим может сохраниться только в состоянии политической неподвижности, т. е. будучи полностью закрытым влево, но и вправо развиваться только в определенных рамках. Такая осторожность правящей группировки хортистов способствовала конституированию в системе хортистского режима праворадикального крыла, для которого характерны были тоталитарно-фашистские тенденции нацистского образца. Характерной чертой хортистского режима было сохранение многопартийной системы и парламента. Но открытое голосование и произвол администрации, полиции и жандармерии предопределяли всякий раз исход «выборов».

Основной идеей хортистов, которая помогала им привлекать на свою сторону мелкую буржуазию, часть интеллигенции, а также часть рабочих и крестьян, была идея ревизии границ, восстановления «святостефанской» Венгрии как гегемона карпатского ареала. Под лозунгом ревизии проповедовался отказ от классовой борьбы и необходимость борьбы национальной, борьбы за «Великую Венгрию». Раздувание шовинистических настроений среди широких масс способствовало укреплению хортистского режима, возобновлению агрессивных устремлений, появлению идеи регионального гегемонизма венгерского провинциального империализма³.

Хортисты понимали свою слабость и нереальность ревизии границ в Центральной Европе собственными силами, поэтому все надежды они возлагали на союз с нацистской Германией. В то же время значительная часть крупной венгерской буржуазии, связанной с английским и французским финансовым капиталом, выступала против усиления германского влияния в Венгрии. Сам М. Хорти

слыл «англофилом»⁴. Однако реваншизм, ревизионизм и антикоммунизм хортистов превалировали над политическим реализмом, и в результате Венгрия в период второй мировой войны закономерно оказалась в лагере гитлеровской Германии.

Накануне второй мировой войны полностью утвердился режим монархо-фашистской диктатуры в Болгарии. Особенностью фашизма в Болгарии было то, что в нем была заинтересована и такая социальная сила, как монархизм. Носитель его, амбициозный царь Борис III, насаждал личную диктатуру с помощью армии, государственного аппарата и советников из дворцовой камарильи. Отвергая идею создания массовой партии, болгарские монархо-фашисты стремились овладеть массами с помощью «оказывания» рабочих профсоюзов, создания молодежного объединения «Браник», пытались сколотить «Общенародный союз»⁵. Однако успехи их были незначительными.

Важным элементом укрепления режима монархо-фашистской диктатуры в Болгарии было раздувание национализма и великоболгарского шовинизма. В этом цели и методы болгарского монархо-фашизма были схожи с целями и методами хортизма в Венгрии. Много было общего также в их внешнеполитической ориентации, в сближении с Германией накануне второй мировой войны. В результате антинародный и антинациональный курс внешней политики, принесший в прошлом столько бедствий болгарскому народу, вновь становился доминирующим во внешней политике монархо-фашистской Болгарии⁶.

Так же как и венгерский регент Хорти, царь Борис, вовлекая Болгарию в орбиту стран «оси», одновременно стремился сохранить лояльность по отношению к Англии и Франции и добиться осуществления «национальных идеалов» болгарской буржуазии мирным путем, с помощью дипломатии⁷. Но «англофильство» регента Хорти и царя Бориса возникало и исчезало в зависимости от колебаний влияния Англии в Центральной Европе и на Балканах.

Такая осторожность правящих кругов монархо-фашистского режима Болгарии порождала оппозицию справа. В 30-х годах ее пытался возглавить А. Цанков, создав откровенно прогитлеровское «национально-социальное движение». К началу 40-х годов в лагере болгарских фа-

шистов появляются две другие организации — «Союз борцов за прогресс болгаризма» и «Союз болгарских национальных легионов». Социальная база этих организаций была довольно узкой, они опирались на крайне националистические круги болгарской интеллигенции, часть офицерства, а также на деклассированные элементы. К тому же они находились на положении подпольных организаций, так как все политические партии и организации в Болгарии были запрещены, и поэтому влияние их на политической арене Болгарии было незначительным⁸.

Сдвиг вправо в правящих кругах захватил в конце 30-х годов и Румынию. В феврале 1938 г. король Кароль II установил в стране диктаторский режим, который стал постепенно приобретать черты фашизма — тоталитаризм, национализм, форсирование милитаризации экономики и попытки ее государственного регулирования⁹. В Румынии значительно сильнее, чем в Венгрии и Болгарии, была правая оппозиция. Фашизм здесь приобрел довольно много сторонников уже в 20-х годах, что явилось следствием банкротства буржуазных «исторических» партий, национал-либералов и национал-царанистов¹⁰. Массовое разорение мелкой буржуазии в период кризисов в 30-х годах усилило фашистское движение в стране. Совокупность этих факторов привела к возникновению в 1929 г. фашистской организации «Железная гвардия». В 30-х годах сторонники ее стали прямой агентурой нацистов. С их помощью и при непосредственном участии генерал И. Антонеску 9 сентября 1940 г. установил в стране в момент острого политического кризиса, вызванного недовольством широких масс политикой Кароля II, военно-фашистскую диктатуру¹¹. Но делиться властью с «железнодорожниками» Антонеску не желал. Заручившись поддержкой реакционного офицерства и гитлеровской Германии, он подавил 22 января путч «Железной гвардии» и установил в стране военно-фашистский диктаторский режим, устранив со всех постов своих конкурентов — легионеров¹².

Особое положение в системе гитлеровских сателлитов в период второй мировой войны занимали так называемые «Словацкая республика» и «Независимое хорватское государство», созданные гитлеровской Германией¹³. Обстоятельства возникновения этих «государств» в результате расчленения гитлеровской Германией Чехословакии в марте 1939 г. и Югославии в апреле 1941 г.

наложили на них неизгладимую печать. С самого начала фашистские режимы И. Тисо в Словакии и А. Павелича в Хорватии вынуждены были преодолевать глубокое противоречие между тем, что внешне выглядело как самостоятельное государственное образование и реальной действительностью, заключавшейся в том, что государства эти возникли по воле нацистской Германии. Как словацкие людаки (Словацкая народная партия Глинки), так и хорватские усташи всячески старались изображать это событие как переломный момент национальной истории словаков и хорват.

Людаки на этой основе сформулировали целую, хотя и неофициальную, идеологию словацкого государства: размахивая жупелом смертельной опасности со стороны хортистской Венгрии, они изображали как наименьшее зло образование марионеточного государства под покровительством нацистской Германии. Эта идея в начальный период играла определенную роль в стремлении людацкого режима воспрепятствовать активному движению Сопротивления, но заключала в себе временную ограниченность, так как существование словацкого «государства» обуславливалось результатом сложившихся международных отношений¹⁴.

Ловко использовалось гитлеровской Германией наличие в странах Центральной и Юго-Восточной Европы не слившихся с режимами праворадикальных течений: «нилашистов» в Венгрии, «железнодорожников» в Румынии, легионеров в Болгарии, «гардистов» в Словакии. Но провал путча словацких «гардистов» в мае 1940 г., разгром «железнодорожников» в Румынии в январе 1941 г., оттеснение на периферию политической жизни нилашистов в Венгрии и легионеров в Болгарии поставили перед гитлеровской Германией проблему поддержки той или иной группировки. И здесь нацисты проводили четкую грань. Они поддерживали те группировки, которые имели реальный политический вес в стране, опыт политического лавирования и силу (помещичье-аристократическая группировка М. Хорти в Венгрии, диктатор И. Антонеску и армия в Румынии, монархисты во главе с царем Борисом III в Болгарии). В то же время они взяли под свое покровительство и превратили в прямую агентуру Германии венгерских нилашистов, румынских и болгарских легионеров, используя их в качестве орудия давления на правительства Венгрии, Румынии и Болгарии¹⁵.

В Словакии же пронацистская группировка получила полную и открытую поддержку Гитлера, вызвавшего «президента» И. Тисо в Зальцбург в июне 1940 г. и продиктовавшего ему необходимые изменения в братиславском «правительстве». Представитель «гардистов» В. Тука наряду с постом премьер-министра получил и портфель министра иностранных дел¹⁶. Такая демонстрация диктатора в Зальцбурге была своего рода предупреждением другим сателлитам гитлеровской Германии.

Внутриполитическая ситуация в странах—сателлитах гитлеровской Германии была весьма неустойчивой и зависела от расстановки сил на международной арене. Более стабильным было их внутреннее положение в начальный период второй мировой войны. Важным фактором стабильности была экономическая ситуация (прежде всего военная конъюнктура, ликвидация безработицы в результате роста промышленного производства и отправки рабочих в Германию), уменьшение социального напряжения на селе в результате расширения сбыта сельскохозяйственной продукции.

Позиции правящих кругов Венгрии и Болгарии укрепились в связи с территориальными захватами в 1938—1941 гг., что привело к усилению шовинистической демагогии и притупило антиправительственные настроения. Замолкла «лояльная» оппозиция, увлеченная призраком «святостефанской» Венгрии и «Великой Болгарии». Резко упало влияние правой оппозиции—нилашистов в Венгрии, легионеров в Болгарии¹⁷.

Осенью 1939 г. стабилизировалось положение Словакии. Четкие очертания приобрела нацистская «словацкая политика». Словакия в отличие от Венгрии, Болгарии и Румынии никогда не играла роли самостоятельного элемента в нацистской концепции «Великого европейского жизненного пространства». Она скорее была инструментом в более широких планах экономической и политической экспансии Германии в Дунайском бассейне¹⁸.

Однако вскоре проявилась обратная сторона военной конъюнктуры в странах гитлеровского блока. После нападения Германии на СССР гитлеровцы стремились превратить регион Центральной и Юго-Восточной Европы в поставщика продовольствия и рабочей силы. В их практической деятельности это выливалось в прямую эксплуатацию «союзников», прикрытую серией торговых договоров о поставках¹⁹.

В 1941 г. доля Германии в импорте Венгрии составляла 57%, в экспорте — 77, Румынии соответственно — 74, и 68, Болгарии — 76 и 82,3% ²⁰.

Одним из рычагов экономической эксплуатации Германией своих «союзников» стали клиринговые соглашения, согласно которым Германия записывала стоимость импортируемых товаров как долг на клиринговое сальдо в германской Расчетной кассе. В результате Венгрия, Румыния, Болгария, Словакия и Хорватия сами финансируют германские «закупки», что вело к резкому росту инфляции в этих странах.

С начала войны в странах-сателлитах были проведены милитаризация и централизация промышленности. Важные промышленные предприятия и банки были захвачены и переданы под непосредственный контроль германских властей. В остальных сидели немецкие «советники». Захватив акции, ранее принадлежащие голландскому, бельгийскому и французскому капиталу, германские монополии подчинили себе румынские нефтяные компании «Астра ромыне», «Саспиро», «Конкордия», «Петрол-блок», «Сарпетрол», «ИРДП», «Ромыно-американе». Концерн «Герман Геринг Верке» захватил в 1941 г. заводы «Решица», «Малакса», присвоив акции чешского капитала, установил контроль над целым рядом предприятий ²¹.

Такое же положение наблюдалось в Венгрии, Болгарии, не говоря уже о Словакии. Достаточно сказать, что с 1940 г. венгерским Национальным банком фактически распоряжался постоянный представитель Германии ²².

Вступление в войну против СССР Венгрии, Румынии и Словакии было в полном соответствии с традиционным антикоммунизмом и антисоветизмом правящих кругов этих стран. И лишь Болгария в силу ряда причин не вступила официально в войну против СССР и сохраняла дипломатические отношения с Советским Союзом ²³.

Факт вступления в войну вызвал важные политические изменения в странах-сателлитах. Был усилен террор против антифашистов, проведены массовые аресты и введены «превентивное» заключение в концлагерях, смертная казнь за «антигосударственные преступления», т. е. за участие в движении Сопротивления. Одновременно усилилась шовинистическая демагогия, достигшая своего апогея в 1941 г.

Усиление репрессий связано было также с изменениями в той части общества, которую правящие круги счи-

тали одной из опор режимов, а именно в мелкобуржуазной среде. Регулирование хозяйства, обязательная продажа зерна, которая во многих случаях была похожа на реквизицию, введение регулирования посевных площадей, жесткая централизация закупок и обеспечения, продажность администрации всколыхнули мелкобуржуазную среду. Везде началась тихая борьба крестьянства с хозяйственными и контрольными органами государства²⁴.

Война против СССР в широких народных массах стран-сателлитов была непопулярной. Вследствие этого наступило резкое размежевание между народными массами и правящими кругами. Гибель десятков тысяч румынских, венгерских и словацких солдат на восточном фронте открыла глаза на характер войны прежде всего крестьянам и рабочим, одетым в солдатские мундиры. Протест их против преступной войны выражался в форме массового дезертирства, особенно в румынской и словацкой армиях.

Резко возросло национально-освободительное движение в Южной Словакии, Закарпатье, Боевине, Северной Трансильвании, захваченных хортистской Венгрией²⁵. Массовым стало дезертирство в словацкой, венгерской и особенно румынской армиях на рубеже 1942—1943 гг.; его не могли остановить никакие драконовские меры, ни преследование семей дезертиров, ни выжигание на ладонях рук пойманных дезертиров из румынской армии клейма, ни введение смертной казни в армиях Хорти и Антонеску. Антинародный, антинациональный характер войны против СССР становится ясным все большей массе солдат и части офицеров. Пассивное сопротивление в форме дезертирства дополнялось активной антифашистской борьбой, переходом части румынских, венгерских и словацких солдат на сторону советских войск на фронте и в партизанские отряды в тылу, на оккупированных территориях²⁶.

Все это имело большое политическое значение, так как перечеркивало пропагандистские усилия хортистов, людаков, румынских фашистов, стремившихся паразитировать на временных успехах Германии на Восточном фронте. Фашистская демагогия постепенно растворялась в разрастающихся и очевидных всем бедствиях, которые принесла война.

Особенно отчетливо проступили кризисные черты в таких марионеточных государствах, как Словакия и Хор-

ватия. Усиление господства германских монополий в Словакии, повсеместное введение нацистских форм в государственном управлении, рост влияния словацких нацистов и «советников» из рейха — все это отчетливо раскрывало всю фальшь лозунга людаков о «самостоятельности»²⁷. Еще более иллюзорной выглядела «самостоятельность» Хорватии перед фактом двойной оккупации, со стороны Германии и Италии, полномочия германского военного представителя в Загребе и повсеместного разрастания национально-освободительной борьбы под руководством КПЮ²⁸.

Уже в 1942 г. проступают кризисные черты в государственном аппарате Словакии. Невысокий интеллектуальный уровень людацкой «элиты» и ее провинциальный характер заставляют фашистскую верхушку использовать старый государственный аппарат на исполнительном уровне, где нужна была высокая квалификация и где фактически решался вопрос реализации политики, проводимой правительством. На этой ступени уже преобладали «попутчики» и прямые противники режима. И хотя эти «попутчики» не отличались прогрессивностью взглядов и в своей бюрократической исполнительности часто превращались в инструмент преступлений фашистов (депортация евреев), тем не менее у них не было внутренней связи с людацким фашистским режимом²⁹.

Провал плана молниеносной войны и поражение гитлеровцев под Москвой усилили противоречия в правящих кругах Венгрии и Румынии, а болгарского царя Бориса утвердили в нежелании вступить в войну против СССР. В дальнейшем М. Хорти, И. Антонеску и царь Борис избрали путь политики проволочек, сущность которой сводилась к следующему: выполнять желания гитлеровской Германии с некоторыми оговорками или же предупреждать их в более умеренной форме, с тем чтобы слишком упорное уклонение не могло послужить предлогом для прямого германского вмешательства, которое в соединении с усилиями крайне правых (нилашистов, железогвардейцев, легионеров, гардистов) могло бы привести к их приходу к власти³⁰.

В конце 1942 г. и особенно в 1943 г., после Сталинградской и Курской битв и выхода фашистской Италии из войны, фашистские режимы в странах-сателлитах гитлеровской Германии вступают в полосу глубокого кризиса. В Румынии и Венгрии кризис особенно усилился

вследствие сокрушительных поражений, которые понесли румынские и венгерские войска, посланные фашистскими правителями на Восточный фронт. Под Сталинградом, на Дону и Кубани в конце 1942 — начале 1943 г. были разгромлены 26 румынских дивизий, наголову разбита 200-тысячная 2-я венгерская армия³¹.

Кризис охватывает и экономику союзников гитлеровской Германии. Нехватка рабочих рук вследствие военной мобилизации, реквизиция скота привели к резкому падению сельскохозяйственного производства. Рост клиринговой задолженности Германии вызвал хаос в финансах Словакии, Венгрии, Румынии и Болгарии. Концентрация капитала и засилье германских монополий вели к разорению мелкой и средней буржуазии. Все это уже к концу 1943 г. создало в указанных странах обстановку, при которой большинство населения, за исключением монополистических кругов, выражало резкое недовольство. «Торговцы жалуются на рост налогов и дезорганизацию транспорта, промышленники — на недостаток сырья, рабочие — на низкую заработную плату. Крестьяне выражают недовольство разрывом между ценами на промышленные и сельскохозяйственные товары... Население недовольно германскими союзниками», — указывалось в донесении главного директориата полиции Румынии в апреле 1943 г.³² «Государство качается», — признал диктатор И. Антонеску на совещании высших военных чинов весной 1943 г.³³ «Общая ситуация плохая... Даже те, которые в решающие дни 1938—1939 гг. (Мюнхен и расчленение Чехословакии. — *Ред.*) всей душой были преданы словацкому государству, разочарованы и равнодушны», — подытоживалось в донесении браτισлавского полицейского управления в это же время³⁴.

Неотвратимость поражения гитлеровской Германии заставляет буржуазию стран гитлеровского блока искать возможность перехода на другую сторону. Классовые интересы ведут ее к установлению связей с Англией и США, чтобы с их помощью сохранить свои позиции господства и после войны. Такие тенденции проявляются прежде всего в тех группировках господствующих классов, которые не несли прямой ответственности за союз с Германией, хотя в целом были лояльны к правящим группировкам фашистских режимов и тем самым объективно поддерживали их ориентацию на третий рейх. После Сталинградской битвы они начинают понимать невозможность союза

с гитлеровской Германией и опасность его прежде всего для сохранения классовых интересов буржуазии. Так, в документе, составленном этими кругами в Румынии, говорилось, что в случае пассивности буржуазных лидеров и монарха румынский народ, естественно, направит взоры к новым формам политической и социальной организации³⁵. Об этом же говорилось и в меморандуме венгерского дипломата в Швейцарии А. Сегеди-Масака³⁶.

С критикой правящих кругов выступили и представители венгерских оппозиционных буржуазных кругов (Э. Байчи-Жилински), а правый лидер социал-демократической партии К. Пейер установил летом 1943 г. контакт с английскими лейбористами с целью выяснения условий выхода Венгрии из гитлеровского блока³⁷.

В Болгарии по инициативе заместителя председателя Народного собрания Д. Пешева 49 депутатов правительственного большинства подписали заявление протеста против депортации болгарских евреев. И. Попов, бывший министр иностранных дел Болгарии, подписавший в марте 1941 г. акт о присоединении ее к «Тройственному пакту», в 1943 г. советует премьер-министру Б. Филову установить как можно скорее контакт с США. Бывший военный министр генерал Т. Даскалов выступил за изменение внешней политики Болгарии в соответствии с создавшейся международной ситуацией³⁸. Активизирует свои действия и буржуазная оппозиция в Болгарии. На сессии Народного собрания в июле 1943 г. с острой критикой политики монархо-фашистского режима, с призывом к образованию нового правительства, отказу от голосования за военные кредиты выступают ее лидеры П. Стайнов и Н. Мушанов³⁹. В августе 1943 г. от имени буржуазной оппозиции представителями группы «Звено» была подана петиция царю. В ней буржуазные лидеры призывали монарха покончить с политикой реванша, гегемонии, вражды и ненависти к балканским народам, проводить «благоразумную, мудрую и осторожную политику», прекратить пропагандистские выпады против Англии, США и особенно СССР, сохранять силы и престиж болгарской армии⁴⁰. Последнее явно свидетельствовало о том, что все свои надежды они возлагали на армию, которая, по их мнению, должна была совершить переворот и «удержать порядок».

Нервозность и беспокойство охватывают и правящие круги, что еще больше подчеркивало наличие глубокого

кризиса в странах гитлеровского блока. «Германия,— говорил в узком кругу после Сталинграда И. Антонеску,— проиграла свою войну. Нужно не допустить, чтобы и мы ее проиграли»⁴¹. В правящей верхушке Румынии родилась идея сепаратного мира всего фашистского лагеря с Англией и США. По указанию министра иностранных дел М. Антонеску румынские дипломаты стали зондировать почву в Анкаре, Мадриде, Лиссабоне, Берне и Стокгольме. После берлинского «вето» на эту «инициативу» в Бухаресте начались «грызня и предательство даже в узком кругу», писал гитлеровский генерал Г. Фрисснер⁴².

Стремление найти выход из создавшегося положения в Венгрии проявляется в «политике качелей» правительства М. Каллаи, политике балансирования между гитлеровской Германией и Англией и США. Правящие круги хортистской Венгрии прежде всего стремились спасти режим и возможность выхода из гитлеровского блока видели только в случае вступления на территорию страны англо-американских войск⁴³.

Поражения Германии сильно обеспокоили болгарского царя Бориса. Он понимал, что гитлеровский рейх идет к своему закату, а это вызвало у царя Бориса опасения за судьбу трона и династии, поэтому, не решаясь на какой-либо резкий поворот в отношениях с Германией, он в то же время послал в Стамбул промышленника Г. Киселова с целью установить связи с представителями США и зондировать их планы в отношении Болгарии⁴⁴. В это же время в правящих кругах Болгарии возник план создания государственной партии как массовой опоры монархо-фашистского режима и противопоставления ее «Отечественному фронту» под вывеской «Народного единства» или «Национального объединения». Идейной основой ее должны были стать национализм, шовинизм, антикоммунизм, социальная демагогия и сервильный монархизм⁴⁵. Однако дальше нескольких «секретариатов», созданных с помощью полиции, дело учреждения «государственной партии» не продвинулось.

Смерть царя Бориса III 28 августа 1943 г. открыла новый этап кризиса монархо-фашистского режима, она означала потерю болгарским фашистским режимом своего основного авторитета. Кризис проявился в борьбе за состав регентского совета, в сопротивлении давлению Германии, требовавшей введения в регентский совет фашистских «ультра», таких, как А. Цанков, П. Габровский⁴⁶.

Кризисные явления усилились и в связи с капитуляцией Италии. Эту ситуацию вновь попыталась использовать буржуазная оппозиция. Ожидание англо-американского десанта на Балканы и смерть царя создали, как полагали представители оппозиции, благоприятные условия для подготовки поворота в политике Болгарии. 1 сентября 1943 г. было подано заявление от имени оппозиции премьер-министру и председателю Народного собрания, в котором правительство призывалось к самостоятельной национальной политике в защите болгарских интересов, к национальному единству⁴⁷. Фактически это был призыв к объединению буржуазных сил как правящего, так и оппозиционного лагеря. Однако правящая верхушка монархо-фашистского режима еще чувствовала себя достаточно сильной, чтобы остаться глухой к призывам буржуазной оппозиции.

Поражение Германии под Курском и выход Италии из войны усилили размежевание в правящих кругах Румынии. И. Антонеску понимал, что его может постигнуть участь дуче, ибо дворцовые круги, верхушка офицерства и лидеры «исторических партий» без колебания пожертвуют им, спасая свои классовые интересы. В то же время диктатор не мог применить силу для ликвидации назревавшего заговора, поскольку этим окончательно восстановил бы против себя господствующие классы страны, ставленником которых он являлся, и оказался бы один на один с ненавидевшими его народными массами⁴⁸.

В этой ситуации И. Атопеску действует не против потенциальных заговорщиков, а вместе с ними, содействуя подготовке «другой команды», чтобы тем самым избежать ответственности за совершенные преступления. Этот шаг был только попыткой консолидации реакционных сил перед лицом нарастания антифашистского движения в стране. В этой комбинации деятели «исторических партий» и дворцовых кругов должны были с его ведома вести переговоры с Англией и Францией, а военно-фашистская верхушка — войну против СССР под флагом антикоммунизма. Но стоило гитлеровцам выразить недовольство такой политикой румынского диктатора, и Антонеску как верный их прислужник пошел на разрыв с монархистами, лишив военно-фашистский режим важной опоры, какой были прежде монархия и «исторические партии»⁴⁹. Прежние трения между диктатором и дворцовыми кругами, вызванные переходом большинства прерогатив коро-

ля к Антонеску, и возникшие разногласия по основным проблемам внешней политики государства превратились в кризис в верхах господствующих классов. О глубине его говорит тот факт, что уже в сентябре 1943 г. дворцовые круги во главе с королем Михаем вынуждены были пойти на контакты с представителями КППР⁵⁰.

В марионеточных государствах Словакии и Хорватии кризис режимов проявился особенно остро. Если в отношении Румынии, Венгрии и Болгарии разгром военной мощи Германии вел за собой крушение фашистских режимов и потерю захваченных территорий, то в отношении Словакии и Хорватии речь шла о самом существовании этих «государств», созданных под эгидой Германии, ибо антигитлеровская коалиция и движение Сопротивления в Чехословакии и Югославии отрицали право на существование подобных «государственных образований». Понимая это, правящая верхушка Словакии и Хорватии не видит иного выхода, как только идти до конца с гитлеровской Германией, что привело к полной изоляции Тисо и Павелича внутри своих стран.

Одна за другой рушатся опоры, на которых держалась официальная пропаганда словацкого клерофашистского режима. Теряет силу теория «меньшего зла», так как отпала дилемма — зависимость от Германии или оккупация хортистской Венгрией. Рушится миф о Словакии как об «оазисе мира и спокойствия», все учащаются налеты союзной авиации. Первоначальная конъюнктура обернулась прямым и беззастенчивым ограблением экономики гитлеровской Германией⁵¹.

Часть офицерской верхушки словацкой армии установила связи с чехословацким эмигрантским правительством в Лондоне и коммунистами в подполье, стремясь тем самым обеспечить себе переход в антигитлеровский лагерь путем признания единой Чехословацкой республики. В самой людацкой верхушке эти тенденции проявляются в окружении председателя словацкого сейма М. Сокола, планировавшего в момент окончания войны через сейм «законным актом» вернуть Словакию в Чехословацкую республику на правах автономии⁵².

В агонии находился фашистский режим и в Хорватии после выхода Италии из войны, которая была наряду с Германией «патроном» усташского режима А. Павелича. В правящих кругах «Независимого хорватского государства» также идут поиски путей перехода на сторону

антигитлеровской коалиции, которые выразились в планах реорганизации усташского режима путем разделения власти между усташами и Хорватской крестьянской партией, представленной и в эмигрантском югославском правительстве. Согласно этому плану созданная вместо усташского «государства» «Республика Хорватия» переходила с помощью Англии и США на сторону антигитлеровской коалиции⁵³. В ноябре 1943 г. на совещании у Гитлера «Независимое хорватское государство» было признано нежизнеспособным⁵⁴.

С приближением Советской Армии к Карпатам в 1944 г. кризис сателлитов Германии в Центральной и Юго-Восточной Европе резко усилился. Правящие круги фашистских режимов Венгрии, Румынии, Болгарии и Хорватии форсировали поиски контактов с Англией и США⁵⁵. Но поскольку планы их базировались на анти-советской основе, то крах таких расчетов в условиях, когда Советская Армия уже практически вступила на территорию одного из сателлитов — Румынии, был неизбежен. Западные союзники не имели реальной возможности осуществить свое военное присутствие в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и предпочли придерживаться обязательств, принятых совместно с СССР. 13 мая 1944 г. правительства СССР, Англии и США в совместном заявлении, обращенном к сателлитам гитлеровской Германии, предупреждали, что чем дольше государства-сателлиты будут продолжать участвовать в войне на стороне гитлеровской Германии, тем более губительными будут для них последствия и тем более суровыми будут предложенные в будущем условия⁵⁶.

Реакция правящих кругов стран-сателлитов на эти события не была единой. Правящие круги хортистской Венгрии испытывали двойной страх — перед германской оккупацией, которая вела за собой выдвижение на политическую авансцену прямых ставленников нацистов — нилашистов, а с другой — еще больший страх перед возможным выступлением левых сил. Все это привело к нарушению «рефлекса самозащиты» у хортистов и к остановке на той мертвой точке, сдвинуться с которой политическое руководство хортистского режима уже не могло. В результате идет интенсивное сближение консервативных сил с ультраправыми, усиливается политическое и военное влияние последних. Следствием этого стали беспрепятственная оккупация Венгрии 19 марта 1944 г.

гитлеровскими войсками и установление в стране полного политического и экономического контроля Германии⁵⁷.

Разом рухнули вся структура хортистского режима и система взаимной обусловленности отдельных его звеньев. И хотя формально регент М. Хорти по-прежнему находился в королевском дворце в Буде, он уже не имел реальной власти. Правительство старого германского агента Д. Стояи только постфактум санкционировало бесчинства гитлеровцев в стране. Характерно, что те представители хортистского режима, которые имели возможность принимать самостоятельные решения, а именно значительная часть дипломатов, откровенно заявили, что суверенная Венгрия перестала существовать, и порвали с правительством Стояи⁵⁸. Быстрыми темпами идет разложение главной опоры хортизма — армии. Усиливается дезертирство, идет, хотя и крайне медленно, процесс размежевания даже в самой консервативной ее части, среди офицества. Номинальный переход власти к гитлеровской агентуре, нилашистам, из рук гитлеровцев стал в повестке дня.

Поражения румынской армии, огромные потери и стремительное наступление Советской Армии летом 1944 г. лишили диктатуру И. Антонеску единственной опоры — армии и показали бесперспективность участия Румынии в войне на стороне Германии. Антивоенные настроения охватили всю страну, что вынудило службу безопасности, сигуранцу, признать в одном из донесений правительству: «Единственное желание народа состоит в том, чтобы война закончилась как можно скорее»⁵⁹. Кризисные явления распространяются вглубь режима, захватывая и государственный аппарат. В марте 1944 г. сигуранца доносила, что в некоторых местностях проявляется «безразличное отношение полицейских властей», ибо они, не зная, как будет обстоять дело в будущем, считают, что «лучше никому не делать зла»⁶⁰. Сам же диктатор И. Антонеску, после неудачных попыток прийти к соглашению с Англией и США⁶¹, вообще отказался от мысли покинуть гитлеровский блок и отдал приказ о «мобилизации всей нации»⁶². Потеря чувства реальности и обреченность фашистской клики И. Антонеску делали ее действия особенно опасными, несущими угрозу самому существованию румынского народа. Разруха, голод, дезертирство, ограбление Румынии гитлеровцами достигли летом 1944 г. своей высшей точки.

Рост антифашистского движения в стране, перспектива превращения ее в театр опустошительных военных действий привели буржуазных лидеров «исторических партий» и короля Михая к выводу, что монархию можно спасти только путем немедленного выхода Румынии из войны. Буржуазия, король, дворцовые круги и генералитет, пытаясь спасти свои классовые позиции и монархию, вынуждены были действовать совместно с коммунистами. Фашистская клика И. Антонеску летом 1944 г. оказывается в полной изоляции, а сокрушительное поражение немецких и румынских войск под Яссами и Кишиневом привело фашистский режим в Румынии в состояние агонии⁶³.

Приближение фронта к границам Словакии стало тем катализатором, который привел уже весной 1944 г. клерофашистский режим к полному развалу. Все пропагандистские средства фашистского режима (пресса, радио, политические курсы людацкой партии, религиозные миссии) были включены в борьбу за среднего обывателя. Но достижения их оказались ничтожны. Кризис охватывает и саму партию, увеличивается число перебежчиков, призывы И. Тисо о «возврате к духу 14 марта 1939 г.» отклика не находят. Лидер словацких немцев Ф. Кармазин характеризует в письме Гиммлеру от 19 августа 1944 г. ситуацию в Словакии как безнадежную. Он указывает на развитие партизанского движения, подчеркивая при этом, что действенных средств борьбы против него в Словакии нет. Армия разложена, жандармерия и полиция слабы, у «глинковской гвардии» нет оружия⁶⁴.

Коренные изменения в характере клерофашистского режима произошли в период Словацкого национального восстания. Если в марте 1939 г. он существовал благодаря поддержке германского империализма и его военно-политической гегемонии в Центральной Европе, то после августа 1944 г. он существует только при прямой оккупации Словакии германской армией. Словацкая клерофашистская администрация сохранилась только в тех районах, где активность повстанцев была слабой и куда удалось быстро проникнуть германским войскам⁶⁵.

В Берлине не считали нужным внешне менять свою политику в отношении марионеточного «президента» И. Тисо и его «правительства», всячески поддерживавших действия нацистов, направленные на подавление восстания. В то же время до августа 1944 г., т. е. до восстания,

требования Германии в отношении Словакии оформлялись в виде пот, а выполнение их облекалось в форму «международных отношений», но с момента восстания основную силу имеют приказы и распоряжения командующего германскими войсками. Словацкие органы выполняли только ограниченные административные функции, и то с точки зрения потребностей оккупантов⁶⁶.

Самым активным звеном клерофашистского режима становится «глинковская гвардия», реорганизованная и вооруженная нацистами. Сюда рекрутировались люмпены и преступные элементы, запятнавшие себя при депортации евреев. Кровавые следы ее рейдов остались по всей Словакии. Однако восстановить какую-либо реальную власть людаков им не удалось⁶⁷.

С выходом советских войск на Балканы летом 1944 г. кризис монархо-фашистского режима в Болгарии достигает вершины. Правящая верхушка, изолированная от масс, пыталась маневрировать, а правительство Багрянова даже заигрывать с силами Сопротивления⁶⁸. Потерпев неудачу, Багрянов превращает страну в военный лагерь, а армию в карателей, стремясь задушить партизанское движение⁶⁹, кроме того, продолжает политическое маневрирование, пытаясь установить контакты с западными союзниками⁷⁰. При этом болгарская сторона всячески затягивала переговоры, стремясь добиться легких условий и опасаясь разрыва с Германией. Не изменилось положение и с приходом к власти правительства Муравиева, представлявшего оппозиционные нефашистские круги болгарской буржуазии. Образование этого правительства было попыткой спасти классовые позиции буржуазии перед лицом создавшейся в стране революционной ситуации. Единственное, на что решилось правительство Муравиева, — это объявление о денонсации Тройственного пакта⁷¹. И только со вступлением советских войск на территорию Болгарии оно объявляет Германии войну. Эти запоздалые шаги свидетельствовали о тупике внешней и внутренней политики болгарской буржуазии. Только Народное восстание 9 сентября вывело страну из тупика, в который ее привели правящие круги монархо-фашистского режима.

Верхушка усташского режима в Хорватии летом 1944 г. предпринимает отчаянные попытки обеспечить себе алиби. В июле военный министр А. Вокич созвал вблизи Сараева тайное совещание высших офицеров, где

обсуждался вопрос о необходимости разоружения германской армии в «подходящий момент»⁷². Одновременно усташская верхушка вновь обратилась к представителям Хорватской крестьянской партии с предложением о создании коалиционного правительства, которое было бы приемлемым для Англии и США⁷³. А. Павелич знал о подобных настроениях и планах своих подручных, в том числе министров Вокича и Лорковича, но решил до поры ничего не предпринимать, считая эти планы зондажом возможного спасения «государства» и себя самого. Но уже в августе 1944 г., испугавшись возможного вмешательства нацистов, Павелич отдал приказ арестовать министров Лорковича и Вокича, а также руководителей ХКП и многих высших офицеров⁷⁴. На встрече с Гитлером 18 сентября 1944 г. он говорил, что после выхода Румынии из гитлеровского блока хорватские интеллектуалы и некоторые члены правительства настойчиво требовали принятия мер, с тем чтобы Хорватия была оккупирована англо-американскими войсками⁷⁵.

После сентябрьского восстания в Болгарии резко усилился распад хорватской армии, массовыми стали дезертирство и переход на сторону партизан. Притом это касалось не только солдатской массы, но и части офицерского состава, особенно представителей старой югославской армии⁷⁶.

Последней попыткой установления связи с представителями союзного командования в южной Италии была поездка министра Вранчица, всячески расписывавшего стратегическое значение Хорватии на Балканах, с тем чтобы англо-американские войска были как можно скорее в Загребе. Однако американцы не решились нарушить принятые обязательства на конференции в Крыму и передали делегацию Вранчица командованию Народно-освободительной армии Югославии⁷⁷. Государственный аппарат «Независимого хорватского государства» окончательно распался в ходе зимнего и весеннего наступлений НОАЮ 1945 г., а остатки армии были включены в состав вермахта⁷⁸.

Разрыв Румынии с Германией, восстание в Словакии, свержение монархо-фашистского режима в Болгарии усугубили кризис хортистского режима в Венгрии. Воспользовавшись замешательством нацистов в дни крушения режима И. Антонеску, Хорти сместил с поста премьер-министра германского ставленника Д. Стояи и назначил

вместо него генерала Лакатоша, правительство которого пыталось вывести Венгрию из войны. Однако правящие круги Венгрии во главе с Хорти ввиду своей классовой ослепленности потеряли всякую возможность правильной оценки создавшегося положения и дальнейших перспектив режима. На большее, чем закулисные переговоры с представителями Англии и США, они не были способны⁷⁹, ничего реального при этом не добились, ибо западные союзники могли им только рекомендовать «обратиться к русским»⁸⁰.

Вынужденный под давлением сторонников немедленно выйти из войны обратиться к советским представителям, М. Хорти так и не решился на разрыв с Германией. Видя полную неспособность регента даже номинально управлять страной и служить интересам Германии, гитлеровцы организовали «путч» крайних фашистских элементов, нилашистов, во главе с Ф. Салаши 15 октября 1944 г. и передали власть ему⁸¹.

Режим Салаши практически не имел никакой опоры в массах и держался только на безудержном терроре, в осуществлении которого нилашисты превзошли даже своих «учителей», нацистов. Государственное же «управление» заключалось в систематическом грабеже и «тотальных мобилизациях»⁸².

Крушение фашистских режимов в Венгрии, Румынии, Болгарии, Словакии и Хорватии на заключительном этапе второй мировой войны наиболее ярко продемонстрировало бесславный конец эры буржуазии как ведущей силы наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Антинародный и антинациональный характер ее правления стал очевиден для народных масс. Распад этих режимов под ударами Советской Армии и революционных сил внутри самих стран региона стал предвестником национально-демократических и социалистических революций в указанных странах, прихода к руководству нациями новых общественных сил во главе с пролетариатом и его авангардом — коммунистическими партиями.

¹ *Ránki G.* Az ellenforradalmi rendszér társadalmi bázisairál.— *Történelmi Szemle*, 1962, N 3/4, 353—370. old.

² *Márkus L.* Über den Charakter der herrschenden Elite des Horthy — Regimes.— *Acta historica*, Budapest, 1972, t. 18, N 1/2, S. 119—146.

³ *Пон И. И.* Чехословацко-венгерские отношения (1935—1939). М.: Наука, 1972, с. 3—8; *Fabian J.* Svätoštiepanské tiene. Telekiho zahraniční politika a Slovensko 1939—1941. Bratislava: Vydavateľstvo politickej literetury, 1966, s. 8—23.

- ⁴ *Пушкаш А. И.* Венгрия в годы второй мировой войны. М.: Наука, 1966, с. 62.
- ⁵ *Вознесенский В. Д.* Царь Борис, Гитлер и легионеры.— Новая и новейшая история, 1971, № 1, с. 81—85.
- ⁶ См.: *Тошкова В.* България и третият райх 1941—1944: (Политически отношения). София: Наука и изкуство, 1975.
- ⁷ *Вознесенский В. Д.* Указ. соч.— Новая и новейшая история, 1971, № 1, с. 88—91.
- ⁸ *Валев Л. Б.* Болгарский народ в борьбе против фашизма: (Накануне и в начальный период второй мировой войны). М.: Наука, 1964, с. 92—96.
- ⁹ *Язькова А. А.* Румыния накануне второй мировой войны. 1934—1939. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 225—234.
- ¹⁰ Румыния в годы народно-демократической революции 1944—1947. М.: Прогресс, 1974, с. 43—44.
- ¹¹ *Лебедев Н. И.* «Железная гвардия», Кароль II и Гитлер. М.: Наука, 1968, с. 303—317.
- ¹² *Лебедев Н. И.* Крах фашизма в Румынии. М.: Наука, 1977, с. 316—318; *Hillgruber A.* Hitler, König Karol und Marschall Antonescu. Weisbaden: Steiner, 1954, S. 112—126.
- ¹³ *Dress H.* Slowakei und faschistische Neuordnung Europas 1939—1941. Berlin: Akademie — Verlag, 1972, S. 56—76; *Colić M.* Takozvana Nezavisna Država Hrvatska. 1941. Beograd, Rad; 1973.
- ¹⁴ *Príspevky k dejinam fašizmu v Československu a Maďarsku.* Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej Akadémie vied, 1969, s. 90—93.
- ¹⁵ *Пушкаш А. И.* Указ. соч., с. 122, 355—359; *Вознесенский В. Д.* Указ. соч.— Новая и новейшая история, 1971, № 2, с. 89—98; *Лебедев Н. И.* Крах фашизма в Румынии, с. 318; *Kaiser G.* Die Politik des Dritten Reichs gegenüber der Slowakei 1939—1945. Bochum: Westdeutsche Verlag, 1969.
- ¹⁶ *Studia historica slovaca.* Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1969, t. VI, s. 123—135.
- ¹⁷ История Венгрии. М.: Наука, 1972, т. 3, с. 338—339; *Вознесенский В. Д.* Указ. соч.— Новая и новейшая история, 1971, № 2, с. 90.
- ¹⁸ *Hoensch J. K.* Die Slowakei und Hitlers Ostpolitik. Köln; Graz: Böhlau Verlag, 1965, S. 334—357.
- ¹⁹ См. подробнее: *Телегин Ф. Н.* Использование фашистской Германией экономического потенциала оккупированных и зависимых государств Европы во второй мировой войне: Дис..., канд. истор. наук. М., 1973.
- ²⁰ *Jędruszczyk T.* Europa Środkowa w przededniu drugiej wojny światowej (1933—1939).— *Dzieje najnowsze*, 1971, N 1/2, s. 9.
- ²¹ Румыния в годы народно-демократической революции 1944—1947, с. 46.
- ²² *Пушкаш А. И.* Указ. соч., с. 130.
- ²³ *Вознесенский В. Д.* Указ. соч.— Новая и новейшая история, 1971, № 2, с. 91—92.
- ²⁴ История Венгрии, т. 3, с. 385; *Венков И.* Революционната ситуация в България през втората световна война. София: Партиздат, 1977, с. 64—72.
- ²⁵ *Пушкаш А. И.* Указ. соч., с. 218—222.
- ²⁶ История Венгрии, т. 3, с. 382; *Лебедев Н. И.* Крах фашизма в Румынии, с. 348; *Slovensko, Dejiny*, Bratislava; *Obzor*, 1971, s. 738—743.

- ²⁷ Slovensko. Dejiny, s. 733; Odboj a revoluce 1938—1945. Praha: Academia, 1965, s. 147.
- ²⁸ Hory L., Broszat M. Der Kroatische Ustascha — Staat 1941—1945. Stuttgart: Deutsche Verlag — Anstalt, 1964, S. 58—75, 107—122.
- ²⁹ Slovenské národné povstanie roku 1944. Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1965, s. 24.
- ³⁰ Пушкаш А. И. Указ. соч., с. 240—259; Вознесенский В. Д. Указ. соч. — Новая и новейшая история, 1971, № 2, с. 91—96; Лебедев Н. И. Крах фашизма в Румынии, с. 342—355.
- ³¹ История Венгрии, т. 3, с. 383—384.
- ³² Лебедев Н. И. Крах фашизма в Румынии, с. 348.
- ³³ Там же, с. 355.
- ³⁴ Slovenské národné povstanie roku 1944, s. 21.
- ³⁵ Румыния в годы народно-демократической революции 1944—1947, с. 51.
- ³⁶ Пушкаш А. И. Указ. соч., с. 363—364.
- ³⁷ Там же, с. 315, 318, 349.
- ³⁸ Димитров И. Буржоазната оппозиция в България 1939—1944 гг. София: Наука и изкуство, 1969, с. 98—100.
- ³⁹ Там же, с. 100.
- ⁴⁰ Там же, с. 107.
- ⁴¹ Лебедев Н. И. Крах фашизма в Румынии, с. 412.
- ⁴² Frissner H. Verratene Schlachten. Die Tragödie der deutschen Wehrmacht in Rumänien und Ungarn. Hamburg: Holsten — Verlag, 1956, S. 44.
- ⁴³ Kallay M. Hungarian Premier. A Personal Account of a Nations Struggle in the Second World War. New-York, 1954, p. 397—406.
- ⁴⁴ Димитров И. Указ. соч., с. 100—101.
- ⁴⁵ Георгиев В. Опитът на монархо-фашизма да създаде държавна партия (1943—1944). — Векове, 1975, № 2, с. 25—27.
- ⁴⁶ Димитров И. Указ. соч., с. 130—134; Димитров И. Указ. соч., с. 118—120.
- ⁴⁷ Димитров И. Указ. соч., с. 118—120.
- ⁴⁸ Лебедев Н. И. Крах фашизма в Румынии, с. 429.
- ⁴⁹ Там же, с. 414—416.
- ⁵⁰ Румыния в годы народно-демократической революции 1944—1947, с. 51.
- ⁵¹ Studia historica slovaca, t. VI, s. 138—150.
- ⁵² Гусак Г. Свидетельство о словацком национальном восстании. М.: Политиздат, 1969, с. 102, 111—113.
- ⁵³ Butić F. O nekim političkim akcijama u NDH uoči njezima slo-ma. — Putovi revolucije, Zagreb, 1966, N 7/8, s. 187—193.
- ⁵⁴ Krizman B. Vodstvo Trećeg Reicha i raskorak u ocjenivanju situa-cije u Hrvatskoj (1941—1944). — Jugoslovenski istorijski časopis, 1975, N 3/4, s. 97.
- ⁵⁵ Израэлян В. П., Кутаков Л. Н. Дипломатия агрессоров. Германо-итало-японский фашистский блок. История его возникновения и краха. М.: Наука, 1967, с. 329—333; Вознесенский В. Д. США, Англия и выход Болгарии из войны в 1944 г. — Новая и новейшая история, 1968, № 4, с. 99—110; Лебедев Н. И. Крах фашизма в Румынии, с. 450—456; Butić F. O nekim političkim akcijama..., s. 192—193; Korom M. Horthy Kisérlete a háboruból való ki-válásra és a szövetséges nagyhatalmak politikája. — Századok, 1974, N 4, 836—878 old.

- ⁵⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1946, т. 2, с. 132—133.
- ⁵⁷ История Венгрии, т. 3, с. 395—406; *Hillgruber A.* Deutschland und Ungarn 1933—1944. Ein Überblick über die politischen und militärischen Beziehungen im Rahmen der europäischen Politik.— *Wehrwissenschaftliche Rundschau*, 1959, N 10, S. 661—670.
- ⁵⁸ *Пушкаш А. И.* Указ. соч., с. 428—429.
- ⁵⁹ *Лебедев Н. И.* Крах фашизма в Румынии, с. 462.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ История дипломатии. М.: Госполитиздат, 1975, т. 4, с. 432—433.
- ⁶² *Лебедев Н. И.* Крах фашизма в Румынии, с. 457.
- ⁶³ Освобождение Юго-Восточной и Центральной Европы. М.: Наука, 1970, с. 92.
- ⁶⁴ *Slovenské národné povstanie roku 1944*, с. 43.
- ⁶⁵ *Ibid.*, с. 44.
- ⁶⁶ *Jelinek J.* Denník Dr. Štefana Tisu.— *Historický časopis*, 1970, č. 2, s. 270—287.
- ⁶⁷ *Slovensko. Dejiny*, s. 795—797.
- ⁶⁸ *Божинев В.* Политическата криза в България през 1943—1944. София: Изд.-во на БАН, 1957, с. 74—77.
- ⁶⁹ *Божинев В.* Указ. соч., с. 100—110; *Венков Й.* Революционната ситуация в България през втората световна война. София: Партиздат, 1977.
- ⁷⁰ *Вознесенский В. Д.* США, Англия и выход Болгарии из войны в 1944 г., с. 105—107.
- ⁷¹ *Димитров И.* Указ. соч., с. 203.
- ⁷² *Basta M.* Agonija i slom Nezavisne Države Hrvatske. Beograd: Rad, 1971, s. 194.
- ⁷³ *Butić F.* O nekim političkim akcijama..., s. 188—192; *Basta M.* Agonija i slom..., s. 194.
- ⁷⁴ *Basta M.* Agonija i slom..., s. 194.
- ⁷⁵ *Krizman B.* Vodstvo Trećeg Reicha..., s. 98.
- ⁷⁶ *Ibid.*, s. 99.
- ⁷⁷ *Basta M.* Agonija i slom..., s. 195—200.
- ⁷⁸ *Hory L., Broszat M.* Der Kroatische Ustascha — Staat 1941—1945, S. 130—175.
- ⁷⁹ *Korom M.* Horthy kisérléte a háboruból való kiválásra..., 850—478. old.
- ⁸⁰ История Венгрии, т. 3, с. 439.
- ⁸¹ *Korom M.* Möglichkeiten und Absichten einer ungarischen Umstellung in der zweiten Hälfte des Monats Oktober 1944.— *Annales Universitatis Budapestiensis de Rolando Eötvös Nominatae, Sectio historica*, 1974, t. 15, S. 167—195.
- ⁸² *Teleki E.* Nyilas uralam Magyarországon (1944. október 16.—1945. április 4.). Budapest: Kossuth könyvkiadó, 1974.

**К ВОПРОСУ
О СКЛАДЫВАНИИ АНТИФАШИСТСКИХ ПОЗИЦИЙ
КЛАССОВ И ОСНОВНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП
ПОЛЬШИ, ЧЕХОСЛОВАКИИ И ЮГОСЛАВИИ
В ГОДЫ ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ**

Вторая мировая война, развязанная фашистской Германией, оставила тяжелый и глубокий след в истории человечества: 50 млн. погибших, десятки миллионов калек, вдов, сирот, сотни тысяч разрушенных городов и сел, колоссальный материальный ущерб¹. Такую дань заплатили народы за то, чтобы преградить фашизму путь к мировому господству, не допустить осуществления нацистских чудовищных планов уничтожения государств и истребления наций.

В годы войны десятки миллионов людей, представителей многих народов, выходцев из разных слоев, сторонников различных идейных, политических, национальных и религиозных убеждений стали антифашистами. Ониполнили ряды тех твердых и решительных противников и борцов против фашизма, кто еще в межвоенное время увидел в фашизме источник реакции и мракобесия, войны и насилия, несчастий и гибели народов, кто призвал народы к объединению в борьбе с фашизмом².

Одним из многих факторов, под воздействием которых рождался противостоящий фашизму антифашизм и формировался широкий антифашистский фронт народов, была оккупационная политика, которую фашистские оккупанты проводили на землях захваченных ими стран и которая именовалась «новым порядком». Смысл «нового порядка» состоял в том, чтобы, с одной стороны, организовать жесточайшую эксплуатацию экономического потенциала и покоренного населения для обеспечения победы и утверждения «тысячелетней германской империи». С другой стороны, «новый порядок» должен был поставить народы в такие условия, которые исключили бы возможность сопротивления и складывания единого лагеря, противостоящего оккупантам³.

В оккупированных Германией и ее союзниками странах Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы

фашистский «новый порядок» насаждался в наиболее страшных и, как правило, ничем не прикрытых формах⁴. Именно здесь он означал попытку осуществить самые чудовищные намерения нацистов.

Славянское и еврейское население было отнесено фашистами к категории «недочеловеков», не имеющих права ни на национальное, ни на физическое существование.

Как известно, в начале 40-х годов Польша, Чехословакия и Югославия уже не существовали как самостоятельные государства⁵. Захват этих стран и расширение германского «жизненного пространства» стимулировали усилия нацистских «экспертов», занятых разработкой проектов «решения» национальных проблем и «преобразования» захваченных территорий.

Основные положения всех фашистских разработок, возникших в конце 30-х — начале 40-х годов, были подчинены выполнению следующих задач: 1) методическое уничтожение национального облика захваченных территорий, национального самосознания покоренных народов; 2) ассимиляция незначительной доли местного населения и немецкая колонизация части этих земель; 3) безжалостное истребление в первую очередь политических и общественных деятелей почти всех направлений и национальной интеллигенции; 4) физическое уничтожение большого числа непригодных к германизации представителей обреченных народов; 5) превращение почти всех захваченных земель в аграрные придатки Германской империи⁶.

В наиболее откровенной форме фашистские намерения в отношении славянских народов излагались в документации, связанной с созданием «Генерального плана Ост»⁷.

Положив эти планы в основу оккупационной политики в захваченных странах, фашисты попытались осуществить их практически, руководствуясь при этом текущими нуждами и задачами гитлеровской Германии. Это определило специфику оккупационного режима в Польше, Чехословакии и Югославии, а также на отторгнутых и объявленных фашистами немецкими территориями польских, чешских и югославских землях, где уже во время войны спешно осуществлялись насильственная германизация, методическая колонизация и массовые выселения «иноплеменников»⁸.

В генерал-губернаторстве, протекторате Словакии и на оккупированных югославских землях попытки колони-

зации и германизации населения носили пробный и региональный характер, масштабы и интенсивность их были тоже различны. Процессы германизации и колонизации этих территорий были запланированы на будущее и должны были протекать более замедленными темпами и поэтапно. Наиболее активно политика германизации и колонизации проводилась оккупантами в Польше⁹. На включенных в состав рейха польских землях она была столь интенсивна, осуществлялась такими темпами и в таких масштабах, в каких не имела места ни в одной из оккупированных стран капиталистической Европы. Что касается генерал-губернаторства, то здесь главное направление «национальной» политики оккупантов определялось их ближайшей целью — задуть национальное сознание, подавить национальную жизнь польского общества, применяя при этом наиболее варварские инструменты антипольской политики, начиная с запрета печати на польском языке и кончая физическим уничтожением интеллигенции¹⁰.

Такая политика и программа национального удушения представляла смертельную опасность для всего польского общества. Она в равной мере угрожала рабочему и предпринимателю, безземельному крестьянину и землевладельцу, сельскому учителю и чиновнику высокого ранга, оказавшимся после сентябрьской катастрофы в одинаковых условиях — «повсеместности террора, нужды и своеобразного управления, именуемого равенством в беде»¹¹. Смысл ее не оставлял никаких сомнений для поляков, которые видели массовое уничтожение еврейского населения в генерал-губернаторстве в ходе «окончательного решения еврейского вопроса», понимали смысл выселений в Замостье и на присоединенных землях.

С первых дней оккупации прямое воздействие так называемой национальной политики гитлеровцев испытали революционные и передовые круги Польши, национальная интеллигенция, а также широкие массы политических и общественных активистов вне зависимости от их убеждений и социальной принадлежности. Именно против них были направлены репрессии, ставшие в течение нескольких первых месяцев оккупации массовыми карательными акциями. Тысячи коммунистов, социалистов, членов крестьянской партии — людовцев были физически уничтожены гитлеровцами. В ходе специальной акции «А—Б» ок-

купанты истребили более 3 тыс. представителей польской интеллигенции¹². Процесс национально-политического обезглавливания польского общества путем специальных репрессивных мер представлял собой жесточайшее подавление и физическое уничтожение любых реальных и потенциальных противников нацизма, террор против участников многоликого по формам движения Сопротивления. Террор в Польше не был ответом на сопротивление. Он был инструментом запланированного биологического уничтожения польского народа. Гитлеровцы бросали тысячи поляков в тюрьмы и концлагери, расстреливали и вешали за «неблагонадежность», за патриотические настроения, за нежелание работать на войну, за любое невыполнение распоряжений властей, за неуплату налогов и несдачу сельскохозяйственных поставок, просто за польскую национальную принадлежность. В сложившихся исторических условиях вопрос защиты перед биологическим уничтожением становился важнейшим для каждого поляка, он воздействовал на формирование антиоккупационного, антигитлеровского единения нации. Как пишет современный польский историк Ф. Рышка, «давление гитлеровской оккупационной машины, охватившей всех поляков, влияло на цементирование национального единства. Никогда раньше понятие „поляк“ не значило так много»¹³.

«Национальная» программа фашизма относительно чешской нации была по своим конечным целям близка «решению польского вопроса»¹⁴. Многочисленные документы, подготовленные нацистами в годы войны, публичные высказывания высших гитлеровских чиновников свидетельствуют о том, что согласно намерениям нацистов и чешская нация должна была исчезнуть в процессе постепенной ассимиляции, колонизации и выселений¹⁵. Таким образом, потенциальная угроза нависла, как и в Польше, над всем чешским народом. Это делало возможным формирование широкого фронта патриотических сил, противостоящих фашистским оккупантам.

Во время войны, будучи крайне заинтересованными в мощном экономическом потенциале высокоиндустриальных Чешских земель, делая ставку на его использование, гитлеровцы проводили оккупационную политику, существенно отличавшуюся от их деятельности на польских землях именно в плане национальном. Нанесенный в самом начале оккупации удар большому отряду

чешской интеллигенции — государственным служащим, офицерству, учителям, преподавателям высших школ, студенчеству — должен был демонстрировать и демонстрировал жестокость, безжалостность и силу оккупационного аппарата подавления и принуждения¹⁶. Скрытые и довольно ограниченные по масштабам репрессии были рассчитаны не на физическое уничтожение нации, а на устрашение чешского общества, на создание «спокойной» обстановки в протекторате¹⁷. Темпы, масштабы, глубина и интенсивность национального подавления были здесь иными. Определенный расчет делался на привлечение некоторых слоев чешского общества на сторону Германии и фашизма и на педопущение развития процесса национального сплочения чехов на антиоккупационной, антифашистской основе. Имея это в виду, современный западногерманский исследователь назвал гитлеровскую политику в протекторате «коварным приглашением к продажности; твой народ испытает польскую судьбу, ты можешь избежать ее, если признаешь себя немцем»¹⁸. Эта достаточно верная характеристика требует все-таки некоторого уточнения: признание или непризнание «немцем» зависело не от желаний или нежелания чеха стать «немцем», а от потребностей и решения оккупационной администрации. Гитлеровцы оставляли за собой первое и последнее слово в решении вопроса о жизни или гибели чехов. Что же касается реальной «национальной» политики оккупантов в протекторате, то опять же в отличие от ситуации на захваченных польских землях нацисты применяли здесь в годы войны главным образом эластичные, более завуалированные методы правления. Ограничения культурной и национальной жизни вводились постепенно, с некоторой долей осторожности, активно использовались чешские коллаборационисты. Преследуя совершенно конкретные военно-стратегические и экономические цели и сделав ставку на пробуждение и развитие коллаборационизма в чешском обществе, в целом враждебно встретившем оккупацию, о чем свидетельствовали массовые национально-патриотические демонстрации в протекторате осенью 1939 г.¹⁹, оккупанты допустили существование чешской «власти», чешской школы, чешской печати, употребление чешского языка. Это создавало внешне чешский облик протектората и было рассчитано на формирование иллюзий относительно национальной автономии протектората среди чешского населения. Оккупационный режим, уста-

новленный гитлеровцами в протекторате, был как бы прикрыт оболочкой «нормально живущего общества»²⁰. Последнее в известной мере оказывало, хотя и временное, влияние на настроения различных социальных слоев чешского общества. Это сдерживало, особенно в начальный период оккупации, развитие процесса активного складывания антифашистских позиций чешского населения протектората. Некоторые круги средних слоев города, наименее сознательная политически часть рабочего класса, индифферентные слои крестьянства и отдельные отряды национальной интеллигенции и служащих поначалу заняли позицию выжидания, пассивного приспособления к сложившимся условиям, движимые надеждой таким путем сохранить свой язык, культуру и саму нацию от уничтожения²¹.

Те круги рабочего класса и интеллигенции, которые еще до войны шли за коммунистической партией и левыми социал-демократами, с самого начала реально оценивали политику оккупантов и включались в борьбу с ними²².

Развитие общей стратегической обстановки в Европе, в особенности ход военных действий на советско-германском фронте и военно-политическое укрепление антигитлеровской коалиции, участницей которой с самого начала была и Чехословакия, прямо воздействовали на ситуацию в протекторате, вызывая активизацию патриотических настроений среди представителей различных классов и социальных групп чешского общества.

Интенсификация античешской оккупационной политики с осени 1941 г.²³, когда, не разрушая внешнего фасада «автономного протектората», гитлеровцы приступили к постепенной ликвидации атрибутов этой «автономии», применение жестоких репрессий и карательных экспедиций, усиление экономической эксплуатации чешского населения способствовали закреплению и систематическому проявлению антигитлеровских настроений в протекторате.

Самые широкие круги чешского общества все отчетливей осознавали страшную угрозу, нависшую над существованием всей нации. Постепенно в протекторате складывался тот внутренний национально-политический климат, который свидетельствовал о провале оккупационной политики, рассчитанной на использование коллаборационизма и на создание атмосферы национальной и политической индифферентности в чешском обществе в целом.

Саботаж, диверсии, забастовки, национальные манифестации как формы борьбы с оккупантами становились частыми и массовыми явлениями в протекторате ²⁴.

Создание так называемой Словацкой республики, которая не считалась оккупированной территорией, но находилась в глубокой зависимости от Германии, представляло собой политический маневр, рассчитанный на использование словацкого сепаратизма ²⁵, на поддержание античешских и пронацистских настроений в некоторых, прежде всего буржуазных и мелкобуржуазных, кругах словацкого общества, на доказательство внутренней нежизнеспособности Чехословакии, на сдерживание антигитлеровских и антифашистских настроений в Словакии, на усыпление словацкого общества фактом получения «независимости» ²⁶.

Постепенно истинные цели Германии, намерения германизации словацкого общества, задачи подчинения экономики Словакии нуждам гитлеровского рейха становились все более ясными даже тем, кто поддерживал клерофашизм, кто наживался на военных заказах, обеспечивавших временно благоприятную экономическую обстановку в Словакии. Возникшие в Словакии настроения «национальной победы» ²⁷ претерпевали заметную эволюцию, изменялась общественно-политическая атмосфера в стране. Угасал националистический угар, исчезал определенный «подъем» среди некоторых кругов словацкого общества, вызванный созданием «независимой» Словакии ²⁸, рушились надежды на развитие национальной экономики в связи с ликвидацией мощного чешского «партнера» и конкурента. Нарастало недовольство политикой клерофашистского правительства, проводившего фашизацию внутренней жизни по нацистскому образцу, шедшего полностью вслед за гитлеровской Германией, демонстрировавшего свою национальную и государственную несамостоятельность ²⁹.

Среди словацкого рабочего класса, эксплуатировавшегося теперь собственной национальной буржуазией, среди крестьянства, не получившего обещанной земли, интеллигенции формировалось негативное отношение к клерофашизму, превратившему Словакию в марионетку гитлеровской Германии, укреплялись патриотические настроения, росла уверенность в освобождении страны от фашизма армией Страны Советов.

Захватив и расчленив Югославию, гитлеровцы по существу повторили на Балканах словацкий вариант раскола страны изнутри, выделив «независимое государство Хорватию» среди прочих оккупированных и аннексированных югославских территорий. Сохранение местных «органов власти» и «правительств» и в «независимом государстве Хорватии» и в оккупированной Сербии призвано было способствовать разобщению и стравливанию югославских народов³⁰. Ставка делалась на шовинистические и сепаратистские настроения некоторых, главным образом буржуазных и мелкобуржуазных, кругов югославского общества. Гитлеровская «национальная» политика в отношении народов Югославии была направлена на ликвидацию их национального облика, исторических и экономических особенностей, на уничтожение любых возможностей существования многонационального государства³¹.

Одним из составных элементов этой политики были разжигание национальной вражды, вытравливание национального самосознания, чувства славянской общности среди народов, населявших довоенную Югославию. Такая политика проводилась не только оккупантами, но и их местными приспешниками, например хорватскими усташами, осуществлявшими по согласованию с оккупантами массовые истребления и выселения сербов и словенцев³².

«Национальная» политика оккупантов в Югославии преследовала цель не только подавить самосознание народов этой страны, лишить их возможности национального возрождения в будущем (для этого систематически уничтожалась та часть интеллигенции, которая не встала на путь коллаборационизма). Эта политика имела еще и большую долю открыто классового, социально-политического содержания. Речь шла о том, чтобы, провоцируя национальные столкновения, ставя в разные условия, например, сербов и хорватов, взорвать быстро складывающееся и крепнущее единство всех народов Югославии в борьбе с фашистами под руководством наиболее их решительных идейных противников — коммунистов³³. Национальное противостояние оккупантам в Югославии поднималось на более высокую ступень, сливаясь с противостоянием классовым к оккупантам и собственной буржуазии.

Таким образом, в Чехословакии, Польше и Югославии «национальная» политика фашистских оккупантов пре-

следовала одну, главную цель — подавить способность народов к самостоятельному национальному существованию, парализовать способность народов к борьбе за это существование. «Национальная» программа и реальная политика оккупантов представляли собой прямую угрозу для всех слоев местного славянского и еврейского населения этих стран, поскольку были направлены на уничтожение наций, на духовную деградацию и физическое истребление людей, отнесенных к «низшей расе». Перед реальной или потенциальной угрозой физической гибели в странах Центральной и Юго-Восточной Европы оказались прежде всего широкие трудящиеся массы, тысячи рабочих — членов коммунистических и социалистических партий, профсоюзные деятели, крестьянство, национальная интеллигенция города и деревни, не мирившаяся с разворачивавшимся процессом национального подавления.

Фашистский оккупационный режим придал необычайную остроту национальному вопросу на всех покоренных землях³⁴. Проблема дальнейшего национального существования вставала для всех представителей национальных обществ. Это создавало условия для национального сплочения, определило главного противника, одно направление борьбы, подталкивало к одной, антиоккупационной позиции представителей различных социальных групп и классов.

В известной мере оккупационная «национальная» политика на время смягчила социально-политические, классовые конфликты. Но противоречия между классами и различными социальными группами внутри каждого национального общества в процессе национального единения с целью борьбы с фашистскими оккупантами не были ликвидированы. Это проявлялось в том, какие задачи ставили перед собой различные общественные силы, участвовавшие в движении Сопротивления, какие формы и методы борьбы они избирали, какие предлагали программы и пути к освобождению своих стран. По мере того как угроза национальной гибели осознавалась самыми широкими слоями народа, по мере того как рабочий класс, крестьянство, патриотическая интеллигенция и мелкая буржуазия города все активней и шире включались в борьбу, не смирившись с фактом потери независимости и с перспективой национальной гибели, имущие слои Польши, Чехословакии и Югославии все более отказывались от защиты национальных интересов, отходили от

общенациональных лозунгов. Быстро и отчетливо это проявилось в Югославии, где борьба за национальное освобождение теснейшим образом переплелась с борьбой за освобождение социальное под руководством революционного пролетарского авангарда³⁵. Это ставило национальное антиоккупационное, антифашистское единение югославских народов на качественно иную, более высокую ступень. Представители господствующих классов оккупированных стран этого региона Европы, хотя зачастую и участвовали в сопротивлении, на первый план поставили спасение своих классовых позиций, а не общенациональных интересов. Городская промышленная и финансовая буржуазия, крупные землевладельцы активно шли на сотрудничество с оккупантами, если последние допускали это сотрудничество. На предательство национальных интересов пошли: подавляющая часть крупной чешской буржуазии, наживавшаяся на милитаризации экономики; словацкая буржуазия, пытавшаяся использовать конъюнктуру военного времени; югославские имущие классы, видевшие в оккупантах своих прямых союзников в борьбе с восставшими народными массами³⁶. В целом буржуазия проявила себя как реакционная и как антинациональная сила. Только незначительные отряды национальной буржуазии Чехословакии и Югославии, движимые патриотическими настроениями и убеждениями, выступали противниками оккупантов. При этом они пытались, подчеркивая национально-государственный характер движения Сопротивления, увести народные массы от общественно-политических задач борьбы за освобождение от фашистской оккупации³⁷.

Специфической были ситуация и позиции польских имущих слоев, которые с начала оккупации, как и вся нация, оказались перед угрозой физического уничтожения. Политика оккупационной администрации на польских землях не оставляла никакого выбора позиции для всей польской нации, включая имущие классы, кроме сопротивления оккупантам³⁸. Она обостряла чувство общности судьбы всех представителей польского народа, она воздействовала на складывание общенационального стремления к борьбе за сохранение нации³⁹. Довольно устойчивые антигитлеровские, антифашистские, антиоккупационные позиции польских господствующих классов объяснялись именно отсутствием возможности маневра или выбора в конкретных условиях оккупации, перспек-

тивной не только национального, но и физического уничтожения.

Иной была ситуация большого числа представителей бывших господствующих классов Чехословакии и Югославии, которые всеми силами стремились приспособиться к условиям, созданным оккупантами, видели в коллаборационизме возможность пережить «нелегкие времена» и сохранить свои экономические позиции. Мелким и средним собственникам это, как правило, не удавалось.

В значительной мере позиции национальных имущих слоев обуславливались деятельностью оккупантов в сфере экономики. Положение, материальная ситуация и настроения различных социальных групп и прослоек во всех оккупированных странах зависели от этого направления оккупационной политики. Для имущих классов оно имело весьма важное, если не решающее значение. Полностью лишив поляков права собственности в городе и деревне на включенных в состав Германии польских землях, захватив государственную и частную собственность в ключевых отраслях хозяйства генерал-губернаторства, нацисты перешли затем к массовому уничтожению среднего и мелкого польского капитала в ходе так называемой ликвидационной акции⁴⁰ и создали условия для практической ликвидации польского предпринимательства вообще. Почти полное отсутствие возможности сотрудничать с оккупантами в сфере экономики усиливало антигитлеровскую позицию польской буржуазии и создавало в условиях оккупации вариант определенного (как показала история — временного) совпадения классовых интересов и позиций польской буржуазии с интересами общенациональными. Последнее, однако, не исключало краткосрочного экономического сотрудничества отдельных представителей польской буржуазии с нацистами и ни в коем случае не ликвидировало жесточайшей классовой эксплуатации ею своих соплеменников — рабочих, мелких собственников города, обнищавшую интеллигенцию. В несколько иные условия оккупанты поставили польскую земельную аристократию и сельскую буржуазию генерал-губернаторства. Здесь, контролируя различными способами все крупные земельные владения, оккупанты захватили в свои руки лишь $\frac{1}{3}$ помещичьих имений⁴¹. Это было ослабление позиций, но не ликвидация помещичьего землевладения⁴². В генерал-губернаторстве, которое было одним из главных резервуаров продовольствия для гитле-

ровской Германии, товарную продукцию могли давать крупные земельные собственники—помещики и кулачество, поэтому гитлеровцы вынуждены были сохранять налаженное производство в их хозяйствах. Кроме того, в условиях войны немецкие колонизационные и германизаторские мероприятия носили на этих польских землях пробный и локальный характер, в связи с чем угроза полной потери имущества была здесь несколько отдаленной⁴³, что создавало некоторую платформу для сотрудничества крупных земельных собственников с оккупантами. Но и среди названных категорий польских господствующих классов были широко распространены антиоккупационные, антигитлеровские настроения, вытекавшие из понимания угрозы, нависшей над существованием польской нации и польского государства, государства именно буржуазии и помещиков. Последним и объясняется их участие в буржуазном лагере Сопротивления. Политическая линия, формы борьбы, программы этого лагеря были свидетельством того, что фашистский оккупационный режим на польских землях не повлиял на изменение довоенных антидемократических и антисоветских, т. е. антинациональных, позиций польской буржуазии⁴⁴.

Пытаясь выиграть у левых сил бой за руководство обществом; польская буржуазия вновь эксплуатировала национальные лозунги. В политических программах буржуазного лагеря Сопротивления имело место полное подчинение общенациональных задач классовым интересам имущих слоев. По мере приближения часа освобождения, по мере радикализации польского общества, особенно рабочего класса и крестьянства, и укрепления влияния левых революционных сил антинациональные позиции буржуазных сил становились все более явными⁴⁵. Глубоко патриотические и последовательно антифашистские позиции занимала польская левая, возглавляемая Польской рабочей партией. Объективно оценивая историческое содержание и задачи момента, только эта партия выработала и предложила польскому народу программу подлинного национального и социального освобождения⁴⁶.

Утверждение экономических позиций германского капитала в протекторате протекало путем его проникновения в ключевые отрасли чешской экономики. При этом оккупанты обеспечили себе полный контроль над промышленностью протектората⁴⁷.

Положение чешских господствующих классов объективно было противоречивым. С одной стороны, нацисты пока не осуществляли полной ликвидации чешского капитала. Напротив, они рассчитывали на сотрудничество германских монополий и владельцев мощной чешской промышленности. Для этого существовал инструмент чешской «власти». Крупная чешская промышленная и финансовая буржуазия использовала заинтересованность гитлеровцев в производстве военной продукции, приспосабливалась к условиям, диктуемым из «рейха» и даже увеличивала свои прибыли. Не испытывали особых тягот оккупации крупные чешские землевладельцы и сельская буржуазия. Но, с другой стороны, наблюдался непрерывный процесс перехода части чешского капитала в немецкие руки в ходе так называемой ариизации⁴⁸, конфискации, принудительного управления и «выкупа». Имел место захват чешской собственности в Судетах, в Словакии, за пределами буржуазной Чехословакии. В результате этого чешская крупная буржуазия все-таки утрачивала свои господствующие позиции. Она была уже не безраздельным хозяином страны, а лишь исполнителем чужой воли. Сохранение или потеря собственности чешскими капиталистами зависели лишь в малой степени от действия экономических законов капитализма. Значительно большей, а может быть решающей, была национально-политическая зависимость — отношение чешского буржуа к оккупантам и антифашистскому подполью, объявленная нацистами «расовая ценность» конкретного лица, заинтересованность или незаинтересованность в сохранении его имущества и т. п. Допускаемое и поддерживаемое нацистами сотрудничество крупной чешской буржуазии с германскими монополиями воздействовало на иной процесс внутри класса чешских собственников — на усиление некоторых влиятельных, связанных с военным производством групп за счет средних и мелких предпринимателей. На фоне усиления с осени 1941 г. общей античешской направленности оккупационного режима в протекторате акция оккупационных властей по концентрации производства и ликвидации мелких и средних чешских предприятий оказала серьезное воздействие на национально-политическую позицию этой категории чешских собственников⁴⁹. Все это вместе взятое влияло на складывание политических позиций представителей чешской буржуазии. Как считают чехословацкие исследова-

тели, чешская буржуазия стояла перед дилеммой: позиция патриота и гражданина требовала отказаться от сотрудничества с оккупантами и саботировать их усилия по наращиванию военной мощи Германии; классовые же интересы диктовали такое сотрудничество⁵⁰. Политическая дифференциация действительно имела место среди крупной чешской буржуазии протектората, одно крыло которой участвовало в движении Сопротивления. Представителем этого крыла было чехословацкое эмигрантское правительство в Лондоне, возглавлявшееся Э. Бенешем. В итоге антифашистская часть национальной буржуазии Чешских земель вошла в Национальный фронт чехов и словаков⁵¹. Но на антифашистские позиции переходили далеко не все. Большая часть, особенно крупной чешской буржуазии, занимала активно и открыто коллаборационистские позиции, противоречащие общенациональным интересам.

Иной была ситуация словацких буржуазных и мелкобуржуазных слоев, которые составляли массовую базу клерофашистского режима, спекулировавшего на античешских, антисемитских настроениях и религиозных чувствах мелкой буржуазии и крестьянства. Словацкая буржуазия рассчитывала максимально и политически и экономически выиграть от провозглашенной «независимости», заняв место чешского капитала. И в определенной мере ей это удалось. Милитаризация хозяйства, военная конъюнктура, заказы гитлеровской Германии способствовали некоторому подъему промышленного производства, росту численности и занятости рабочих в Словакии⁵². Росли при этом и прибыли словацкой буржуазии⁵³, в своем подавляющем большинстве демонстрировавшей постоянное стремление к сотрудничеству с германскими монополиями. Заинтересованы в сотрудничестве с Германией были и поставщики продовольствия — крупные земельные собственники и кулачество в деревне. Что же касается политики гитлеровцев, то они, допуская определенное усиление словацких собственников в городе и деревне, сосредоточили полный контроль над экономикой Словакии в своих руках и подчинили ее своим интересам⁵⁴. Главная их цель — превратить Словакию в сырьевой придаток «рейха» — оставалась неизменной весь период войны⁵⁵. Провалились расчеты словацкой буржуазии в полном объеме получить чешскую и еврейскую «национализированную» собственность и обосноваться в ве-

душих отраслях промышленности (добывающая, перерабатывающая) и финансовом хозяйстве страны⁵⁶.

Гегемония чешского капитала сменилась гитлеровским диктатом⁵⁷. Это вызывало растущее недовольство части словацкой буржуазии и формировало антигитлеровские и антифашистские настроения буржуазных слоев, почувствовавших угрозу не только национальному, но и своему классовому существованию.

Отношение разных национальных отрядов бывших господствующих классов Югославии к факту потери целостности и национальной независимости, к режиму, установленному в стране, к экономической политике оккупантов было различным⁵⁸. Большая часть югославской буржуазии открыто политически и экономически сотрудничала с оккупантами. Такая возможность представлялась ей и в итальянской зоне оккупации, и в «независимом государстве Хорватии», и даже в Сербии. Но диктовалось и допускалось это сотрудничество не столько преднамеренной деятельностью оккупационных властей, сколько тем, что буквально с первых недель оккупации в Югославии вспыхнуло широкое и мощное национально-освободительное движение под руководством коммунистов. Это составляло серьезную и реальную угрозу как для оккупационного режима, так и для классового господства югославской буржуазии. И чем мощнее становилось народное сопротивление, тем более возрастала заинтересованность обеих сторон в этом сотрудничестве. Правда, существовали определенные круги, например часть сербской буржуазии, которые ориентировались на западные державы и до войны были с ними политически и экономически связаны. Они стояли на позиции неприятия оккупации и сопротивления фашистскому блоку. Активно используя националистические настроения среди некоторой части югославского общества, эти круги создали в стране незначительные вооруженные силы сопротивления, поначалу противостоявшие и оккупантам, и Народно-освободительной армии⁵⁹. Угроза классовому господству буржуазии, созданная вооруженной борьбой народа под руководством КПЮ, определила очень быстро изменение позиции и этих националистических сил в сторону сотрудничества с оккупантами⁶⁰.

Таким образом, в Югославии отношения «оккупанты — национальная буржуазия» оказались в иной плоскости, развивались на иной основе, чем, например, в про-

текторате или геперал-губернаторстве. Здесь вооруженный, борющийся народ был главным и единым противником как для оккупантов, так и для национальной буржуазии. Определяющим моментом в позиции большей, если не подавляющей части всех национальных отрядов югославской буржуазии сразу стали ее последовательно узкоклассовые, а не общенациональные интересы. Даже та часть буржуазных сил Югославии, которая ориентировалась на эмигрантское королевское правительство, значительно большую опасность для себя усматривала в НОАЮ, чем в оккупационном режиме.

Война и оккупационная политика произвела огромную «перетасовку» среди основной массы трудящегося населения оккупированных стран. Она вырвала миллионы людей из привычных условий жизни, изменила устоявшиеся представления, нарушила сложившиеся стереотипы мнений, оценок и т. п. Многих она заставила по-иному взглянуть на происходящее вокруг них. Война, как правило, круто изменила материальное и общественное положение представителей разных социальных слоев, ухудшила условия жизни, в первую очередь трудящегося населения.

Фашизм возродил крепостнические формы эксплуатации народов, которых нацисты считали уже покоренными. В первую очередь это относилось к рабочему классу и тем представителям иных социальных слоев, которые в годы войны пополнили ряды пролетариата в результате «национальной» и социальной политики оккупантов. В условиях роста дороговизны, мизерной оплаты труда и ничтожного продовольственного обеспечения обнищали все категории рабочего класса, испытывавшего жесточайшую эксплуатацию (особенно на военных заводах и фабриках, в добывающей и перерабатывающей промышленности)⁶¹.

Лишились своей собственности (особенно после коренного перелома в войне) и были вытолкнуты оккупантами в ряды неимущих мелкие предприниматели города. В отчаянном положении оказалась лишенная профессиональной занятости национальная интеллигенция, также влившаяся в ряды пролетариата, ремесленников, легальных и нелегальных торговцев и подвергавшаяся жестокой эксплуатации. В нацистской документации появился термин «уничтожение через труд» применительно к тем, кто участвовал в создании материальных ценностей. Наиболее

обнаженно такая политика проводилась нацистами в оккупированной Польше⁶².

В условиях национального бесправия, репрессий, подавления всякой общественно-политической жизни социальная политика гитлеровских оккупантов усиливала антигитлеровские, антифашистские позиции рабочего класса, всех слоев городского трудящегося населения в каждой оккупированной стране. Социально-политическое, классовое содержание этой позиции зависело от иных факторов, от уровня сознательности и зрелости пролетарских масс, от их довоенного политического опыта, от влияния, силы, способности к борьбе их руководства — политических партий.

«Национальная», социальная и экономическая политика гитлеровцев привела к изменению количественного и качественного состава рабочего класса за счет прилива интеллигенции и различных мелкобуржуазных слоев города⁶³. Это означало, с одной стороны, расширение социальной базы наиболее последовательных патриотических сил каждого национального общества. С другой стороны, возникала опасность снижения социальной и политической сознательности пролетариата, противостоящего и оккупантам и собственной буржуазии. В этих условиях неизмеримо возрастала роль компартий, их задача укрепления патриотических настроений народных масс и подведения к общей платформе общественно-политических позиций рабочего класса.

В своем подавляющем большинстве крестьянство — основное по численности население оккупированных стран Центральной и Юго-Восточной Европы — не мирилось и не смирилось с фактом потери национальной независимости. Постепенно, особенно в связи и по мере роста так называемых контингентов, налогов, поборов, обыкновенного грабежа, положение подавляющего большинства крестьянства ухудшилось, процесс осознания необходимости борьбы с оккупантами активизировался⁶⁴. Нарастали антиоккупационные, антифашистские настроения, источником для которых был глубокий патриотизм широких крестьянских масс. Политика оккупантов ускоряла превращение этих настроений в устойчивую антифашистскую позицию. Крестьянство оккупированных стран включалось в борьбу с оккупантами. Степень, формы и темпы участия крестьян в движении Сопротивления в значительной мере зависели от внутри- и внешне-

политической обстановки, от специфики политики оккупантов в каждой из оккупированных стран.

Оккупационный режим на польских землях воздействовал на переход польского крестьянства к активному вооруженному сопротивлению гитлеровцам. Наиболее политически сознательная часть польского крестьянства была в рядах партии польских коммунистов и сражалась в отрядах ее Гвардии людовой. Крестьянская вооруженная организация Батальоны хлопске насчитывала свыше 150 тыс. бойцов и принимала значительное участие в вооруженной борьбе с оккупантами⁶⁵. Крестьянство составляло главную опору и массовую базу Народно-освободительной армии Югославии⁶⁶. Самые широкие крестьянские массы этой страны в течение всей войны боролись за национальное и социальное освобождение под руководством КПЮ.

Более замедленными темпами от пассивного нейтралитета на враждебные оккупантам позиции переходило крестьянство Чехословакии, составлявшее резерв активных антифашистских сил страны. Национальное и социально-экономическое давление оккупантов было одной из причин того, что в период наивысшего национально-политического напряжения в стране (например, Словацкое восстание) крестьянство Чехословакии вливалось в активный вооруженный антигитлеровский фронт⁶⁷.

Таким образом, последовательно антифашистские, антигитлеровские (активные или пассивные) позиции самых широких слоев народа Польши, Чехословакии и Югославии, а также патриотической части буржуазии, явившиеся результатом действия ряда факторов, важным из которых был оккупационный режим, делали необходимым и возможным объединение этих сил в одном лагере — в антифашистских национальных фронтах.

¹ Вторая мировая война: Общие проблемы. М.: Наука, 1966, кн. 10, с. 25.

² См.: Коммунистическое движение в авангарде борьбы за мир, национальное и социальное освобождение: (К 40-летию VII конгресса Коммунистического Интернационала). М.: Политиздат, 1976, с. 144—146, 191.

³ Германская история в новое и новейшее время. М.: Наука, 1970, т. 2, с. 270.

⁴ Современные исследователи, отмечая многовариантность фашистского оккупационного режима, говорят об истребительной оккупации советских, польских и сербских земель (*Madajczyk Cz. Badania nad okupacjami hitlerowskimi.*— *Dzieje Najnowsze*, 1974, N 4, s. 57).

- ⁵ Подробнее см.: История второй мировой войны 1939—1945. М.: Военное изд-во, 1974, т. 2, гл. 2, 3; т. 3, гл. 1, 13.
- ⁶ Подробнее см.: *Недорезов А. И.* Фашистские планы германизации славянских стран в годы второй мировой войны.— В кн.: Немецко-фашистский оккупационный режим. М.: Наука, 1965; *Краль В.* Преступление против Европы. М.: Мысль, 1968.
- ⁷ См.: *Безыменский А. Л.* Генеральный план Ост: замысел, цели, финал.— Вопросы истории, 1978, № 5; *Носкова А. Ф.* Захватнические планы гитлеровской Германии на Востоке Европы.— В кн.: Исследования по славяно-германским отношениям. М.: Наука, 1971; *Przegląd Zachodni*, 1961, N 3; *Karný M.* Generalný plán Východ.— *Ceskoslovenský časopis historický*, 1977, N 3.
- ⁸ См.: История второй мировой войны, т. 3, с. 271—272; История Чехословакии. М.: Наука, 1960, т. 3, с. 326—328; *Pospieszański K. M.* Hitlerowskie «prawo» w okupowanej Polsce. Poznań: Instytut Zachodni, 1952, t. 1, s. 13; *Čulínovič F.* Okupatorska podjela Jugoslavije. Beograd: Vojnoizd. zavod, 1970, s. 77.
- ⁹ См. подробнее: *Лучак Ч.* Гитлеровские выселения на так называемых восточных землях, присоединенных к рейху.— In: *Studia Historiae Oeconomicae*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza, 1973, vol. 8; *Łuczak Cz.* Osadnictwo ludności niemieckiej w okupowanej Polsce (1939—1945).— *Ibid.*, vol. 13, 1978.
- ¹⁰ *Madajczyk Cz.* Polityka III Rzeszy w okupowanej Polsce. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1970, t. 1, cz. 2.
- ¹¹ *Stabek H.* Stadia rozwoju i charakter polskiej rewolucji. Lenińska teoria rewolucji.— *Historia i współczesność*. Warszawa: PWN, 1977, s. 155—156.
- ¹² *Cyprian T., Sawicki J.* Ludzie i sprawy Norymbergi. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 1967, s. 227.
- ¹³ *Дешучев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Документы и материалы. М.: Наука, 1973, т. 1, с. 16; *Sborník dokumentů k dějinám ČSR a KSC v letech 1938—1945*. Praha: Vysoká škola politická UV KSC, 1971, d. 1, s. 80—81.
- ¹⁴ *Краль В.* Указ. соч., с. 315—317.
- ¹⁵ *Král V.* Pravda o okupaci. Praha: Naše Vojsko, 1962, s. 157.
- ¹⁶ *Odboj a revoluce. 1938—1945*. Praha: Naše Vojsko, 1965, s. 146.
- ¹⁷ *Brandes D.* Die Tschechen unter deutschen Protektorat. München; Wien; Oldenburg: Hrsg. vom Vorstand des Collegium Carolinum Forschungsstelle für die böhmischen Länder, 1969, t. 1, s. 170.
- ¹⁸ *Sborník dokumentů...*, d. 1, s. 60—76.
- ¹⁹ *Odboj a revoluce...*, s. 150.
- ²⁰ *Hajková A.* Strana v odboji. Praha: Svoboda, 1975, s. 114.
- ²¹ *Sborník dokumentů...*, s. 93—101, 110—121.
- ²² *Král V.* Pravda o okupaci..., s. 157; *Z počátků odboji. 1938—1941*. Praha: Naše Vojsko, 1969, s. 67—74.
- ²³ История Чехословакии, т. 3, с. 342; *Sborník dokumentů...*, s. 82—83, 184—188, 194; *Hajková A.* Op. cit., s. 171.
- ²⁴ *Današ J.* L'udáci separatizmus a hitlerovské Neměcko. Bratislava: Vyd. polit. lit., 1963.
- ²⁵ *Dress H.* Slowakej und faschistische Neuordnung Europas 1939—1941. Berlin: Akad. Verl., 1972, s. 57.
- ²⁶ *Гусак Г.* Свидетельство о словацком национальном восстании. М.: Правда, 1969, с. 22—23.

- ²⁸ Там же, с. 21.
- ²⁹ Там же, с. 52—53.
- ³⁰ *Basta M.* Agonia i slom Nezavisne Države Hrvatske. Beograd: Rad, 1971, s. 64.
- ³¹ История Югославии. М.: Наука, 1963, т. 2, с. 188; *Čulinović F.* Okupatorska poljela..., s. 325, 343, 345.
- ³² *Ferenc T.* Massenvertreibung der Bevölkerung Jugoslawiens — Studia Historiae-Oeconomicae, 1973, vol. 8, s. 55, 59—60; Zbornik dokumenata: podataka o narodnooslobodilačkom ratu naroda Jugoslaviji. Beograd: Vojnoistorijski inst., 1973, t. XII, kn. 1, s. 92—93, 111—112; *Vražalić E.* Okupacioni sistemi u Jugoslaviji v svjetlu međunarodnog prava. Sarajevo: Univerzitet u Sarajevu, 1966, s. 260.
- ³³ *Славин Г. М.* Освободительная война в Югославии (1941—1945). М.: Наука, 1965, с. 29.
- ³⁴ *Яблоньский Г.* Политическая и военная роль антифашистского движения Сопротивления, подпольной борьбы и партизанских действий в Европе в годы второй мировой войны.— В кн.: Вторая мировая война. Движение Сопротивления в Европе. М.: Наука, 1966, кн. 3, с. 22.
- ³⁵ *Морача И.* Коммунистическая партия и социалистическая революция в Югославии в 1941—1945 гг.— В кн.: Из истории Великого Октября и последующих социалистических революций. М.: Наука, 1978, с. 527.
- ³⁶ *Гибианский Л. Я.* Развитие югославской революции в ходе народно-освободительной войны и борьба за окончательное утверждение новой Югославии.— В кн.: Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1977, с. 315; *Král V.* Otázky hospodářského a sociálního vývoje v českých zemích v letech 1938—1935. Praha: Nakladatelství Československé Akademie Věd, 1957, d. 1, s. 225.
- ³⁷ *Яблоньский Г.* Указ. соч., с. 24.
- ³⁸ *Ryszka F.* Sprawa polska..., s. 25.
- ³⁹ *Polska Ludowa.* 1944—1950. Przemiany społeczne. Wrocław s. a.: Ossolineum, 1974, s. 31.
- ⁴⁰ *Носкова А. Ф.* Разорение экономики Польши гитлеровской Германией. М.: Наука, 1971, с. 211.
- ⁴¹ *Madajczyk Cz.* Polityka..., t. 2, s. 31.
- ⁴² *Szczepański J.* Zmiany społeczeństwa polskiego w procesie uprzemysłowienia. Warszawa, Instytut Wydawniczy CRZZ, 1973, s. 202.
- ⁴³ *Madajczyk Cz.* Polityka..., t. 1, s. 31; t. 2, s. 324—333; По данным польского исследователя Ч. Лучака, в генерал-губернаторстве в первой половине 1944 г. в руки оккупантов перешел 1% от общего количества сельских владений (*Łuczak Cz.* Polityka ludnościowa i ekonomiczna Niemiec w okupowanej Polsce. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 1979, s. 523—526).
- ⁴⁴ *Turlej S.* Koncepcje ustrojowe obozu londyńskiego. Warszawa: KIW, 1978, s. 234—235; *Terej J. J.* Na rozstajach dróg. Ze studiów nad obliczem i modelem AK. Wrocław, E. a. Ossolineum, 1978, s. 210—225.
- ⁴⁵ См.: *Парсаданова В. С.* Формирование национального фронта в Польше. М.: Наука, 1972, с. 21—28; *Polska Ludowa...*, s. 29.
- ⁴⁶ *Przygoński A.* Z zagadnień strategii frontu narodowego PPR. Warszawa: KIW, 1976, s. 185—194.

- ⁴⁷ *Král V* Eksploatacja gospodarcza Czechosłowacji przez Niemcy hitlerowskie.— *Dzieje Najnowsze*, 1971, № 1/2, s. 202.
- ⁴⁸ В довоенной Чехословакии еврейская собственность составляла 30—40% (промышленники, торговцы, банкиры, рантье, служащие, лица свободных профессий). См.: *Král V*. Otázky..., d.1, s. 76.
- ⁴⁹ *Brannides D*. Op. cit., t. 2, s. 47, 49.
- ⁵⁰ *Průcha V*. Změny v sociální struktuře Československé společnosti v letech 1938—1945. Praha: Vysoká škola ekonomická v Praze. Fakulta národohospodářská, 1969, s. 27.
- ⁵¹ Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1977, с. 148, 194—195.
- ⁵² Подробнее об экономике Словакии в годы войны см.: *Kováčik L*. Slovensko v sieti nemeckeho finančného kapitalu. Bratislava: Slovenské vyd-vo politickej literatury, 1955; *Faltus J*, *Průcha V*. Priebeh hospodárskeho vyvoja na Slovensku v rokoch 1918—1945. Bratislava: Vyd-vo politickej literatúry, 1967.
- ⁵³ *Průcha V*. Op. cit., s. 55, 58, 59; *Dress H*. Op. cit., s. 116.
- ⁵⁴ Подробнее см.: *Hornová A*. K metodam ekonomického začlenenia Slovenska do monopolistického systému «tretej fiše».— *Revolučný odkaz SNP v hospodárskom rozvoji Slovenska*. Bratislava: Veda, 1974, s. 168—179.
- ⁵⁵ *Dress H*. Op. cit., s. 173.
- ⁵⁶ *Průcha V* Op. cit., s. 55.
- ⁵⁷ *Dress H*. Op. cit., s. 94, 174.
- ⁵⁸ Подробнее см.: *Морача П*. Компартия и социалистическая революция в Югославии.— Из истории Великого Октября и последующих социалистических революций. М.: Наука, 1978, с. 521—523.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Великий Октябрь и революции..., с. 118.
- ⁶¹ *Łuczak Cz*. Polityka ludnościowa i ekonomiczna..., s. 508.
- ⁶² *Madajczyk Cr*. Op. cit., t. 2, rozdz. XXVI; *Zuczak Cz*. Polityka ludnościowa i ekonomiczna..., rozdz. XVI.
- ⁶³ Великий Октябрь и революции..., с. 195; *Носкова А. Ф.* Указ. соч., с. 198—200; *Průcha V*. Op. cit., s. 46, 47, 59; *Łuczak Cz*. Polityka ludnościowa i ekonomiczna..., s. 509—510.
- ⁶⁴ *Madajczyk Cz*. Op. cit., t. 2, s. 97.
- ⁶⁵ Bataliony Chłopskie w walce o narodowe i społeczne wyzwolenie. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1975, s. 5; *Dzieje Polski*. Warszawa: PWN, 1975, s. 793.
- ⁶⁶ *Губианский Л. Я.* Указ. соч., с. 319—320.
- ⁶⁷ *Гусак Г.* Указ. соч., с. 374, 499.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Г. С. Филатов (СССР)	
Типология фашистских режимов и особенности итальянского фашизма	9
Ф. Рышка (ПНР)	
Организация фашистского государства	19
Б. Р. Лопухов (СССР)	
Фашизм и национализм (итальянский вариант)	29
К. Йонца (ПНР)	
Правовая система фашистского государства	37
С. П. Пожарская (СССР)	
Франкизм как испанская разновидность фашистской государственности	47
Я. Жарновский (ПНР)	
Проблема фашизма в польской историографии	64
А. Айненкель (ПНР)	
Фашизм и политическое устройство государств Центральной Европы в период между первой и второй мировыми войнами	70
М. С. Яжборовская (СССР)	
Особенности социально-политической структуры и борьба рабочего класса против реакции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в период стабилизации капитализма (1924—1928 гг.)	82
Р. П. Гришина (СССР)	
К вопросу о болгарской разновидности фашизма	101
Б. Й. Желицки (СССР)	
Создание и сущность антинародной буржуазной политической системы Венгрии в 20-х годах	120

И. В. Михутина (СССР)

Режим «санации» в Польше и политические организации трудящихся (1926—1930 гг.) 125

И. И. Поп (СССР)

Кризис фашистских режимов в Венгрии, Болгарии, Румынии, Словакии и Хорватии на завершающем этапе второй мировой войны 144

А. Ф. Носкова (СССР)

К вопросу о складывании антифашистских позиций классов и основных социальных групп Польши, Чехословакии и Югославии в годы фашистской оккупации 167

**ФАШИЗМ
И АНТИДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ
РЕЖИМЫ В ЕВРОПЕ**
начало 20-х гг.—1945 г.

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Редактор издательства Г. В. Моисеенко
Художник Д. И. Бочаров
Художественный редактор Н. А. Фильчагина
Технический редактор Т. Д. Панасюк
Корректоры Д. Ф. Арапова, Ф. А. Дебабов

ИБ № 22098

Сдано в набор 08.07.81
Подписано к печати 26.10.81
Т-27526. Формат 84×108^{1/2}₃₂
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 10,08. Усл. кр.отт. 10,28
Уч.-изд. л. 11 Тираж 8700 экз. Тип. зак, 770
Цена 75 коп,

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7 Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

**В 1982 г. В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»
ВЫЙДУТ В СВЕТ:**

**ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ
И РЕВОЛЮЦИИ 40-х ГОДОВ
В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**
2-е изд., переработанное и дополненное
40 л., 2 р. 90 к.

В книге освещается использование опыта Великого Октября в ходе революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, вскрываются общие закономерности и особенности революций в странах региона, рассматриваются процессы социально-экономических преобразований. Издание дополнено новыми материалами, учтены замечания и пожелания зарубежных и советских специалистов.

**КРИЗИС ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КАПИТАЛИЗМА
В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**
(межвоенный период)
20 л., 2 р. 50 к.

Книга написана совместно советскими и венгерскими учеными. Освещается широкий круг вопросов, раскрывающих различные стороны кризиса буржуазной политической системы в Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии, Чехословакии и Югославии в период между двумя мировыми войнами. Статьи носят теоретический и историографический характер. В части из них проблема рассматривается в стратегическом плане. Авторы вводят в научный оборот ряд новых источников, в том числе многие архивные документы, дают новую трактовку некоторым общественно-политическим процессам.

**СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ И БАЛКАНИСТИКА
В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ**
20 л., 2 р. 30 к.

Книга содержит статьи, рефераты и другие материалы, освещающие вопросы международного сотрудничества советских ученых, состояние славянских и балканских исследований, разработку за рубежом конкретных проблем истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Значительное место занимает исторический анализ «восточноевропейских исследований», ведущихся на Западе (США, ФРГ, Франция и др.), а также современной буржуазной историографии стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Книги можно предварительно заказать в магазинах Центральной конторы «Академкнига», в местных магазинах книготоргов или потребительской кооперации без ограничений.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117192 Москва В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197110 Ленинград П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);

370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13;

320005 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);

734001 Душанбе, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);

335009 Ереван, ул. Туманяна, 31;

664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289;

252030 Киев, ул. Ленина, 42;

252030 Киев, ул. Пирогова, 2;

252142 Киев, проспект Вернадского, 79;

252030 Киев, ул. Пирсгова, 4 («Книга — почтой»);

277001 Кишинев, ул. Пирогова, 28 («Книга — почтой»);

343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1;

660049 Красноярск, проспект Мира, 84;

443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);

192104 Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57;

199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;

196034 Ленинград, В/О, 9 линия, 16;

220012 Минск, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);

103009 Москва, ул. Горького, 8;

117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;

630076 Новосибирск, Красный проспект, 51;

630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»);

142292 Пушкино Московской обл., МР «В», 1;

620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);

700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;

700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;

700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);

634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;

450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);

450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49;

720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);

310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).

75 коп.

